

ГЛЕНН Д. ПЕЙДЖ

**ОБЩЕСТВО БЕЗ УБИЙСТВА:
ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?**

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2005

ББК 66.0

П25

Пейдж Г.

П25 **Общество без убийства: Возможно ли это? / Пер. с англ. А. Г. Старцевой. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 186 с. ISBN 5-288-03600-4**

Эта книга предлагает всем, кто занимается политологией, а также просто заинтересованным и равнодушным людям задуматься над вопросом: «Возможно ли общество, которое не приемлет убийство?». Автор, заслуженный профессор университета штата Гавайи, основатель и президент некоммерческого центра за Глобальное Ненасилие в Гонолулу, не просто дает положительный ответ на этот вопрос, но и предлагает свое обоснование возможности существования такого общества, а также рассматривает последствия признания реальности такой перспективы для политологии.

ББК 66.0

© Glenn D. Paige, 2002
© А. Г. Старцева, перевод, 2005
© В. В. Смирнов, введение, 2005
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2005

ISBN 5-288-03600-4

Посвящается Ричарду Снайдеру (1916–1997),
Губерту Уилсону (1909–1977),
политологам, ученым, учителям, друзьям

Наука, которая боится забыть постулаты своих основателей,
обречена на гибель.

Альфред Норт Уайтхед

Введение

В августе 1979 г. в Москве в рамках XI Всемирного конгресса Международной ассоциации политической науки состоялся прямой диалог между мировым политологическим сообществом и представителями почти всех существовавших в тот период в Советском Союзе общественных дисциплин, которые хоть в какой-то степени занимались политическими проблемами. Впрочем, точнее следовало бы говорить о прямом соприкосновении западных политологов, тогда придерживавшихся преимущественно позитивистских теоретико-методологических взглядов, и главным образом идеологически ориентированных, или даже идеологически детерминированных советских обществоведов.

Для некоторых из нас, начинающих исследователей, в той или иной степени знакомых с западными социальными науками, во всяком случае, для меня, пожалуй, самым неожиданным открытием стали не сциентистско-бихевиористские концепции, а идеи «ненасильственных политических альтернатив» и «ненасильственной политической науки». Они были высказаны в докладе профессора Гленна Пейджа, представлявшего университет тогда казавшихся недостижимо-сказочных Гаваев. Признаюсь, эти идеи поразили меня сразу по нескольким причинам. Во-первых, тем, что они подтвердили существование в США подлинных академических свобод и теоретико-методологического и ценностного плюрализма. Во-вторых, тем, что столь милые моему сердцу с детства благодаря матери-филологу некоторые гуманистические мысли Льва Толстого могут получить политологическое обоснование. Более того, оказывается, в рамках этой строгой социальной науки разрабатываются средства воплощения в мировую политическую практику христианской заповеди «Не убий». И, наконец, мне стала очевидна пропасть между пропагандистскими статьями о «борьбе за мир» и научными поисками путей его достижения. Вместе с тем мне показалось, что концепция Гленна Пейджа слишком идеалистична и еще долго не будет воспринята в мире, основанном на государственном насилии, во всяком случае, в моей стране.

Поделившись осторожно этими своими открытиями с тогдашним президентом Советской ассоциации политических наук Георгием Хосроевичем

Шахназаровым, во многом благодаря усилиям которого в те малоблагоприятные для научных инноваций времена не только состоялся Конгресс, но и могли развиваться как сама Ассоциация, так и политологические исследования, я был приятно удивлен его реакцией. Он напомнил мне, что в противоречивом российском менталитете и исторической практике причудливо уживаются чудовищная жестокость, проявленная и деяниями ряда русских царей и в ходе гражданской войны, и готовность к самопожертвованию, например, духоборцев, во имя данной заповеди (по мнению Г. Х. Шахназарова, полнее и точнее всего это противоречие осмыслил Федор Михайлович Достоевский). И затем добавил, что доклад Пейджа фактически доказывает, что угрозу ядерного самоуничтожения человечества без нового мышления не предотвратить. Столь неожиданное суждение было, безусловно, ересью, если вспомнить, что в те времена советские СМИ настойчиво убеждали отечественную и зарубежную аудиторию, что приостановить эту угрозу может организованная борьба всех миролюбивых сил планеты, а окончательно ее устранить — только победа социализма на всем земном шаре. Эта фраза Г. Х. Шахназаров сразу всплыла в моей памяти, когда генеральный секретарь КПСС Михаил Сергеевич Горбачев, помощником которого был Георгий Хосроевич, вдруг заговорил о новом политическом мышлении.

Не только вышеприведенные случаи, но и мировые события между представленным в 1979 г. докладом Г. Пейджа и выходом в свет предлагаемой вашему вниманию книги убедительно подтверждают, если глубоко гуманистическую идею талантливо развивает и неусташно и терпеливо разъясняет яркая одаренная личность, эта идея, пересфразируя выражение Пейджа, подобно мощному космическому потоку втягивает в себя развивающие ее дополнительные концепты и воплощающие ее в жизнь практики. Воздействию идеи создания ненасильственного общества Пейджа способствует и то, что он не скрывает гигантских трудностей, стоящих на пути ее реализации. Он беспощадно вскрывает корни и идейные обоснования насильственного характера организации человеческой цивилизации, в том числе самой Америки, точно описывает пружины, механизмы и факторы непрерывно совершенствующихся орудий убийства и дает статистически точную картину разрастающихся масштабов уничтожения людей.

Автор не скрывает, что и классическая политическая наука, и основополагающие положения теорий подавляющего большинства политологов-классиков и современных исследователей опираются на признание насилия в качестве базовой природы властно-политической организации общества, публично-политического управления всех уровней — от местного до международного. Он с горечью отмечает: «Политология, принимающая насилие, не поощряет размышления о ненасилии; она отвергает эти размышления как «утопические», «идеалистические» и «нереалистические», и поэтому обречена на насилие».

Всем бесчисленным и, казалось бы, неопровержимым доказательствам

неизменной и непоколебимой насильственной природы человечества Пейдж противопоставляет собранные и тщательно им проанализированные на протяжении четверти века историко-фактические, идейно-философские и строго научные аргументы. Так, например, выясняется, что в среднем на протяжении истории человечества только около одного процента человеческих существ когда-либо убивали себе подобных. Начиная с Древнего мира регулярно появлялись и продолжают появляться политические лидеры, религиозные пророки, духовные наставники, мыслители и подвижники, обосновывающие и пытающиеся применять на практике различные проекты создания ненасильственного общества. Пейдж тщательно прослеживает их взаимовлияние, например влияние Толстого на Ганди. Весьма интересны и поучительны для нас, как иллюстрация еще одних упущенных Россией возможностей, приведенные им факты появления в период холодной войны в США, Советском Союзе и Китае — странах «с самыми жесткими революционными традициями» — работ, обосновывающих возможность ненасильственных революций.

Особая роль в формировании ненасильственного общества, доказывает Пейдж, принадлежит науке, и прежде всего политической науке. Он призывает к совершению ненасильственной научной революции. В политологии она будет, по его мнению, состоять из семи связанных друг с другом «субреволюций»: нормативной, информативной, теоретической, образовательной, практической, институциональной и методологической. Пейдж предлагает свое видение специфики перехода к отрицанию убийства в таких областях политической науки, как политическая философия и теория, исследования американского управления и политики, сравнительная политика и международная политика.

Пейдж прекрасно отдает себе отчет в том, что наряду с политологией достижению ненасильственного общества могут и должны способствовать и другие отрасли научного познания. Он показывает, какие науки и каким именно образом. Реализм Пейджа проявляется и в том, что он обращает внимание и на необходимость переориентации на ненасильственные процедуры и цели и остальных государственных и общественных институтов, включая политические партии, органы власти и управления, университеты и др.

От его внимания не ускользнул и такой нарастающий вызов отказу от насилия и убийств, как терроризм. Для противодействия ему Пейдж еще раз подчеркивает необходимость конструктивной политики, включающей в себя создание условий для формирования всеобщего протеста против войны, ликвидации бедности, проведения эффективной ненасильственной борьбы за права и достоинства человека, обеспечения защиты окружающей среды, устойчивого развития и т. д.

Профессор Пейдж не только разделяет оптимизм своих великих предшественников по отношению к возможности и необходимости утверждения ненасильственного характера жизни человечества. Читая с 70-х годов спе-

циальные курсы и с помощью основанного им в 1994 г. Центра по достижению глобального ненасилия в Гюнолулу, он подготовил сотни учеников и последователей, разработал учебные программы, опубликовал ряд книг и десятки статей и выступил на множестве семинаров, слушаний и конференций.

Настоящая книга является венцом этой его подвижнической деятельности. Об ее успехе свидетельствует тот факт, что она уже переведена на 17 иностранных языков с потенциальным числом читателей выше 2,7 млрд человек. Выход книги Пейджа на русском языке особенно своевременен. Научному сообществу трансформирующейся России и читающим на русском языке научным сообществам ее стран-соседей она предлагает новые ненасильственные парадигмы в глобализирующейся политической науке, выдвигает методы и перспективы междисциплинарного сотрудничества в этом поиске. Общество и политиков она не только убеждает в возможности преодоления конфликтно-насильственного характера развития на постсоветском пространстве, но и формулирует способы решения этой задачи. Основные идеи этой уникальной книги могут и должны быть приняты как основа общих ценностей человечества в XXI в. и как программа их реализации.

*Вильям Смирнов
Зав. сектором политологических исследований
Института государства и права РАН,
профессор Российской академии государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
вице-президент Российской и Международной
ассоциаций политической науки*

Предисловие

Эта книга предлагается для внимательного и критического прочтения в первую очередь всем тем, кто интересуется политическими науками, — от студентов-первокурсников до маститых профессоров. Ни возраст, ни уровень образования и эрудиции не мешает людям разделять широко бытующее мнение, что убийство является неизбежным спутником человеческого существования и что это должны признавать политическая теория и практика. Автор очень надеется, что читатели вместе с ним усомнятся в непреложности такого представления и внесут свой посильный вклад идей и действий в фундамент будущего глобального общества, основанного на неприятии убийства.

Вполне возможно, что это первая книга на английском языке, в названии которой фигурирует словосочетание «неприятие убийства». Термин еще не вошел в широкое употребление. Он призван выйти за пределы понятий «пацифизм» и даже «ненасилие», чтобы сосредоточиться на убийстве, лишении человека жизни. Первоначальной реакцией многих из моих читателей может быть возражение, что концентрация на неприятии убийства — это слишком мрачно, слишком узко, и оставляет без внимания более важные вещи. Их точка зрения будет близка идеям Ганди, который учил, что если трактовать *ahimsa* (ненасилие: не причинить вреда ни мыслью, ни словом, ни действием) как неприятие убийства, то от насилия как понятия его будет отделять совсем небольшое расстояние.

И все же если бы сам Ганди поразмышлял над этой книгой как читатель, он мог бы прийти к выводу, что концентрация на отрицании убийства как источника и спутника других форм насилия могла бы стать первым шагом на пути к политической науке ненасилия, а со временем и переходом от политики лишения жизни к политике приоритета жизни.

Основная идея этой книги в том, что общество неприятия убийства может стать реальностью и что способствовать этому будет изменение

самой политической науки как дисциплины, а также ее социальной роли. Существующее в политической теории и практике убеждение, что убийство является неизбежным спутником человеческого существования и жизни общества, оспаривается по следующим позициям.

Во-первых, известно, что люди способны как убивать, так и воздерживаться от убийства, и это может быть обусловлено как их биологической природой, так и воспитанием.

Во-вторых, несмотря на свою способность убивать, большинство представителей человечества не являлись и не являются убийцами.

В-третьих, целый ряд общественных институтов продемонстрировал, что общество может исповедовать заповедь «не убий», и при удачном обобщении и продвижении опыта таких институтов они могут стать компонентами будущих обществ неприятия убийства.

В-четвертых, учитывая последние и ожидаемые научные открытия в области исследования причин, подвигающих на убийство, и причин, заставляющих делать выбор за или против лишения человека жизни, вполне можно будет влиять на общество и человеческую природу, склоняя ее к отрицанию убийства.

В-пятых, учитывая сказанное, следует согласиться с тем, что тезис о «склонной к убийству» природе человека, являющийся теперь основанием признания неизбежности насилия политическими науками и самой политикой, вряд ли сможет служить краеугольным камнем интересующей нас дисциплины в дальнейшем.

В-шестых, с целью продвижения к глобальному обществу, свободному от желания убивать, тем политологам, которые еще не верят в возможность существования такого общества, предлагается рассмотреть эту возможность гипотетически, с чисто теоретической точки зрения, применяя как дедуктивные, так и индуктивные методы. Такой гипотетический анализ, проведенный как скептиками, так и теми, кто верит в возможность трансформации к ненасилию, мог бы значительно продвинуть политическую науку. Точно так же как и сторонники, и противники доктрины ядерного сдерживания имели возможность теоретически исследовать и обсудить последствия локальной ядерной войны, политологи, и принимающие, и отвергающие насилие, могли бы вести дискуссию с целью изучения предпосылок, процессов и последствий решимости создать условия для существования глобального общества неприятия убийства.

Несмотря на то, что эта книга адресована прежде всего тем, кто занимается политической теорией и практикой, очевидно, что общества неприятия убийства не могут быть созданы без открытий и усилий

всех научных дисциплин и специалистов. Великолепным примером может служить первый шаг к созданию прикладной науки бескорыстной любви, сделанный социологом из Гарварда Питиримом Сорокиным, издавшим в 1954 г. книгу «Пути и сила любви». Нам необходимо разработать естественные и биологические науки, социальные и гуманитарные науки, основанные на философии неприятия убийства; необходимо, чтобы появились профессионалы и просто люди самого разного рода занятий, исповедующие неприятие убийства. Кроме того, чтобы в полной мере понять прошлое и настоящее человеческих возможностей, мы должны делиться опытом с другими культурами. Чтобы быть нормативной и воистину верной, а также осуществимой в реальной действительности, политическая наука неприятия убийства как теоретически, так и практически должна быть глобальной.

Признательность автора

Никакие выражения благодарности не могут в полной мере передать, насколько я обязан все тем, кто явно или незаметно для себя, совсем недавно или давно внес вклад, сделавший возможным издание этой книги. Библиографический список содержит имена этих людей, и я хочу упомянуть некоторых из них здесь. Я глубоко благодарен жителям штата Гавайи, которые помогали мне на трудном научном пути, старшекурсникам Гавайского университета из разных стран, которые принимали участие в семинарах «Политические альтернативы ненасилия» в 1978-1992 гг., а также докторантам, работавшим над диссертациями на тему ненасилия, а теперь ученым — Франсис Блюм, Чайвагу Сатха-Анану и Макаладо А. Мазлиму.

Представляя эту книгу на суд читателей, я прекрасно осознаю, какое влияние при ее написании оказали на меня два выдающихся преподавателя политологии из Принстонского университета — Ричард Снайдер и Губерт Уилсон. Снайдеру я обязан своим уважением к наукам, к междисциплинарным исследованиям, убеждением в том, что суть политики заключается в способности делать выбор, пониманию важности образования на всех уровнях, а также того, что система ценностей может высвечивать те вещи, которые не всегда видит люди, такой системой не обладающие. Уилсон, также как позже и Ганди, помог мне понять, что свободное и справедливое общество нуждается в ученых и гражданах, готовых защищать свои убеждения, даже если это иногда означает остаться в одиночестве.

Как все ученые, я получал поддержку и информацию и в академической среде, и за ее пределами. Мне оказали помощь и поддержку замечательные люди самых разных профессий и занятий. Духовные лидеры: Акариас Тулси и Махапрагайя, раввин Филипп Бенгли, преподаватель Сидней Хинкес, Дайсак Икеда, сестра Анна Маканаи, лама Дубуму Тулку, отец Джордж Забелка и Абдурахман Вахид.

Ученые-естественники — Ан Чунг-Си, Чунг Юн-Джей, Джеймс Дейтор, Йоханн Галтунг, Пьеро Джорджи, Хонг Сунн-Чик, Ли Джей-

Бонг, Брайан Мартин, Рональд Маккарти, Брюс Мортон, Кинхид Му-пакоджи, Еремей Парнов, Илья Пригогин, Томас Рамси, Ри Йонг-Пил, Хирокару Секи, Уильям Смирнов, Лесли Спонсел, Джин Шарп, и Ральф Сами. Ученые-гуманитарии — А. Л. Херман, Ричард Джонсон, Майкл Наглер, Чаман Нахал, Джордж Симсон, Татьяна Якушкина и Майкл Тру; библиотекари — Рут Бинц и Брюс Бонта. Политические и общественные деятели — Джеймс Альбертини, М. Арам, А. Т. Арийаратне, Данило Дольчи, Гвинфор Эванс, Хуанг Янг-Йоп, Петра Келли, Джин Садако Кинг, Майрид Корриган Магуир, Абдул Салам аль-Маджали, Рональд Маллоун, Урсула Маллоун, Андрес Пестрана, Хоакин Урреа, и Ригта Уолстрем. Пропагандисты теории ненасилия: Дхармананда, Чарльз Л. Альфин старший и Бернар Ла-Файетт младший. Врачи, лечащие как тело, так и душу: Тьонг Х. Кам, Джин Р. Ледук, Рамон Лопес Рейес, Ри Донгшик, Ро Йонг-Ву и Уэсли Вонг. Сторонники нововведений и реформ: Виджай К. Бхардвай, Карен Кросс, Вэнс Энглман, С. Л. Ганди, Сара Джиллиатт, Лу Анн Хайхео Гуансон, Манфред Хеннингсен, Теодор Херман, Цзе Хиан Леонг, Энтони Марселла, Ричард Морс, Ромола Морс, Скотт МакВэй, Хелла МакВэй, Гедонг Багосэ Ока, Бертон М. Сапин, Стенли Шаб, Уильям Шоу, Джоанн Тачибана, Вольдемар Томуск, Джон Трент и Альваро Варгас.

Я глубоко признателен всем читателям, которые поделились своими мыслями и идеями по поводу рукописи этой книги: Ан Чунг-Си, А. Т. Арьяратне, Джеймсу МакГрегору Бернсу, Чайвату Сата-Ананду, Вэнсу Энглману, Иоханну Галтунгу, Луису Ксавье Ботеро, Амедео Коттипо, Элизабетте Форни, Лу Анн Хайхео Гуансон, Кай Хсберт, Теодору Херману, Хонг Сунг-Чик, Эдварду Колоджей, Рамону Лопес-Рейес, Кайксия Лу, Майриду Корригану Магуиру, Брайану Мартину, Мелиссе Машберн, Джону Монтгомери, Брюсу Мортону, Мупе Махендра Кумар, Винсенту Полларду, Илье Пригогину, Н. Радхакришнану, Фреду Риггсу, Джеймсу Робинсону, Бертону Сапину, Намрате Шарма, Джорджу Симсону, Дэвиду Сингеру, Чанзу Сонгу, Ральфу Сами, Константину Тюсову, Вольдсмару Томуск, Майклу Тру, С. П. Удайкаумару, Т. К. Н. Унитган, Альваро Варгасу и Баоксу Жао. Их комментарии придали значения моей работе и высветили препятствия для ее реализации. Вся ответственность за возможное неадекватное вошлощение их замечаний лежит на мне.

Я очень благодарен Джеймсу Робинсону, первому читателю моей рукописи в феврале 1999 г. за его дружеское предложение, в духе Ричарда Свайдера, написать вступление.

Я глубоко и вечно обязан Гленде Хатсуко Найто Пэйдж — за то, что она подготовила печатный вариант моей рукописи, так же, как она это делала со всеми моими книгами и эссе на протяжении более двадцати пяти лет, и за то, что она была со мной во всех путешествиях — поисках возможности создания ненасильственного общества, приводивших нас на Бали, в Бангкок, Бейджин, Берлин, Брисбен, Хиросиму, Лондон, Москву, Нью-Дели, Нью-Йорк, Париж, Провинстаун, Пхеньян, Сеул, Токио и Улан-Батор, — и при ней нельзя было забывать о своей собственной работе.

Выражаю признательность издательству «Коламбия Юниверсити Пресс» за разрешение процитировать отрывок из произведения Джона Берджесса «Воспоминания американского ученого» (с. 00), копрайт © Columbia University Press, 1934.

Глава 1

ВОЗМОЖНО ЛИ ОБЩЕСТВО НЕПРИЯТИЯ УБИЙСТВА?

Философия, как и любая наука, начинается тогда, когда кто-то задает общий вопрос.

Бертран Рассел

Вопросы, которые ставит страна, служат мерилом политической зрелости этой страны. Очень часто неудачи данной страны являются следствием того, что она не задала правильный вопрос сама себе.

Джсаватарлал Неру

Возможно ли общество неприятия убийства? Если нет, почему? Если да, почему?

Что же имеется в виду под «обществом неприятия убийства»? Это человеческое сообщество, большое или маленькое, локальное или глобальное, где не убивают людей и не пользуются угрозой убить; где нет оружия, созданного для убийства людей, и оправданий для его использования; нет условий для существования или перемен в обществе, зависящих от убийства или угрозы убийства.

Итак, нет убийства людей или угрозы убийства. Это условие может распространяться на животных или другие формы жизни, но неприятие убийства людей является главной предпосылкой. Нет угрозы убийства; неприятие убийства не основано на страхе. Нет оружия для убийства (кроме как в музеях, посвященных истории пролития человеческой крови) и нет никакого оправдания отнятию жизни. Конечно, убивать можно и без специального оружия — кулаком или ногами; но нет намерения применять способность убивать, равно как и создавать специальные «технические» средства. Религии

не санкционируют убийство, отсутствуют заповеди, призывающие к этому. Правительства не легитимируют убийство, патриотизм этого не требует; революционеры его не предписывают. Интеллектуалы не оправдываются за него; художники не прославляют; народная мудрость не поддерживает его; здравый смысл не одобряет. Если пользоваться компьютерной терминологией нашего времени, общество не предоставляет ни «аппаратного», ни «программного» обеспечения для убийства.

Структура общества не зависит от отнятия жизни. Отсутствуют социальные взаимоотношения, существование или изменение которых требовало бы убийства или угрозы убийства. Никакие отношения доминирования или избранности — границы, формы правительства, собственности, пол, раса, этнос, класс или системы религиозных или гражданских верований — не требуют убийства, чтобы поддерживать их или противостоять им. Все это не означает, что общество не имеет никаких границ или бесконфликтно; это означает, что его структура и процессы не зависят от убийства. Не существует профессий и занятий, легитимных или нет, основной целью которых является убийство.

Таким образом, жизнь в обществе, не приемлющем убийство, характеризуется тем, что в нем не убивают людей и не угрожают убить, что в нем не существует специальных средств для убийства или его оправдания, и нет социальных условий, которые зависят от убийства или угрозы убийства.

Возможно ли общество неприятия убийства?

На наши ответы будут влиять личный опыт, профессиональная подготовка, культура и контекст — все факторы, которые обычно привлекаются политологами, чтобы объяснять поведение других, и влиянию которых они сами подвержены.

Такое просто невысказано!

Именно так хором ответили все двадцать членов группы американских политологов, когда на летнем семинаре 1979 г., организованном Национальным Гуманитарным Фондом, им был задан подобный вопрос. Целью семинара был обзор классики западной политической мысли с тем, чтобы использовать ее в преподавании в колледже. Вопрос был сформулирован так: «Возможна ли политика ненасилия и политология ненасилия?». На этом семинаре были в равной пропорции

представлены все четыре основных направления американской политической науки: политическая теория, Американское правительство, компаративная политика, международные отношения. Среди ученых-мужчин была одна женщина.

Ответ был подкреплен тремя аргументами в короткой дискуссии, завершившей семинар. Во-первых, люди — убийцы от природы, они опасные социальные животные, всегда готовые убить. Во-вторых, недостаток ресурсов всегда порождает конкуренцию, конфликт и убийство. В-третьих, постоянно присутствующая опасность изнасилования вынуждает самцов быть готовыми убить, чтобы защитить самок. (Аналогичный аргумент единственной женщины остался без внимания: «Если кто-либо будет угрожать жизни моего ребенка, я убью его». Также не прозвучал обычный в этой ситуации встречный вопрос, полагаемый, как правило, достаточным, чтобы поставить крест на теории и практике отказа от убийства: «Как можно было, не применяя насилие, остановить Гитлера и Холокост?».)

Итак, трех «первичных» аргументов — о человеческой природе, о нехватке ресурсов и о сексуальных домогательствах оказалось достаточно, чтобы отказать теории и практике политики неприятия убийства в возможности существования.

Не возникло необходимости прибегать к только что повторенной классике западной политической мысли. Ее высшие достижения, вроде карательной законодательной традиции в Китае и каутильянской традиции в Индии заставляют прийти к тому же выводу: явно или скрыто готовность убивать полагается основой для создания и защиты «добропорядочного» общества. В идеалистическом произведении Платона (427–347 гг. до н. э.) «Республика» правители-философы (Патроны), набранные из класса воинов (Наемники), правят Работниками и Рабами путем убеждения и принуждения. Более того, как отмечает Лсон Харольд Крейг, «Объективный наблюдатель принужден будет сделать вывод, что [в “Республике”] войну необходимо рассматривать как непреложный факт политической жизни, как, собственно, и любой другой жизни, и что любое более или менее значительное решение должно приниматься с учетом этого факта» (см.: Craig 1994: 17; ср.: Sagan 1979).

В «Политике» Аристотеля (384–322 гг. до н. э.) при одобряемых им политических режимах — будь власть в руках одного правителя, двух или нескольких — собственники вооружены, а для укрощения рабов и защиты от врагов необходима армия. Ни Платон, ни Аристотель не ставят под сомнение необходимость убийства в военных целях.

Почитаемый многими Маккиавелли (1469–1527) в своем трактате «Государь» дает четкое обоснование необходимости убивать для правителей — они должны делать это, чтобы поддержать свою власть, поощрять доблесть и отстаивать честь своих государств. Лучше, конечно, править, используя хитрость и мудрость «лиса», но при необходимости правители не должны гнушаться убийственной силой «льва». Он считает, что гражданская милиция обязана укреплять власть республиканского государства.

Томас Гоббс (1588–1679) в «Левиафане» развивает идею о необходимости для государства убивать, чтобы поддержать общественный порядок и одерживать военные победы. Поскольку люди — убийцы по природе, неорганизованная жизнь в стихийном государстве приведет к хаосу насилия. Однако, поскольку у людей силен также инстинкт выживания, они вынуждены соглашаться на подчинение центральной власти, облакаемой правом убивать ради их же безопасности, оставляя за собой право убивать в целях самообороны. Гоббс останавливается в одном шаге от оправдания вооруженного восстания.

Этот шаг за него делает Джон Локк (1632–1704) в своей работе «Два трактата о государственном правлении». Он соглашается с Платоном, Аристотелем, Маккиавелли и Гоббсом в том, что политическая власть должна быть готова убивать, однако он идет дальше и оправдывает революционное убийство. Когда власть становится тиранической и нарушаются суверенные права граждан на собственность, свободу и саму жизнь, угнетенные граждане имеют право и обязанность покончить с этой властью. Точно также как убийца в дикой природе может быть сам убит, граждане цивилизованного общества могут уничтожить деспотического правителя. «Двойное» оправдание Гоббсом и Локком убийства правителем/правителя было перенесено на уровень экономической классовой борьбы Карлом Марксом (1818–1883) и Фридрихом Энгельсом (1820–1895) в их «Коммунистическом манифесте». Классе собственников может защищать свои интересы с помощью убийства, но когда материальные и социальные отношения достигают критической точки, угнетенные классы могут восстать, чтобы изменить экономическое и политическое устройство общества. В некоторых отдельных случаях современной выборной демократии возможна мирная передача власти. Когда-нибудь в будущем, с прекращением экономической эксплуатации, исчезнет классовое государство, основанное на убийстве, но в переходный период экономические факторы будут создавать условия для убийства.

Во взглядах Жан-Жака Руссо (1712–1778) можно найти много об-

щего со взглядами Гоббса. В своем трактате «Об общественном договоре» он предлагает теорию «общественного договора» как основы политической организации государства. Граждане коллективно представляют и суверенную власть, и подданных государства. Они обязуются подчиняться правительству, которое составляет и проводит в жизнь законы, руководствуясь «коллективной волей». Согласно договору, государство имеет право вести войны и осуществлять завоевания, предатели могут быть казнены, а преступники убиты. Правительство может приказывать гражданам принести себя в жертву ради государства:

Quand le prince lui a dit: Il est expedient a l'État que tu mueres, il doit mourir; puisque... sa vie n'est plus seulement un bienfait de la nature, mais un don conditionnel de l'État.

Du contrat social. Livre II. Chapitre V

Когда власть скажет гражданину: Государству необходима твоя жизнь, — он должен умереть; поскольку... жизнь его не является более даром природы, а дается государством согласно договору.

«Об общественном договоре». Кн. II, гл. V

В конечном итоге, демократический общественный договор Руссо крепко связан с убийством.

В XX в. Макс Вебер (1864–1920), видный немецкий политический экономист и социолог-теоретик, в своей работе «Политика как призвание», которая впервые была прочитана им с кафедры Мюнхенского университета в 1918 г., категорически отрицает саму мысль, что политика может обходиться без убийства. Для Вебера «насилие является решающим средством для политики», исторически все основные политические институты родились в горниле насильственной борьбы за власть. Неудивительно, что Вебер дает такое определение государству: «человеческое сообщество, которое эффективно владеет *монополией на законное использование физической силы на данной территории*». Следовательно, «тот, кто ищет спасения собственной души и душ ближних, не должен заниматься политикой, так как у последней совершенно другие задачи, и решены они могут быть только с использованием силы» (Weber 1958: 121, 78, 126).

Таким образом, становится совершенно ясно, что ученые, исповедующие взгляды Вебера и его предшественников в философии,

должны считать политику и политическую науку неприятия убийства «немыслимой». Суть профессии политолога была выражена очень четко и кратко в высказывании одного маститого американского ученого в 50-е годы. Когда молодой коллега попросил его дать свое определение политики, изучением которой он занимался все свою жизнь, тот сказал, покуривая трубку: «Я изучаю власть государства, дающую право убивать». Вся история и культура Америки «насквозь пропитана» философской традицией убийства, благословляемой религией, принимающей насилие, и это только усиливает веру ученых и граждан Америки в то, что не убивающее общество невозможно. Отзвуки этой традиции слышны в мушкетных выстрелах в Лексингтоне, где началась Американская революция, в высказываниях Локка, оправдывающего вооруженное восстание, прославляемое в Декларации Независимости, и в призыве «Живи свободным или умри», прозвучавшем в Нью-Хэмпшире. Они слышны в «Босвом гимне республики», призывающем унионистов к победе над конфедератами, и в дерзком рефрене «Дикси», и в «Военно-морском гимне», воспевающим победы в дальних странах и на морях. Эти же отзвуки слышны в 21 выстреле салюта во время инаугурации Президента, который является также и Верховным Главнокомандующим. Салют — это напоминание о полном насилии прошлом страны и ее современной военной мощи. Напоминанием служат и регулярно повторяющиеся церемонии с флагом, гимном и военным эскортом, прославляющие жертвенность и кровопролитие, освященные президентским «напутствием»: «Боже, благослови Америку» (Twain 1970)¹.

Рождение Америки, ее территориальная экспансия, национальная интеграция и распространение глобального влияния — все сопровождалось убийством. Точное число погибших и раненых, своих и чужих, неизвестно, да и вряд ли будет когда-нибудь известно, но несомненно одно — убийство — основа американского государства. Дадим возможность политологам из других стран самим поразмышлять над тем, какой вклад внесло убийство в основание их собственных политических систем.

Новая нация родилась в огне республиканского восстания против колониального монархического правления, однако при этом она держала в повиновении своих собственных рабов. Выступая под флагом свободы, она расширила свои колониальные владения путем кровопролитного завоевания местного населения, силой подавляя врагов на юге и на севере и побеждая с помощью экономической блокады тех, кто предпочитал войне торговлю. Государство добилось нацио-

нальной интеграции путем гражданской войны, убив 74 542 солдата армии конфедератов и принеся в жертву 140 414 своих солдат.

Направив свои устремления за моря, американское государство добилось контроля над Гавайями (1898), Пуэрто-Рико, Гуамом и Филиппинами (1898), Восточным Самоа (1899) и Тихоокеанскими территориями (1945). На Филиппинах США подавили антиколониальное восстание (1898–1902) и казнили Муслима Мороса, который возглавлял сопротивление порабощению (1901–1913). Угрожая напасть с моря, США заставили Японию отказаться от политики изоляционизма и начать вести торговлю с иностранными государствами (1853–1854). Молодая нация продвигала и защищала свои интересы с помощью войн и интервенций; она вела войны с Британией (1812–1814), Мексикой (1846–1848), Испанией (1898), Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией (1916–1918), Японией, Германией и Италией (1941–1945), Северной Кореей и Китаем (1950–1953), Северным Вьетнамом (1961–1975) и Ираком (1991). США осуществили интервенцию в Пекин (1900), Панаму (1903), Россию (1918–1919), Никарагуа (1912–1925), Гаити (1915–1934), Ливан (1958), Доминиканскую Республику (1965–1966) и Сомали (1992). С помощью вторжений американских войск было свергнуто правительство в Гренаде (1983), Панаме (1989), а с помощью угрозы вторжения — на Гаити (1992). Нанося удары и вводя войска, Америка вмешивалась в дела Камбоджи (1970) и Лаоса (1971), применяла репрессии в Ливии (1986), Афганистане (1998) и Судане (1998), демонстрировала решимость отстаивать свои стратегические интересы в Ираке (1993), Боснии (1995) и Югославии (1999).

Целых полвека после второй мировой войны США боролись с прокоммунистическими государствами, революционерами и другими врагами, сея смерть по всему земному шару.

Если во времена Революции регулярные вооруженные силы страны насчитывали менее одной тысячи человек, то к 1990 г. в рядах армии числилось уже 1,5 млн мужчин и женщин, за которыми стоят 24 тыс. стратегов Пентагона, цвет ученого мира и самая передовая в мире технология производства вооружений — все это оплачивается, с одобрения Конгресса и Президента, ежегодными вливаниями по крайней мере четверти триллиона долларов, изъятых из карманов налогоплательщиков. По самым скромным подсчетам, одна только американская ядерная программа в 1940–1996 гг. обошлась гражданам в 5,821 триллиона долларов (Schwartz 1998).

У США было больше всех военных баз, больше всех войск бы-

ло дислоцировано за рубежом, было заключено больше всех военных союзов, и они готовили и вооружали больше иностранных военных (убийц своих врагов, иногда своих друзей и даже своего собственного народа), чем любое другое государство. В то же самое время Америка превратилась в ведущего поставщика вооружений на весьма прибыльном, высококонкурентном мировом рынке вооружений. Передовые технологии позволяют США нанести смертельный удар в любой точке планеты — на суше, море и в воздухе с помощью самого разрушительного оружия, которое когда-либо было создано человечеством для убийства.

Начав с Декларации Независимости в 1776 г., к 90-м годам XX в. государство, рожденное на поле боя, провозгласило себя «единственной мировой супердержавой и государством с самой сильной экономикой» (Президент У. Клинтон. Обращение к стране. 19 февраля 1993 г.). По словам Председателя Объединенного Комитета Начальников Штабов, генерала армии Джона Шаликашвили, США стали «глобальной державой» с «глобальными интересами». Празднуя в 1995 г. 50-летнюю годовщину победы над Японией, одержанной благодаря атомной бомбардировке, Президент в своем выступлении на Гавайях пообещал собравшимся представителям всех родов войск: «Вы всегда будете наилучшим образом подготовленными и вооруженными боевыми силами в мире». Далее он заявил: «Мы должны оставаться самой мощной нацией в мире, чтобы всегда побеждать силы зла». Эта решимость нашла отражение и в объяснении стратегического планирования Военно-Воздушных сил, обнародованном в 1996 г. Начальником Штаба генералом Рональдом Фогельманом: «Наша цель — отыскать, зафиксировать, проследить и поразить все, что движется на поверхности земли». И добавил: «Мы можем сейчас это делать, но не в режиме реального времени» (Речь на открытии Фонда Наследия в Вашингтоне. 13 декабря 1996 г.).

По мере приближения XX столетия к своему завершению, американские лидеры, следуя традиции, провозгласили его «Веком Америки» и выразили решимость сделать первый век третьего тысячелетия «вторым Веком Америки». При такой доминирующей традиции насилие Америка, не принимающая убийство, абсолютно немыслима. Именно убийство и его угроза положили начало национальной независимости, уничтожили рабство, положили конец Холокосту, спасли жизни людей в Японии, подвергнутой атомной бомбардировке, предотвратили мировую экспансию коммунизма, привели к падению Советской империи и теперь претендуют на ведущую роль как си-

ла, являющаяся гарантом и «двигателем» демократических свобод и капиталистической экономической системы во всем мире.

Однако американцам, которые изучают политологию, от профессоров до первокурсников, не нужна ни философия, ни национальная политическая традиция, чтобы знать, что общество неприятия убийства невозможно. Убийства каждый день вокруг нас подтверждают это.

Более 15 тыс. американцев погибают от рук своих сограждан каждый год (15 533 в 1999 г.; 5,7 на каждые 100 тыс. человек — это больше, чем было в 1900 г. — тогда погибало 1,2 человека на каждые 100 тыс.). Эта цифра не включает в себя «оправданные» убийства, совершенные полицией и гражданскими лицами (294 и 188 в 1999 г. соответственно). Общее количество убитых преступниками со времени окончания второй мировой войны (согласно подсчетам, 750 тыс.) превышает общее количество потерь в самых крупных войнах (650 053). К числу убийств могут быть добавлены разбойные нападения (916 383 в 1999 г.; 336,1 на каждые 100 тыс.) — нападения с использованием оружия, способные причинить тяжкие травмы или смерть (Данные ФБР 2000: 13, 23, 32). Число попыток самоубийств превышает разбойные нападения в 25 раз. По статистике ежегодно делается более 1 млн аборт.

Американцы убивают посредством избиений, обезглавливания, взрывов и поджогов, повешения, сталкивания с высоты вниз и отравления ядом, закалыванием, удушением, но по большей части — с помощью огнестрельного оружия (64,5% в 1999 г.).

Убийства бывают преднамеренные, непреднамеренные, профессиональные и случайные. Им предшествует супружеское насилие, насилие над детьми, над пожилыми людьми, ссоры, пьяные драки, продажа наркотиков, бандитские разборки, азартные игры, ревность, похищение, проституция, изнасилование, ограбление, укрывательство и «божественные» или «сатанинские» заповеди. Не существует ни одного совершенно безопасного места: убивают дома, в школах, на улицах, на шоссе, рабочих местах и в храмах, тюрьмах, парках, больших и маленьких городах, на природе и даже в здании Капитолия в Вашингтоне. Жертвами убийства становятся поодиночке, серийно, коллективами и случайно; в основном это — мужчины (76% в 1999 г.). Однако среди убитых супругов «лидируют» жены (в 1976–1985 гг. — 9480 против 7115 убитых мужчин (см.: Mercy and Saltzman 1989)). Убийцами становятся одиночки, пары, банды, секты, синдикаты, террористы и даже слуги государства, состоящие в правоохранительных

органах. Убийцы, чьи имена известны, в основном — мужчины (9140 против 1046 женщин в 1999 г.), и этот контингент молодеет. В 1980 г. было подсчитано, что «для среднего американца шанс стать жертвой убийства — один к 240 для белых и один к 47 для черных и других меньшинств» (Rosenberg and McGee 1986: 376). Как заметил республиканец и лидер большинства в Сенате Трент Лотт, выступая по национальному телевидению в ответ на инаугурационную речь президента Клинтон 27 января 1998 г.: «Уголовная преступность превращает наше государство из страны свободы в страну страха».

Средства массовой информации каждый день рассказывают об убийствах в Америке.

Дочь отрубает матери голову, подъезжает к полицейскому участку и бросает ее на тротуар. Мать топит двух сыночек; двое сыночек убивают родителей. Серийный убийца охотится на проститутки; гомосексуалист соблазняет, расчленяет, замораживает в холодильнике и поедает трупы молодых жертв. Снайпер убивает 15 человек в университете. Двое мальчиков, вооруженных винтовками, в сельской средней школе убивают 4-х одноклассниц и учителя, ранив еще одного ученика и 9 одноклассников. Двое до зубов вооруженных учащихся старших классов в Литлтоне, Колорадо, убивают 13 одноклассников, ранят 28 и совершают самоубийство. В течение 1996–1999 гг. школьники в возрасте от 11 до 18 лет убили 27 одноклассников, 2-х учителей, 3-х родителей и ранили 65 человек. Городских школьников на игровой площадке убивает мужчина с автоматом. Ветеран Вьетнамской войны расстреливает из пулемета посетителей семейного ресторана фаст-фуд, убив 20 и ранив 13 человек. Другой ветеран, одетый в защитную форму, убивает прихожан в церкви, крича: «Я уже тысячу убил и убью еще столько же!»

Защищаясь от возможных посягательств на свою жизнь (согласно Гоббсу) и питая недоверие, согласно Локку, к веберовскому государству, в Америке проживает целая армия, вооруженная почти 200 млн стволов огнестрельного оружия — по крайней мере 70 млн винтовок, 65 млн пистолетов, 49 млн обрезов и 8 млн единиц другого длинноствольного оружия (Cook and Ludwig 1997). Оружейный бизнес — производство, продажа, импорт, экспорт — очень прибыльный и обширный, с десятками тысяч дилеров, легальных и нелегальных. 44 млн американцев держат дома оружие (оно есть у одной трети всех семей Америки). Большинство детей знает, где оно лежит, даже если взрослые уверены в обратном. Первая леди государства Хиллари Клинтон, опираясь на статистику Фонда Защиты Детей, в своей речи в штате

Нью-Хэмпшир 22 февраля 1996 г. заявила, что 135 тыс. детей носят с собой в школу огнестрельное и другое оружие. Гражданское население имеет право держать оружие для самозащиты, охоты, отдыха и защиты от тирании правительства, что гарантировано Второй поправкой к Конституции в 1791 г.: «Граждане должны иметь право держать и носить оружие, поскольку для безопасности государства необходимо существование хорошо организованной милиции».

Готовая отразить и пресечь случаи домашнего насилия, американская полиция также хорошо вооружена. В ее состав входят федеральные агенты, плюс полиция штата и местная полиция (641 208 офицеров в 1999 г., 250 на каждые 100 тыс. населения). 42 из них были убиты в 1999 г. (ФБР 2000: 91). Этот контингент может быть усилен при необходимости подразделениями национальной гвардии и федеральных вооруженных сил США.

Тюремная охрана следит за 1,8 млн заключенных, обвиняемых в различных преступлениях, включая 3527 ожидающих исполнения смертного приговора (данные 1999 г. Министерства Юстиции 2000в; 2000а). Смертная казнь применяется за преступления против государства, а также в 38 из 50 штатов. За период 1977–1999 гг. было приведено в исполнение 598 смертных приговоров.

В конце XX в., в страхе перед все увеличивающейся преступностью и разгулом насилия граждане все больше поднимают голоса за расширение действия или за восстановление смертной казни как высшей меры наказания, за увеличение числа полицейских, за продление сроков тюремного заключения и за то, чтобы строилось больше тюрем. Насилие в Америке заложено в основу общества и оправдывается культурой.

Официально и неофициально, законно и незаконно, людей обучают убивать. Более 24 млн ветеранов войны прошли военную подготовку, где учились убивать (в 1999 г. — 24 млн 800 тыс.), а ведь каждый четвертый мужчина — ветеран. Многие средние школы, колледжи и университеты предлагают курс базовой военной подготовки. Фирмы и компании учат своих сотрудников, как убивать в целях самообороны. Частные подразделения милиции (военные школы) готовят к боевым действиям; уличные банды собираются вместе, чтобы убивать; тюрьмы являются институтами убийства. Журналы для наемников обучают технике ведения боя, рекламируют оружие и наемных киллеров. Видео- и компьютерные игры вовлекают молодых «игроков» в «убойные» игры — от уличных схваток до боя на земле, в воздухе, на море и в космосе, и все это с использованием огромного арсенала

технологий убийства. Индустрия «виртуальной реальности» продает «игры для отдыха» типа «убей или тебя убьют», вызывающие прилив адреналина. На какое-то время у студентов колледжа становится модной игра в «ликвидацию» своих и чужих студентов на кампусе. Настоящее убийство и его имитация кажутся естественным продолжением детских развлечений с игрушечным оружием. Средства массовой информации и телевидение исподволь приучают к убийству и обезличиванию человеческой жизни, создавая фильмы, мультфильмы, теле- и радиопрограммы, песни, книги, журналы и коммерческую рекламу. С раннего детства и юности в мозгу молодых людей отпечатываются тысячи образов, демонстрирующих, каким образом люди, их собственность, животные и природа могут быть уничтожены героями или негоднями. Со временем картины кровопролития и зверства соединяются в быстрой последовательности с сексуальными образами, особенно в рекламе фильмов, полных насилия; при этом сексуальный соблазн подсознательно связывается с соблазном убийства.

Никогда еще за всю свою историю сознание людей не подвергалось такой «пропагандистской атаке» насилия. Создается впечатление, что вся нация уподобляется будущим командос и насмным убийцам, тренировка которых для преодоления отвращения к убийству включает просмотр фильмов с ужасными зверствами — при этом с помощью специального устройства им не дают закрывать глаза (Watson 1978: 248–251). Кажется, вся нация делается бесчувственной, неспособной сострадать, но способной воспринимать убийство совершенно спокойно. Судьи свидетельствуют, что несовершеннолетние убийцы все меньше испытывают уважение к человеческой жизни. Но каким бы вредоносным для общества ни было содержание вещания средств массовой информации, оно необходимо государству, которое испытывает потребность в профессиональных «патриотически настроенных» убийцах. Эта потребность нашла свое высшее выражение в ролике стоимостью в миллион долларов, рекламирующем призыв в армию и показанном во время трансляции американского Суперкубка по футболу. На глазах миллионов зрителей средневековый рыцарь из боской видеоигры, размахивающий мечом, превращается в современного салярующего клинком солдата-десантника американских ВВС.

Философия убийства отражается в языке, который придаст ему естественность и неизбежность. Американская экономика зиждется на свободном предпринимательстве; совершить очень удачную биржевую сделку на разговорном английском языке значит «сделать выстрел наповал». На Уолл стрит говорят: «Покупайте, когда на улицах

пролилась первая кровь», а компании упражняются в «ценовых войнах».

Американская политика зиждется на свободной выборной демократии. Сотрудников предвыборного штаба называют «войсками» или «пехотой», законопроекты бывают «зарезаны» в законодательных органах, а народ «ведет войну» с бедностью, преступностью, наркоманией и другими бедами.

Национальный вид спорта — бейсбол. Свое недовольство рассерженные болельщики обычно выражают криками: «судью в расход!». Спортивные комментаторы называют сильные команды «убийцами», игроков — «орудиями», подачи — «длинными снарядами», а проигрывающим командам «не хватает инстинкта убивать».

Гордясь свободой вероисповедания, поклоняясь Христу, пришедшему на землю с миром, американцы поют: «Вперед, солдаты Христа» и, соединяя свои голоса в хоре, «поднимаются по лестнице Иакова», как «солдаты креста», невольно прославляя «подвиги» крестовых походов и Реформации.

Когда американцам нечем особенно заняться, они озабочены тем, как «убить время».

Все больше и больше осознавая вред, который наносит язык с расистскими и сексистскими импликациями, американцы продолжают использовать лексику, полную коннотаций, связанных с убийством, не отдавая себе в этом отчета. Лингвистический «арсенал» американского английского изобилует словами, которые вызывают в памяти все виды оружия, известные человечеству, способы их использования и их «эффективность». Предательство — это «нож в спину», бюджеты «урезаются», а попытаться — значит «сделать пробный выстрел»; идеи «торпедируются», оппозиция называется «зенитной артиллерией», а следствия каких-либо действий — «радиоактивными осадками»; юристов называют «тяжелой артиллерией», а красивую кинозвезду — «секс-бомбой». С другой стороны, настоящие акты убийства часто «скрывают» под эвфемизмами. Первая в мире атомная бомба называлась «Малыш» и была сброшена на Хиросиму с бомбардировщика В-29, названного «Энола Гей» в честь бабушки пилота. Бомба, сделанная из плутония, «Толстяк», была сброшена на Нагасаки с «Авто Бока». Межконтинентальные ядерные ракеты, предназначенные для массового уничтожения населения городов, называли «Миротворцами». Беря на вооружение спортивную терминологию, военные называют свои учения «играми». Убийство гражданского населения или собственных солдат в процессе боя называется «побочным ущербом».

По выражению бывшего президента Рональда Рейгана, «Америка — самая невоинственная, самая мирная нация в современной истории» (Public Broadcasting Service 1993). Время от времени отдельные эпизоды убийства перерастают в массовые во время всплеск насилия среди населения или во время противостояния населения правительственным силам. В 1992 г. было убито 52 человека, 2 тыс. ранено и 8 тыс. арестовано в южном районе Лос-Анджелеса в результате стрельбы, грабежей и поджогов, вызванных оправдательным приговором полицейским, жестоко обращающимся с черным американцем. За два месяца в этом районе напуганным гражданам было продано 70 тыс. стволов огнестрельного оружия. Подобное кровопролитие произошло в Уоттсе (34 человека в 1965 г.), Ньюарке (26 в 1967 г.) и Детройте (46 в 1964 г.), не говоря уже о жертвах восстаний рабов в XVIII и XIX вв. Для восстановления порядка в Детройте в 1967 г. потребовалось 4700 десантников, 1600 гвардейцев и 360 полицейских штата Мичиган (Locke 1969). Последствия сочетания государства Гоббса Вебера со Второй поправкой, отвечающей духу теории Локка, можно видеть на примере убийств в Уэйко (Техас) в 1993 г. и в городе Оклахома-Сити (Оклахома) в 1995 г. В Уэйко вооруженные агенты полиции штата хотели применить меры к религиозной секте; в результате 4 федеральных агента было убито, более десяти ранено, а 89 членов секты, в их числе женщины и дети, погибли в огне самосожжения. В день второй годовщины этой трагедии, якобы из чувства мести, противник власти государства приводит в действие пусковой механизм в грузовике, начиненном взрывчаткой, уничтожив здание федерального центра в Оклахома-Сити, убив 168 человек, включая женщин и детей.

Если американцы посмотрят, что творится за пределами их страны, они найдут массу оснований для уверенности, что общество неприятия убийства невозможно. XX в., самый кровопролитный в истории человечества, продемонстрировал в полной мере весь ужас способности человека убивать в массовом масштабе. Исследования, выполненные Рудольфом Раммелем, позволяют взглянуть на кровопролитие в исторической и глобальной перспективе. Различая «демоцид» (убийство государством своих собственных граждан путем геноцида, казней, массовых убийств и искусственно вызванного голода), и *смерть на поле боя* (во время мировой войны, местной, гражданской, революционной или партизанской), Раммель «копсервативно» оценивает размах убийства в летоисчисляемой истории:

Количество жертв демоцида и войн за период до 1987 г.

	до 1900	1900–1987	Всего
Демоцид	133 147 000	168 198 000	302 345 000
Войны	40 457 000	34 021 000	74 478 000
Всего	173 604 000	203 219 000	376 823 000

Источник: Rummel 1994: Table 1.6; 66–71.

Итак, около 400 млн людей можно считать жертвами политических убийств, не считая уголовные убийства. По Раммелю, «наибольшего размаха» демоцид достиг при коммунистических режимах; на втором месте — тоталитарные и авторитарные режимы, а затем — демократические. Все еще свежи в нашей памяти гитлеровский Холокост, сталинские репрессии, японская агрессия и убийства маоистского режима. У. Эххардтом и его последователями подсчитано, что между 1900 и 1995 г. в результате войн погибло, по крайней мере, 106 млн 114 тыс. человек. Из них 62 млн 194 тыс. — гражданских лиц и 43 млн 920 тыс. — военных. (Sivard 1996: 19). Не прекращались убийства и в «мирный» период Холодной войны; между 1945 и 1992 г., по крайней мере 22 млн 57 тыс. было убито в 149 войнах; из них 14 млн 505 тыс. гражданских лиц и 7 млн 552 тыс. — военнослужащих (Sivard 1993: 20–1). В одном только 1996 г. велось по меньшей мере 30 войн. Экраны телевизоров то и дело показывают сцены кровопролития из разных точек земного шара, некоторые из них — следствия конфликтов с давней предысторией, некоторые — результат недавно возникших разногласий, усилившихся из-за неспособности современного общества решить проблему. Один ужасный кризис сменяет другой, и средства массовой информации на короткое время концентрируют свое внимание на каком-то из них, чтобы вскоре перейти к следующему. Кровопролитие принимает разные формы, но все эти международные войны, гражданские революции, сепаратистские восстания, террористические вылазки, территориальные споры, военные перевороты, геноцид, убийства на этнической, религиозной, национальной почве, политические убийства, иностранные интервенции, а также следствия всего этого — тяжкие увечья и лишения — все они являются результатом готовности убивать. Иногда конфликты за пределами США приводят к убийству американцев в своей собственной стране, как это случилось в 1993 г. при взрыве здания Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке про-

тивниками политической поддержки Израиля. Тогда 6 человек погибли и около тысячи получили ранения. Убийство может происходить и за рубежом США, как это случилось одновременно в Найроби и Дар-эс-Саламе в 1998 г., когда с помощью машин, начиненных взрывчаткой, были взорваны здания американских посольств, при этом погибло 12 американцев и 300 африканцев, и около 5 тыс. человек было ранено. Проводяая уходящий XX в., американские политические лидеры вслед за Гоббсом могли бы сказать: «Мир живет по законам джунглей» и повторить крылатую фразу времен павшей Римской империи: «Если хочешь мира, готовься к войне» («Si vis pacem para bellum»).

Американские политологи и их студенты живут и работают в этом контексте древних верований, философского наследия, патристических настроений, «обработки» средствами массовой информации, культурных традиций и всеобщего кровопролития — и поэтому неудивительно, что они однозначно отвергают возможность существования общества неприятия убийства. Когда вопрос об этой возможности поднимался в университетской среде, на первом занятии водного курса или семинара для старшекурсников, обычно выдвигались все те же основные аргументы — человеческая природа, экономический фактор и необходимость защищаться от сексуальных домогательств и других нападений. Хотя культура опрашиваемых несколько стереотипизирует ответы, количество вариаций практически бесконечно. Каждый раз, когда задается этот вопрос, нужно ждать чего-то нового в ответе, например: человеческие существа жаждут власти, они эгоистичны, ревнивы, злы и в целом психически неустойчивы; убийство в целях самозащиты заложено в природе человека и является его неотъемлемым правом; люди алчны и стремятся к конкурентной борьбе; социальные различия и сталкивающиеся интересы делают убийство неизбежным; есть вещи похуже убийства — психологическое и экономическое угнетение; общество без убийства будет тоталитарным, свобода будет утрачена; такое общество подвергнется нападению и порабощению иностранными агрессорами; неприятие убийства как политический принцип аморально; убийство во имя спасения жертв агрессии всегда должно считаться справедливым; убийство преступников как способ возмездия и предотвращения преступлений полезно для общества; оружие уже изобретено, технология убийства всегда будет существовать; в истории еще никогда не было примеров общества без убийства; это просто нелепое. Это не означает, однако, что все студенты единодушны; некоторые из них считают, что поскольку человечество способно на творчество и сочувствие, общество неприя-

тия убийства может быть построено с помощью образования. Другие считают, что условия для построения общества неприятия убийства могут быть созданы в небольших по масштабу сообществах, а не в крупных и не глобально. Это также не означает, что американцы верят в насилие сильнее, чем студенты и профессора из других стран. Чтобы выяснить, существует ли здесь какая-то разница, необходимо провести систематическое сравнительное исследование. Что касается профессионалов-политологов всего мира, то у них пессимизм явно преобладает. И все же когда задается вопрос «Возможно ли общество неприятия убийства?» в других политических культурах, порой появляются совершенно неожиданные ответы.

«Я никогда об этом раньше не задумывался...»

Таков был ответ одного шведского коллеги на встрече шведских футурологов в Стокгольме в 1980 г., посвященной обсуждению идеи «ненасильственной» политологии. Да, так он и сказал: «Я никогда об этом раньше не задумывался. Мне нужно время, чтобы это обдумать». Удивительно — но не произошло ни автоматического отторжения, ни автоматического приятия. Вопрос воспринят как информация к размышлению. Подобным же образом ответил в 1997 г. на встрече ученых-систематиков Нобелевский лауреат в области химии. Он просто сказал: «Я не знаю». Такого рода реакция вообще была характерна для него, когда он считал, что нет научной базы для другого ответа. После он призвал членов конференции серьезно подумать над вопросом, поскольку наука и цивилизация развиваются именно благодаря тому, что ставятся вопросы к задачам, на первый взгляд кажущимся невыполнимыми.

Это возможно, но...

На 11-м всемирном конгрессе Международной Ассоциации Политологии, проходившем в Москве в 1979 г., двое русских ученых отозвались на доклад «Политология ненасилия» серьезным желанием подумать над этим вопросом. Удивительным образом оба приходят к тому, что цель политики и политологии — построение общества ненасилия. Однако один из них спросил: «Какова должна быть экономическая база общества и политической науки ненасилия?» Его коллега задал другой вопрос: «Как нам справиться с трагедиями, подобными чилийской (где военный переворот уничтожил демократически избранное правительство социалистов), в Никарагуа (месте жестоких репрес-

сий и революции) и в Кампучии (где более миллиона людей было убито в процессе «революционной» ликвидации городского населения как класса)»?

Действительно, какая экономика не зависит от убийства и не поддерживает его, как это делают современные формы «капитализма» и «коммунизма»? Как может политика неприятия убийства предотвратить, остановить и ликвидировать последствия зверств и убийств? При условии допущения возможности ненасильственного общества, встает ряд проблем, требующих глубокого научного изучения.

Мы знаем, что человечество не агрессивно по природе, однако. . .

Когда вопрос о политической науке ненасилия был задан группе арабских политологов и ученых с кафедры общественного управления в Иорданском университете в Аммане в 1981 г., один профессор выразил общее мнение: «Мы знаем, что человеческие существа не склонны к насилию от природы. Однако, — добавляет он, — мы вынуждены применять насилие в целях самозащиты». Если самый первоочередной аргумент о том, что человечество агрессивно по природе, ставится под вопрос, открывается возможность найти условия, при которых никто не будет убивать.

Это невозможно, но. . .

Во время десятого юбилейного семинара, проводившегося в 1985 г. в Институте Науки Мира, в Университете Хиросимы, в котором принимали участие в основном японские ученые, мой вопрос разделил аудиторию ровно пополам. Один профессор по методике образования сказал: «Это невозможно, но может стать возможным», т. е. признал, что для общества неприятия убийства в данный момент нет предпосылок, будущая возможность существования такого общества допускается. Этот же профессор в свою очередь задает вопрос: «Какая система образования нужна, чтобы появилось общество ненасилия?» — и этот вопрос — конструктивное приглашение к творческому решению проблемы.

Это вполне возможно. . .

В декабре 1987 г. профессор философии из Кореи, президент корейской ассоциации ученых-социологов и политический лидер в Пхеньяне, к моему удивлению отвечает не колеблясь: «Это вполне воз-

можно». Почему? Во-первых, человечество от природы не запрограммировано на убийство. Люди одарены «совестью», «разумом» и «способностью к творчеству», что позволяет им отвергать убийство. Во-вторых, экономические проблемы не должны использоваться для оправдания убийства — люди не рабы материальной жизни. Нехватка чего-то может быть компенсирована «творческим потенциалом», «производительностью», и, что самое важное, «справедливым распределением». В-третьих, изнасилование не должно быть использовано для оправдания убийства; от этого явления можно избавиться с помощью образования и создания подобающего социального климата.

В феврале 2000 г., когда участникам встречи около 200 лидеров местных администраций в городе Манисалес, Колумбия, задали все тот же вопрос: «Возможно ли общество неприятия убийства?», не было ни одного отрицательного ответа, все единодушно ответили: «Да».

Эти положительные реакции в Корее и Колумбии просто удивительны, если принять во внимание атмосферу насилия, царящую в этих странах.

Политические традиции Демократической Республики Корея имеют много параллелей с американской историей: антиколониальная революция, гражданская война с целью объединения страны и «справедливая» оборонительная война и наступление на внутренних и внешних врагов. В Колумбии десятки лет общество вынуждено страдать от действий неуловимых военных, полицейских, военизированной охраны, партизан, уголовников и прочих убийц.

Разнообразные социальные реакции

Когда вопрос о возможности общества неприятия убийства ставится без предварительного обсуждения перед различными группами, жителями разных стран и носителями разных культур, проявляются различные социальные предпосылки, благодаря которым люди в разных группах бывают предрасположены либо к отрицательному, либо к положительному ответу. Этот феномен, очевидно, требует систематического изучения в глобальном масштабе.

В Вильнюсе, Литва, на майском семинаре 1998 г. под названием «Новая политическая наука», организованном Институтом «Открытое общество», в котором участвовали политологи из стран, совсем недавно входивших в состав Советского Союза, 8 участников ответили «Нет», один «Да». В марте 1999 г. на вводном семинаре по курсу политологии для студентов-выпускников в Национальном Универси-

теге Сеула 12 ответов было отрицательных, пять положительных, а двое ответили «Да и нет». В феврале 1998 г. на форуме парламентариев стран Тихоокеанского региона в Гонолулу, Гавайи, организованном Фондом Поддержки ООН, базирующимся в Японии, шесть ответов было положительных, пять — отрицательных, двое сказали «Да и нет». Среди группы наблюдателей, состоящей из японских женщин, 12 ответили «Нет», 11 — «Да», одна — «Да и нет».

В городе Меделин, Колумбия, на национальной конференции специалистов в области образования под названием «Будущее образования» в ноябре 1988 г. 275 участников ответили «Да», 25 — «Нет». В группе социальных работников по проблемам семьи в Меделине 30 ответили «Да», 16 — «Нет». В группе молодых гангстеров, известных как «sicarios» — «маленькие ножи», среди которых были и наемные убийцы, 16 ответили «Нет», 6 — «Да». Когда их спросили о причинах таких ответов, один убийца сказал: «Я вынужден убивать, чтобы заботиться о своих двух дочерях. Кругом безработица». Тот из опрошенных, кто ответил «Да», объяснил: «Когда не будет пропасти между богатыми и бедными, нам не надо будет больше убивать».

В Эдмонтоне, Канада, в октябре 1997 г. в группе старшеклассников, принимавших участие в семинаре «Ценности XXI века», финансируемом Канадским фондом Мира во всем мире им. Махатмы Ганди, ответы распределились следующим образом: 48 — «Нет», 25 — «Да». В Атланте, Джорджия, на апрельской 1999 г. международной конференции по ненасилию, организованной Центром Мартина Лютера Кинга «За ненасильственные социальные перемены», 40 участников ответили «Да», 3 — «Нет». В Омске, Россия, в феврале 2000 г., в группе студентов отделения литературы в возрасте от 17 до 26 лет 121 ответ был положительный, 34 — отрицательные, и трое ответили «Да и нет».

Итак, возможно ли общество неприятия убийства? В жестокие времена конца жестокого XX в., когда убийства происходят ежедневно в глобальном масштабе, у политологов и их студентов есть все основания заключить — это абсолютно невозможно. Однако налицо желание некоторых подумать над вопросом серьезно — это немыслимо, но... может быть?... Более того, несмотря на беспрецедентную угрозу самому существованию человечества на этой земле, в нашем мире существуют ресурсы — духовные и научные, существуют институты и опыт, внушающий нам веру в то, что когда-нибудь в конце концов такое общество станет вполне реальным.

Глава 2

ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА НЕПРИЯТИЯ УБИЙСТВА

Мы, возможно, уже сейчас знаем достаточно, чтобы покончить с эрой насилия, если мы решимся следовать по альтернативному пути.

Дэвид Дэниэлс и Маршалл Гилула.

Отделение психиатрии,

Стэнфордский университет, 1970 г.

Что же дает нам основание думать, что общество неприятия убийства возможно?

Какие есть причины считать, что человечество повсеместно способно ценить и уважать жизнь?

Ненасильственная человеческая природа

Мы могли бы начать с духовных, возвышенных соображений, но давайте рассмотрим сначала вполне приземленный, реальный факт. Многие люди никогда не убивают. Из всех живущих на земле людей — и из всех, кто жил до нас — только очень небольшая часть — убийцы. Посмотрите на статистику убийств в любом обществе, или даже на количество убийств во время войны. Военные и этнографические музеи очень редко предоставляют свидетельства того, что женщины, вторая половина человечества, составляют какую-то значительную часть солдат, убивавших на войне. И это при том, что женщины все-таки убивали, что некоторые из них сражались в войнах и революциях, что в некоторых сообществах женщины и даже дети принимали участие в ритуальных пытках и убийствах плененных врагов и что женщин мобилизуют в ряды некоторых современных армий. Тем не

менее большая часть женщин никогда не были воинами или солдатами-убийцами. Да и среди мужчин доля принимающих участие в военных действиях сравнительно невелика. Непосредственно на войне сражается небольшое число мужчин, и из них действительно убивает меньшинство. Убийцы же, в большинстве своем, делают это неохотно и впоследствии испытывают раскаяние. Подполковник Дэйв Гроссман в своей большой работе о нежелании мужчин убивать на войне объясняет: «Война наносит глубочайшие психологические травмы 98% тех, кто в ней участвует, независимо от количества времени, проведенного ими на войне. Те же 2%, кто не сходит с ума, скорее всего, были агрессивными психопатами еще до того, как попали на поле боя» (Grossman 1995: 50).

Таким образом, вопреки распространенному мнению политологов о том, что люди — прирожденные убийцы, основная задача военной подготовки — «преодолеть сопротивление необходимости убивать, глубоко коренящееся в душе каждого человека» (295).

Другое свидетельство мирной природы человека являет собой семья. Если бы люди были убийцами от природы, если хотя бы половина человечества была склонна к убийству, тогда семья в ее различных формах не могла бы существовать. Отцы убивали бы матерей, матери — отцов, родители — детей, а дети — родителей. Все это имеет место, но отдельные случаи не являются манифестацией закона убийства, который якобы довлеет над судьбой человечества. Будь это так, население земного шара давно вымерло бы. Мы же видим совершенно обратную картину: несмотря на ужасные лишения и унижения, семья продолжает порождать и поддерживать жизнь в беспрецедентном масштабе.

Этот глобальный парадокс можно объяснить, если посчитать, сколько всего жило на свете людей и сколько из них являлись убийцами. Согласно подсчетам Кейфитца и Уикса, пересмотренным Рамси, в период с 1 млн лет до н. э. и до 2000 г. нашей эры на земле «просуществовало» 91 100 млн человек (Keyfitz 1966, Weeks 1966: 37; Ramsey 1999).

Если округлить количество жертв демоцида и войн, подсчитанное Раммелем, до миллиарда, допустить, что каждая жертва была убита одним человеком, и умножить на 6, чтобы включить в это число жертвы убийств — уголовных преступлений, мы получим примерно 3 млрд убийц с 1000 г. до н. э. до наших дней (данные с 1 млн лет до н. э. отсутствуют). Даже путем такого примитивного и округленного подсчета мы получаем удивительное соотношение: по крайней мере 95% людей

не являлись и не являются убийцами. Если бы количество убийств в США было 10 на 100 000, то получилось бы, что только одна десятая процента американских граждан в год становятся убийцами. Если бы нападений с нанесением тяжких телесных повреждений было 500 на 100 000, всего полпроцента можно было бы добавить к 0,51% граждан, являющихся убийцами или покушавшихся на убийство.

Вполне возможно, что менее 2% или даже 1% всех людей были убийцами себе подобных. Процентное соотношение убийц и «неубийц» в некоторых обществах, конечно, может варьироваться в зависимости от культуры и эпохи (Keeley 1996). Тем не менее выживание и рост населения свидетельствует о преобладании жизнеутверждающего начала над «жизнеуничтожающим» в человеческой природе.

Духовные корни

Основания для уверенности в возможности создания общества без убийства можно найти в духовной традиции человечества. Общеизвестно, что религии не раз использовались для оправдания ужасного кровопролития — от принесения в жертву людей и геноцида до атомной бомбардировки (Thompson 1988). Однако основное послание человечеству Бога, Создателя, Духа Святого, как бы оно ни было задумано, не звучало таким образом: «О человечество, услышь Слово мое! Пойди и найди другого человека и убей его или ее!» Напротив, одна из божественных заповедей гласит: «Уважай жизнь! Не убий!». Эта заповедь в том или ином виде есть во всех религиях; именно поэтому Макс Вебер считает посвящение себя Богу несовместимым с политическим императивом убийства. В джайнизме и индуизме основной завет звучит так: «Ненасилие — высший закон жизни» («Ahimsa paramo dharma»). Первейшая заповедь буддизма — «Воздержись от отнятия жизни». Иудаизм, христианство и ислам — все разделяют заповедь «Не убий» (Исход, 20: 13). Одно из самых древних еврейских предписаний таково: «Сохраняя жизнь одному, ты сохраняешь множество жизней. Тот, кто отнимает одну жизнь, убивает целый мир». Суть этого предписания, хоть и с оговорками, сохраняется в исламе: «Каждый, кто убивает человека (кроме как в наказание за убийство или за распространение мошенничества), убивает человечество, а тот, кто спасает человеческую жизнь, спасает всех людей» (Коран 5: 32). Религия Бахаи, вобравшая в себя учения иудаизма, христианства и ислама, провозглашает: «Бойтесь Бога, о люди, и воздержитесь от кровопролития» (Bahá'u'lláh 1983: 277).

Гуманистические традиции также предполагают возможность общества без убийства и стремление к нему. Согласно конфуцианскому учению, когда в среде правителей будет царить мораль, отпадет необходимость в смертной казни. (Fung 1983: 277). Согласно учению даосизма, когда люди живут просто, естественно, в гармонии с природой, «несмотря на то, что орудия войны существуют, никто ими не пользуется» (Fung 1952: 190). Современные социалисты считают, что когда рабочие откажутся поддерживать братоубийство, войны прекратятся.

Антивоенный манифест, направленный против первой мировой войны, провозглашает:

Все члены Союза Промышленных Рабочих Мира, обладающие классовым сознанием, осознанно противостоят пролитию человеческой крови, и не по религиозным мотивам, как квакеры или другие общества, а по убеждению, что у рабочих всего мира общие интересы. Находясь в решительной оппозиции к империалистическому капиталистическому правительству Германии, мы выступаем против убийств и издевательств над рабочими любой страны (True 1995: 49; пример мужественного действия можно найти в: Baxter 2000).

Во всех обществах убийство порицается. Уважение гуманистов к человеческой жизни совпадает с тем, чему учит религия.

Какое же значение имеет наличие этики неприятия убийства в мировых духовных и гуманистических традициях для создания общества неприятия убийства? С одной стороны, наличие такой этики демонстрирует божественное намерение заронить глубокое уважение к жизни в сознание человечества; с другой стороны, здесь проявляется человеческая способность воспринимать такие принципы и даже создавать их. Если бы люди были убийцами по природе, ни восприятие, ни передача, ни создание принципов не насилия были бы невозможны и немислимы. Даже если бы духовная этика неприятия убийства была выдумана правящей элитой для предотвращения революций, или если бы угнетенные выдумали ее для ослабления угнетателей, или убийцы для избежания наказания, все равно это означало бы, что люди, которым данная этика адресована, способны реагировать на нее положительно. Дух неприятия убийства проявлялся до, во время и после самых ужасных кровопролитий в истории. Выражение этого духа — не роскошь, благосклонно дарованная убийцами; дух этот жив и в наше время, он продолжает призывать к неприятию убийства в христи-

анстве эпохи крестовых походов, в исламе времен после завоевания, в иудаизме после Холокоста, в буддизме после эпохи милитаризма, и в традициях коренного населения пост-колониальной эры. В полном насилии XX в. проявления этого духа можно найти в мужественных поступках и деяниях на благо глобальных изменений на пути становления ненасильственного общества христиан Толстого и Мартина Лютера Кинга, индуиста Ганди, мусульманина Абдул Гаффар Хана, еврея Иосифа Абилеи, буддиста Далай Ламы, лидера партии «Зеленых» Петры Келли и многих других, известных и не очень известных.

Присутствие духа неприятия убийства в каждом религиозном учении и примеры приверженности принципам ненасилия открывают возможность для прозрения и приобщения к этой «вере» сотням миллионам сторонников.

В то время как основы, корни неприятия убийства можно найти в каждой системе традиционных верований, духовное наследие человечества в целом сравнимо с разветвленной корневой системой дерева баньян. Вдохновение и питание можно получать как из всей системы, так и из любой ее части; все корни дают жизненную силу.

Уважение к жизни, присутствующее в религиозных верованиях и гуманистической философии, является залогом уверенности в том, что глобальное общество неприятия убийства возможно.

Научное обоснование

«Мы никогда не придем к ненасилию с помощью одной лишь религии», — таково заключение одного из ведущих религиозных лидеров Индии Акарии Махапрайны, преемника древней традиции джайн, проповедовавшей ненасилие (ahimsa). В этой традиции «ahimsa — основа всех ступеней жизни, суть всех священных текстов, а также клятв и добродетелей» (Jain and Varni 1993: 139). Для Махапрайны основным путем реализации общества неприятия убийства является наделение индивидуумов способностью открыть стремление к ненасилию в самих себе и воплотить это стремление в общественной жизни, совместив современную науку неврологии с духовными истинами. По его теории, тяга к насилию «питается» эмоциями, порожденными деятельностью эндокринных желез, влияющих на симпатическую и парасимпатическую нервную систему. Деятельность эта, в свою очередь, зависит от того, чем мы питаемся. В дальнейшем, основываясь на научных знаниях о нашей нервной системе, мы сможем целенаправленно использовать энергию мозга в простых медитациях для

укрепления тенденции ненасилия и посвящения себя ненасильственной общественной жизни (Maharajna 1987, 1994; Zaveri and Kumar 1992).

Каковы же научные основания для уверенности в способности человека отвергать насилие? Под «научными основаниями» я имею в виду все знания, полученные с помощью теоретических и экспериментальных исследований — факты, теории и методы определения верности и надежности данных. Научная революция начинается тогда, когда философы ставят под сомнение общепринятые точки зрения. Именно это было сделано для теории ненасилия Ричардом Конрадом (Konrad 1974), который усомнился в правильности распространенного мнения, что готовность убивать — это единственно правильный способ справиться с насилием, каким бы оно ни было — от изнасилования до Холокоста. Конрад считает, что тезис об единственно возможном решении проблемы насилия основан на трех положениях: что все ненасильственные альтернативы уже идентифицированы; что все они были испробованы, и что все не сработали. По Конраду, эти положения несостоятельны: количество ненасильственных альтернатив гипотетически бесконечно; практические ограничения, налагаемые временем, наличием ресурсов и другими факторами, делают невозможной проверку даже тех альтернатив, которые уже идентифицированы, поэтому мы не можем быть уверены в том, что только насилие как единственная альтернатива может дать результат. Таким образом, Конрад говорит о необходимости перейти от философской «предрасположенности» принимать насилие к желанию искать и испытывать ненасильственные альтернативы. Такой подход вполне может привести к научным открытиям, которые поставят под сомнение неизбежность насилия для человечества (см. также: Yoder 1983).

Подвергается также сомнению и тезис, что люди — убийцы по природе. Сотрудник университета в Тюлане, психолог Ло Тсенг Тсай (Loh Tseung Tsai 1963) продемонстрировал, что кошку и крысу можно выучить мирно есть из одной кормушки. Используемый им метод был комбинацией оперантного и социального обучения.* Разделенные в начале эксперимента стеклянной перегородкой, животные усвоили, что для того, чтобы шарики сухого корма посыпались в кормушку, им нужно одновременно нажать на рычажки. После 700 экспериментов перегородку убрали без ущерба для крысы.

Тсай заключает: «Мы продемонстрировали впервые в истории на-

* Оперантное обучение — выработка оперантного условного рефлекса. — *Примеч. перев.*

уки с помощью новаторских экспериментов, что кошки и крысы — так называемые естественные враги — могут сотрудничать друг с другом. Такое открытие пересчеркивает традиционную для психологии догму, что у животных заложен неискоренимый инстинкт враждебности, который делает борьбу друг с другом или войны неизбежными» (Tsai 1963: 4).

Отметив, что «многие считают, что наши исследования заложили красугольный камень в основание биологического фундамента теоретической возможности мирного сосуществования людей во всем мире», Тсаи призывает к разработке научной философии «выживания через сотрудничество», вместо того, чтобы продолжать придерживаться теории, считающей убийство неизбежным в условиях конкуренции.

В совершенно другой научной области физик и историк науки Антонио Драго, сравнивая значение механики Карно* с механикой Ньютона для разрешения конфликтов, приходит к подобной научно обоснованной рекомендации разрабатывать теорию трансцендентного сотрудничества в достижении общих целей как способ преодоления непримиримых антагонизмов (Frank 1960: 261–262; 1993: 204–205).

Тезис о том, что склонность человеческой природы к убийству коренится в нашем эволюционном развитии как вида «обезьяны-убийцы», может быть подвергнут сомнению в свете новых данных генетически идентичного людям вида приматов — миролюбивых обезьян бонобо в Центральной Африке (Каро 1990). В племени манганду в Конго, проживающем в тропическом лесу по соседству с бонобо, существует строжайший запрет на убийство обезьян, объясняемый легендой, что когда-то предки манганду и бонобо жили вместе, одним кланом (Каро 1990: 62). В противоположность гориллам, шимпанзе и другим приматам, бонобо не были «замечены» в убийстве своих сородичей (Wrangham and Peterson, 1990; Waal 1997). Более того, недавние исследования «миролюбия» и «взаимного альтруизма» у тех приматов, которые иногда убивают друг друга, также ставят под сомнение тенденцию считать убийство, а не возможность мирного решения конфликта, предпосылкой эволюции человечества (Waal 1989; 1996). В природе животных заложена «мирная» сторона, и в человеческой природе, как доказали Кропоткин, Сорокин и Кох, есть светлая, «альтруистская» сторона (Kropotkin 1914; Sorokin 1954; Kohn 1990).

В своем сравнительном исследовании агрессии животных и человека этолог-антрополог Иренаус Эйбл-Эйбесфельдт обнаружил, что

* Сади Карно (1796–1832) — французский физик. — *Примеч. перев.*

существуют биологические причины для духовного императива «не убий» (Eibl-Eibesfeldt 1979: 240–241). Отмечая, что «у многих видов животных внутривидовая агрессия настолько ритуализована, что не приводит к нанесению физического вреда», он находит подобные, но более сложные способы избежать кровопролития у людей. «Можно сказать, что некий биологический фильтр способствует выполнению заповеди “не убий”, — заключает ученый, — однако в процессе культурного псевдовидообразования (когда другие считаются не вполне человекообразными и, следовательно, объектом нападения) человек накладывает на биологический фильтр, запрещающий убивать, другой — фильтр культурной нормы, который заставляет его убить. На войне это ведет к конфликту норм, который человек начинает ощущать из-за укоров совести, появляющихся, как только он осознает, что враг его — человеческое существо».

Это также выражается в стремлении солдат после войны «очиститься» и быть принятыми в обществе. Подтверждают тезис Эйбл-Эйбесфельдта и исследования Гроссмана, который пишет, что «на протяжении всей истории большинство мужчин на поле боя не стремились убивать врагов даже ради спасения своей жизни или жизни друзей» (Grossman 1995: 4).

Гроссман отмечает, что психические расстройства у солдат, непосредственно убивавших, встречаются чаще, чем у тех, кто не убивал. Взгляды военного психолога и этолога-антрополога во много совпадают и отличаются тем, как они применяют данные своих исследований. Для первого основная задача — разработать методы профессиональной подготовки, способствующей преодолению сопротивления необходимости убивать; для второго основная задача — привести культуру в соответствие с биологической природой, не склонной к убийству. Эйбесфельдт заключает:

Основа любой тяги к миру лежит в этом конфликте между культурной и биологической нормами, который заставляет человека стремиться к приведению этих двух норм к гармонии. Наша совесть остается нашей надеждой, и если мы прислушаемся к голосу совести, управляемый процесс эволюции может привести нас к миру. Это означает признание того, что война сейчас выполняет функции, которые когда-нибудь будут выполняться другим способом, без кровопролития (Eibl-Eibesfeldt 1979: 241).

Исследования головного мозга дают еще больше данных для уверенности в ненасильственном потенциале, заложенном в людях. Назвав свою теорию «неврореализмом», ученый-первооткрыватель, невролог Брюс Мортон (Morton 2000) опубликовал работу под названием «Дуалистическая четвертичная модель поведенческой латеральности», в которой он описывает нейробиологические основы как тяги к убийству, так и отторжения убийства. Четыре части модели «функционируют в двух режимах одной четвертичной системы». Это — система мозгового ядра (инстинкты), лимбическая система (эмоции), система правого и левого полушария (воображение и интеллект) и неомозжечковая система (интуиция). Мортон определяет источник высшего духовного и социального сознания в системе неомозжечковой интуиции. Этот «высший источник» «содержит в себе творческое начало, это средоточие правдивости, самодисциплины, альтруизма, готовности к сотрудничеству, сочувствия и ненасилия». Он обеспечивает выживание группы и является «феноменом деятельности головного мозга, свойственным всем». Проникновение этого «источника» в сознание может быть обеспечено тремя способами: травмой, полученной в условиях, когда человек был на грани смерти; некоторыми галлюциногенными препаратами и, наконец, что очень важно — медитацией. В обычной жизни общества «источник» естественным образом способствует движению общества к ненасилию. Он получает преимущество от отсутствия угрозы убийства и сам «работает» на отсутствие такой угрозы.

Данная неврореалистическая наука предоставляет основу для посвящения себя ненасилию и социальной трансформации, которая гармонично сочетается с духовным источником ненасилия и биологически заложенным нежеланием убивать. Она также вторит глубокой мысли Вивекананды о том, что главная задача духовных наставников — не нести Бога извне, но помочь каждому открыть в себе заложенное в нас божественное начало. Как говорил Толстой, «Царство Божие внутри нас» (Tolstoy 1974). Вот что говорил индийский мистик Кабир в XV в.:

В твоей душе Дух Божий обитает,
Посланник вечного Всевышнего Творца;
Спаситель наш в тебе самом живет,
Вглядись в себя и ты найдешь его

(Sethi 1984: 56–57).

Ну а как же быть с тем, что дисфункции мозга делают из некоторых людей маниакальных убийц? Даже если такая тяга к убийству

вызвана биологическими процессами, а не оперативным обучением или культурными традициями, научный прогресс сможет дать патологическим убийцам средство освобождения от желания убивать, причем сделать это можно, не затрагивая другие человеческие функции. Достижения современной неврологии, генетики и других биологических наук таковы, что тяга к убийству и насилию уже не может считаться «неизбежной частью человеческой природы», даже если она вызвана атипичными биологическими нарушениями. Одним из первых примеров такого «вмешательства» науки можно считать результаты теоретических и практических исследований, полученные невропсихологом Джеймсом Трескоттом и невропсихиатром Робертом Хитом (Restak 1979: 118–133). По их мнению, тяга к убийству у некоторых индивидов вызвана нарушением в электрических цепях («путях удовольствия»), соединяющих сектора мозга, которые связывают эмоции (лимбическую систему) и движения тела (мозжечок). Ученые считают, что правильное или неправильное развитие этих цепей зависит от степени свободы круговых движений тела в раннем детстве. Они проверили данную гипотезу с помощью эксперимента, в процессе которого головы молодых шимпанзе фиксировали в тисках или же вращали обезьян в крутящемся кресле. Впоследствии шимпанзе, чьи движения ограничивались, стали более агрессивными, а те, кто мог свободно двигаться, — более общительными. Перейдя к экспериментам на убийцах, приговоренных к заключению, они вживили в задний мозг крошечный электрод, который контролировался с помощью карманного стимулятора, работая через посредство устройства, вживленного в плечо маньякального убийцы («мозжечкового стимулятора», или «мозжечкового миротворца»). При появлении ощущения дисфории, желания убить, человек мог активировать «пути удовольствия», чтобы нейтрализовать эти ощущения. Некоторые индивиды с диагнозом «маньякальное психическое расстройство» испытали мгновенное облегчение впервые после нескольких лет одиночного заключения. У других тяга к убийству или самоубийству исчезала постепенно. Были и неудачи. В одном случае сломался проводок устройства, и пациент убил ножницами медсестру.

Тем не менее успех этих новаторских экспериментов свидетельствует о возможности с помощью технических и теоретических инноваций преодолеть биологически обусловленную тягу к убийству.

Другими источниками веры в возможность создания общества неприятия убийства, вопреки неверию политологов, могут служить выводы, сделанные 23 психиатрами из Стэнфордского университета,

которые сформировали комиссию по изучению «кризиса насилия» в США, последовавшего после убийств М. Л. Кинга и сенатора Роберта Кеннеди (Daniels, Gilula and Ochberg 1970). Исследовав насилие и агрессию с точки зрения биологии, психодинамики, окружающей среды, эмоции гнева, теории внутригруппового конфликта, и в их взаимодействии со средствами массовой информации, проблемой огнестрельного оружия, психическими расстройствами, употреблением наркотиков и другими факторами, Дэниельс и Гилула пришли к выводу: *«Мы уже, возможно, знаем достаточно, чтобы человечество положило конец эре насилия, если мы решимся следовать по альтернативному пути развития»* (441).

Результаты изучения конкретных случаев убийств, представленные психиатром Джорджем Ф. Соломоном, объясняют причины убийства, а также показывают, что его можно предотвратить, вместо того, чтобы беспомощно ссылаться на «человеческую природу» (Solomon 1970). В одном случае предшествующий жизненный опыт на первый взгляд очень неэмоционального снайпера — убийцы женщины был таким: пренебрежение родительскими обязанностями со стороны его отца — азартного игрока, совращение родной матерью-алкоголичкой, увлечение оружием и употребление наркотиков в целях избавления от навязчивых и ужасных образов инцеста. В другом случае на долю убийцы нового мужа бывшей жены выпало следующее: бедность, ненависть к отцу, избивавшему мать, конвульсии после ударов по голове, нанесенных отцом, насмешки матери, побои, наносимые сестрами, служба в морской пехоте, звание сержанта, женитьба на проститутке из борделя, рождение двоих детей, нападение на жену, попытка вскрыть себе вены из-за неверности жены в его отсутствие, угроза жены убить его с помощью пистолета 38 калибра, и, наконец, убийство — не ее, а ее нового мужа табельным оружием в гостиной во время ссоры всех троих из-за алиментов и права посещать детей. Соломон заключает:

Как психиатр я твердо уверен в том, что причины наших неудач кроются не столько во «врожденной неизлечимости» агрессивного индивида, сколько в нашем невежестве, от которого можно избавиться с помощью исследований, а также в несоблюдении установленных принципов, в страхе перед новшествами и чувстве мстительности по отношению к социальным отклонениям. Способность человека расти и выздоравливать велика, и надеюсь, что его тяга к насилию может быть остановлена (387).

В антропологии новый интерес к пониманию человеческого выбора в пользу ненасилия и мира в противовес агрессии проливает свет на новые данные, которые ставят под сомнение утверждение, что общество неприятия убийства невозможно (Sponsel and Gregor 1994; Sponsel 1996). Как объясняет Лесли Спонсел, «Ненасильственные и мирные сообщества довольно редки, но не потому, что они редки сами по себе, а потому, что мирное сосуществование очень нечасто является предметом изучения, объектом интереса для средств массовой информации и других институтов». «Понимать характер, условия, причины, функции, процессы и следствия ненасилия и мира не менее важно, чем насилия и войны» (Sponsel 1994a: 18–19).

Научные основания для сомнения в справедливости утверждения Гоббса об универсальной кровожадности первобытных людей представлены исследованиями Пьеро Джорджи и Ван дер Деннеом (Piero Giorgi 1999 and Van der Denen 1990; 1995).

Изучив описания войн и раздоров 50 тыс. «примитивных сообществ людей», отраженных в этнографической литературе за последние 100 лет, Ван дер Деннеа находит недвусмысленные свидетельства агрессивности только для 2 тыс. сообществ. Признавая, что отсутствие информации о «воинственности» остальных сообществ необязательно доказывает их миролюбие, ученый предостерегает от безоговорочного принятия на веру тезиса об универсальной человеческой агрессивности и воинственности (1990: 257, 259, 264–269). Он приводит в пример этнографические данные о 395 «совершенно мирных» племенах от австралийских аборигенов до народностей зуни (1995: 595–619).

Исследовав антропологическую литературу, Брюс Бонта называет 47 обществ, которые демонстрируют стремление к «миролюбию» (B. D. Bonta 1993). Он пишет:

Миролюбие... определяется нами как черта, которой обладают люди, живущие в состоянии относительной гармонии друг с другом; при этом между взрослыми мужчинами и женщинами нет случаев насилия; эти люди выработали эффективные стратегии разрешения конфликтов и предотвращения насилия; они решительно настроены избегать применения насилия к другим людям (воевать с ними); воспитывают своих детей в духе ненасилия и воспринимают себя исключительно как мирных людей (4).

Среди сообществ, у которых Бонта находит выражения миролюбия, он называет и меннонитов, и баптистов, и духоборов, и квакеров, и тайтян, и зуни, и нубийцев и многих других. Изучая далее способы разрешения конфликтов у 24 сообществ, Бонта заключает:

В свете успеха этих обществ в разрешении конфликтов можно усомниться в некоторых распространенных представлениях западных ученых о конфликте и его разрешении: а именно представлений о том, что конфликт с применением насилия неизбежен во всех сообществах; что наказание и вооруженные силы предотвращают внешнее и внутренне насилие, что для предотвращения конфликтов необходимы политические институты и, наконец, что конфликт нужно рассматривать как нечто полезное и неизбежное. Этому противоречат данные о том, что более половины мирных сообществ не испытывали насилия — по крайней мере, такие случаи не зарегистрированы; что они редко наказывают взрослых (кроме как угрозой остракизма); они разрешают конфликты с соседями такими же мирными средствами, что и внутренние конфликты; они не ищут поддержки у внешних правительственных структур для разрешения внутренних конфликтов, и они очень негативно воспринимают конфликт как таковой (403).

По мнению многих ученых-антропологов, среди факторов, влияющих на низкое или высокое «содержание» насилия в обществе, особое место принадлежит подготовке ребенка к социальной жизни и осознанию сообществом своего собственного достоинства (Fabbro 1978).

Значимость этих факторов показана в сравнительном исследовании Дугласа Фрая жизни двух мексиканских деревень, где проживают индейцы племени запотек (D. Fry 1994). Социальноэкономическая ситуация в этих деревнях примерно одинакова, но заметно отличается масштаб применения насилия. В мирной Ла-Пас, где почти не бывает убийств, жители считают себя «почтенными, мирными, независимыми и дружелюбными» (140). В соседней Сан-Андрес широко распространено «убеждение в системе ценностей, основанной на насилии» (141). Отсюда — неуважение к женщинам, избивание жен, физические наказания детей, непослушание детей, сквернословие, пьяные драки и убийства на почве ревности, вражды и мести. При похожих материальных и других условиях количество убийств в Сан-Андрес 18,1 на 100 тыс. жителей — по сравнению с 3,4 на 100 тыс. в Ла-Пасе. Этот сравнительный анализ помогает понять, что если пессимистично

смотреть на природу человека и иметь общественные нормы, допускающие насилие, убийства будут неизбежны, и наоборот, «мирные» принципы создают благоприятный климат для общества неприятия убийства.

Серьезной научной поддержкой уверенности в способности человека выбирать ненасилие явилось Севильское «Обращение о Насилии», подписанная 16 мая 1986 г. международной группой специалистов в области поведения животных, поведенческой генетики, биологической антропологии, политической психологии, социальной физиологии и социологии². Они заявили:

НЕНАУЧНО УТВЕРЖДАТЬ, что мы унаследовали тенденцию вести войны от наших животных предков... НЕНАУЧНО УТВЕРЖДАТЬ, что войны или другое агрессивное поведение генетически запрограммировано в человеческой природе... НЕНАУЧНО УТВЕРЖДАТЬ, что в ходе эволюции человека агрессивное поведение избиралось чаще, чем неагрессивное... НЕНАУЧНО УТВЕРЖДАТЬ, что у людей «насилие в мозгу»... НЕНАУЧНО УТВЕРЖДАТЬ, что война порождается «инстинктом» или каким-то другим единичным мотивом.

Вторя оптимизму психиатров из Стэнфорда, ученые заявляют далее в своей Декларации:

Мы заключаем, что биология не обрекает человечество на войну и что человечество может освободиться от гнета биологического пессимизма и проникнуться уверенностью в возможность выполнить задачи, которые необходимо выполнить в этот Международный год Мира и в последующие годы. Хотя эти задачи можно выполнить только сообща, их осуществление зависит также от осознания их значения каждым человеком, от того, будет ли он смотреть в будущее с пессимизмом или оптимизмом. Также как «война начинается в головах людей», мир начинается в наших умах. Тот же биологический вид, что изобрел войну, способен выбрать мир. Ответственность лежит на каждом из нас (Adams 1989: 120-121; 1987).

2 августа 1939 г. Альберт Эйнштейн написал письмо президенту Франклину Рузвельту, в котором он информировал президента, что атомная физика вплотную подошла к точке, когда «вполне возможно» создание «исключительно мощных бомб нового типа» (Nathan and

Norden 1968: 295). Это письмо явилось толчком к созданию комитета советников, первоначальному инвестиционному вкладу правительства США в размере 6 тыс. долларов, «запуску» многомиллиардного Манхэттенского проекта и применению 6 лет спустя первых в мире бомб из урана и плутония. Прошло 60 лет, и сейчас вполне возможно утверждать, что существует достаточно научных свидетельств о способности человека отвергать насилие, и если эти способности систематически развивать, это может привести к трансформации всего общества в общество ненасилия и неприятия убийства. Среди этих свидетельств и доказательств — более 100 докторских диссертаций, описывающих исследования ненасилия, которые в большом количестве стали появляться с 1963 г. в США в таких областях, как антропология, образование, история, язык и литература, философия, психология, политология, религия, социология, речевая коммуникация и теология (Dissertation Abstracts International 1963–). Если прибавить сюда исследования, проведенные в других странах на других языках, доклады, сделанные учеными на конференциях, книги и междисциплинарные симпозиумы (Kool 1990; 1993), новаторский обобщающий анализ (Gregg 1966), новые журналы (International Journal of Nonviolence 1993–) и обширные библиографические обзоры литературы о действиях сторонников ненасилия (McCarthy and Sharp 1997), а также другие источники, станет ясно, что в дополнение к литературе о «мире» и «разрешении конфликтов» растет литература и увеличивается знания о ненасилии. Потенциал сегодняшних знаний сравним с потенциалом ядерной физики в 1939 г.

Яркие свидетельства способности человека выбирать ненасилие

Эмиль Дюркгейм (1858–1917), основатель современной социологии, привлек внимание к «первым ярким свидетельствам» социальной жизни, имеющим непосредственное отношение к теоретическим вопросам. Эта мысль была подхвачена американским социальным психологом Дональдом Кэмпбеллом, который призывал своих студентов — выпускников факультета политологии Северозападного университета уметь замечать «социальные эксперименты», которые имеют много общего с теми, что можно поставить в экспериментальной лаборатории (Paige 1971). Поскольку политологии свойственно развивать теорию, исходя из практических наблюдений (как это сделал в своем «Государе» Макиавелли, выведший свою теорию из политики безжа-

лостного Цезаре Борджиа), то примеры выбора ненасилия, имевшие место в истории и современные нам, исключительно важны для признания возможности ненасильственных социальных изменений. Среди здоровых и заметных «ростков ненасилия» — государственная политика, институты, явления культуры, ненасильственная политическая борьба, исторические примеры и преданные идее люди.

Государственная политика. Замечательные примеры политики решений, прокладывающих дорогу ненасильственному обществу, можно найти в странах, отменивших смертную казнь, не имеющих армии и признающих право граждан отказываться от военной службы по религиозным или другим мотивам. К апрелю 2000 г. 73 из 195 государств и территорий отменили смертную казнь за любые преступления.

Страны и территории, отменившие смертную казнь

АНДОРРА	ИТАЛИЯ	ПОЛЬША
АНГОЛА	КИРИБАТИ	ПОРТУГАЛИЯ
АВСТРАЛИЯ	(РЕСПУБЛИКА)	РУМЫНИЯ
АВСТРИЯ	КОСТА РИКА	САН МАРИНО
АЗЕРБАЙДЖАН	ЛИХТЕНШТЕЙН	САН-ТОМЕ И
БЕЛЬГИЯ	ЛИТВА	ПРИНСИПИ
БОЛГАРИЯ	ЛЮКСЕМБУРГ	СЕЙШЕЛЬСКИЕ
ВАНУАТУ	МАВРИКИЙ	ОСТРОВА
ВАТИКАН	МАКЕДОНИЯ	СЛОВАКИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	МАРШАЛЛОВЫ	СЛОВЕНИЯ
ВЕНГРИЯ	ОСТРОВА	СОЛОМОНОВЫ
ВЕНЕСУЭЛА	МИКРОНЕЗИЯ	ОСТРОВА
ВОСТОЧНЫЙ ТИМОР	МОЛДАВИЯ	ТУРКМЕНИСТАН
ГАИТИ	МОНАКО	ТУВАЛУ
ГВИНЕЯ-БИСАУ	МОЗАМБИК	УКРАИНА
ГЕРМАНИЯ	НАМИБИЯ	УРУГВАЙ
ГОНДУРАС	НЕПАЛ	ФИНЛЯНДИЯ
ГРЕЦИЯ	НИДЕРЛАНДЫ	ФРАНЦИЯ
ГРУЗИЯ	НИКАРАГУА	ХОРВАТИЯ
ДАНИЯ	НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ	ЧЕХИЯ
ДЖИБУТИ	НОРВЕГИЯ	ШВЕЦИЯ
ДОМИНИКАНСКАЯ	ОСТРОВА ЗЕЛЕНОГО	ШВЕЙЦАРИЯ
РЕСПУБЛИКА	МЫСА	ЭКВАДОР
ИРЛАНДИЯ	ПАЛАУ	ЭСТОНИЯ
ИСЛАНДИЯ	ПАНАМА	ЮЖНАЯ АФРИКА
ИСПАНИЯ	ПАРАГВАЙ	

Каждый случай полной отмены смертной казни представляет собой исключительный научный и общественно-политический интерес. Почему, как и когда каждое из правительств решило не убивать? Почему в этом списке представлены некоторые страны, культуры и регионы, в то время как другие отсутствуют? Какие исторические процессы возникновения новых явлений и их распространения вызвали именно такое сочетание? И наконец, какие последствия эти примеры изменений к ненасилию будут иметь для будущей реализации во всем мире общества неприятия убийства?

В дополнение к странам, где смертная казнь отменена полностью, 14 государств отменили смертную казнь за обычные преступления, оставив ее как высшую меру наказания для специальных случаев во время военного положения или войны (например Аргентина, Босния-Герцеговина, Бразилия, Израиль, Мексика, Южная Африка и Великобритания). 23 государства имеют смертную казнь по закону, но не применяли ее 10 или более лет (например Албания, Бруней, Дар-эс-Салам, Конго, Папуа Новая Гвинея, Сенегал, Шри Ланка, Турция, и Зап. Самоа). 91 государство продолжает применять смертную казнь (включая Китай, Египет, Индию, Индонезию, Японию, Нигерию, Пакистан, Россию* и США). В то время как в США смертная казнь действует как высшая мера наказания за преступления против государства, 12 из 50 штатов и округ Колумбия отменили ее: Аляска, Гавайи, Айова, Мэн, Массачусетс, Мичиган, Миннесота, Северная Дакота, Род-Айленд, Вермонт, Западная Вирджиния и Висконсин.

Несмотря на то, что наряду с отменой смертной казни бывает и ее восстановление, общая тенденция к отмене, которую проводят правительства, пришедшие когда-то к власти в атмосфере насилия, укрепляет уверенность в достижимости общества неприятия убийства. Убийство граждан не должно быть ни частью «социального контракта» Руссо, ни неотъемлемой частью политики, как считал Макс Вебер.

Обратимся далее к примеру стран, где нет армий — в 2001 г. их было 27. Все они — члены ООН, за исключением островов Кука, Ниуэ и Ватикана.

* Россия после вступления в 1996 г. в Совет Европы также не применяет смертную казнь. — *Примеч. ред.*

Страны, не имеющие армии

Нет армии (19)	Нет армии (договор об обороне) (8)
ВАПУАТУ	АНДОРРА (ИСПАНИЯ, ФРАНЦИЯ)
ВАТИКАН	ОСТРОВА КУКА (НОВ.ЗЕЛ.)
ГАИТИ	ИСЛАНДИЯ (НАТО,США)
ГРЕНАДА	МАРШАЛЛОВЫ ОСТРОВА (США)
ДОМИНИКА	МИКРОНЕЗИЯ (США)
КОСТА РИКА	МОНАКО (ФРАНЦИЯ)
КИРИБАТИ	НИУЭ (НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ)
ЛИХТЕНШТЕЙН	ПАЛАУ (США)
МАВРИКИЙ	
МАЛЬДИВЫ	
НАУРУ	
ПАНАМА	
САМОА	
САН МАРИНО	
САНТА ЛУЧИЯ	
СЕНТ-ВИНСЕНТ И ГРЕНАДИНЫ	
СЕНТ-КИТТС И НЕВИС	
СОЛОМОНОВЫ ОСТРОВА	
ТУВАЛУ	

Источник: Barbey 2001.

Кроме этого, по крайней мере 18 зависимых территорий или географических регионов демилитаризованы по соглашению со странами, под чьим суверенитетом они находятся, как например Аландские острова (Финляндия), или по международному соглашению, как Антарктика и Луна (Barbey 2001).

Отсутствие армии было бы странным для государств, где она считается необходимой для поддержания национального духа, контроля над социальной сферой, обороны и нападения. Но даже хотя страны без армий малы — и хотя некоторые из них зависят от своих вооруженных соседей или присутствия военизированных сил на их территории, — тем не менее они являются примером государства без армии. Целые нации, отвергающие убийство, вполне возможны. В странах, где есть армии, официальное признание права отказа от военной службы по религиозным и политическим мотивам является еще одним доказательством возможности создания общества неприятия убийства. В 1998 г. 47 стран юридически признали ту или иную форму принципиального отказа граждан убивать на военной службе.

**Страны и территории, признающие отказ
от военной службы (47)**

АВСТРАЛИЯ	НИДЕРЛАНДЫ
АВСТРИЯ	НОРВЕГИЯ
АЗЕРБАЙДЖАН	ПАРАГВАЙ
БЕЛЬГИЯ	ПОЛЬША
БЕРМУДЫ	ПОРТУГАЛИЯ
БОЛГАРИЯ	РОССИЯ
БРАЗИЛИЯ	РУМЫНИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	СЛОВАКИЯ
ВЕНГРИЯ	СЛОВЕНИЯ
ГАЙАНА	СУРИНАМЕ
ГЕРМАНИЯ	США
ГРЕЦИЯ	УЗБЕКИСТАН
ДАНИЯ	УКРАИНА
ЗИМБАБВЕ	УРУГВАЙ
ИЗРАИЛЬ	ФИНЛЯНДИЯ
ИСПАНИЯ	ФРАНЦИЯ
ИТАЛИЯ	ХОРВАТИЯ
КАНАДА	ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА
КИПР (греческая часть КИПРА)	ШВЕЙЦАРИЯ
КИРГИЗИЯ	ШВЕЦИЯ
ЛАТВИЯ	ЭСТОНИЯ
ЛИТВА	ЮГОСЛАВИЯ
МАЛЬТА	ЮЖНАЯ АФРИКА
МОЛДАВИЯ	

Источник: Hogeboom and Stolwijk 1998.

Юридические основания для отказа от военной службы варьируются в разных странах от религиозных мотивов до признания духовных, философских, этических, моральных, гуманитарных или политических причин отказа убивать. Также заметно отличаются требования к альтернативной службе, возможность для солдат, уже находящихся на службе, отказаться от нее, степень надежности в выполнении закона (Moskos and Chambers 1993).

Самый либеральный закон относительно права отказа от военной службы записан в статье 4 Свода законов 1949 г. Федеративной Республики Германии: «Никто не может быть принужден к прохождению военной службы с оружием в руках против его воли» (Kuhlmann and Lippert 1993: 98). Так же как в случае с отменой смертной казни и отсутствием армии, схема и перспективы политического признания права отказа быть военными убийцами представляют исключительный научный интерес.

Социальные институты

Во многих частях мира уже появились институты, которые «работают» на переход к будущему обществу неприятия убийства. Они являются еще одним свидетельством того, что человек способен выбирать ненасилие. Если бы эти институты, разбросанные по всему миру, можно было собрать вместе и адаптировать к нуждам какого-либо одного общества, можно было бы получить общество без убийства, основанное на реальном человеческом опыте, а не являющееся лишь плодом мечтаний. Только некоторые из этих многочисленных институтов упоминаются здесь, хотя каждый из них достоин отдельного рассказа.

Духовные институты. Религиозные институты, питаемые верой, отвергающей убийство, существуют по всему миру. Среди них — последователи религии джайн на Востоке, квакеры на Западе, японская ассоциация Мира и Братства во всем мире, буддистская община деревни Плам во Франции, церковь Симона Кимбалгу в Африке, духоборы в России и Канаде и еврейское Мирное Братство в Америке. Международное Братство Примирения, основанное в 1919 г., объединяет всех мужчин и женщин любой веры, «кто, веря в силу любви и правды, способную восстановить справедливое сообщество, выбирают активное ненасилие как образ жизни, и как путь преобразования — личного, социального, экономического и политического».

Политические институты. В Великобритании существует выборная политическая партия, исповедующая принципы ненасилия — это Партия Братства Великобритании. Основанная Рональдом Маллопе, Джоном Лаверсидом и другими христианскими пацифистами и ветеранами второй мировой войны в 1955 г.³, эта партия выступает против всех военных кампаний за экономическую и социальную справедливость, придавая огромное значение искусству и спорту.

В Германии ненасилие — одна из жизненно важных ценностей экологической партии «Зеленых», основанной Петрой Келли и 30 ее соратниками в 1979 г.⁴ Духовными источниками для этой партии послужили движения ненасилия, освященные именами Ганди и М. Л. Кинга (Kelly 1989). Хотя партии «Зеленых», численность которых все растет, не играют большой роли в мировой политике, приверженность ненасилию новой выборной партии — важный политический прецедент.

Партия пацифистов США, основанная в 1983 г. Брэдфордом Литлом, который был кандидатом в президенты на выборах 1996 и

2000 г., считает своей задачей мирную трансформацию американского общества к ненасилию и изменению роли США в мире⁵.

В Индии партия Сарвадайя, основанная Т. К. Н. Уннитаном и другими, выходит на избирательную арену, чтобы пропагандировать модель социального развития во имя благополучия всех, созданную Ганди⁶. Свой отход от завета Ганди не вмешиваться в политику члены партии объясняют так: «Власть нейтральна по своей сути; она становится коррумпирующей только в руках коррумпированных людей».

На основе итальянской радикальной партии (Partito Radicale) в 1987 г. возникла уникальная Транснациональная Радикальная партия⁷, вдохновленная Ганди и его учением. Ее цель — работать на международном уровне, осуществляя влияние на ООН, чтобы стремиться, например, к отмене смертной казни во всем мире, к признанию права отказа от военной службы и к привлечению военных преступников к ответственности.

Партия не участвует в национальных выборах; ее члены могут иметь двойное членство и состоять в любой другой партии. Взносы взимаются в размере 1% от валового национального продукта на душу населения каждой страны-члена. Вторя словам Ганди, партия провозглашает: «Международное законодательство и ненасилие — самый эффективный и действенный способ построить лучший мир».

Экономические институты. Видные экономические институты, функционирующие на принципах ненасилия, включают в себя: капиталистический акционерный фонд, который не инвестирует средства в военную промышленность (Pax World Fund); профсоюз, вдохновляемый идеями Ганди и Кинга («Объединенные фермеры Америки», основатели — Цезарь Шавез, Долорес Хирта и др.); и программу всестороннего развития сообщества в Шри Ланке, основанную на ненасильственных буддистских принципах («Сарвадайя Шрамадана Сангамайя», возглавляемая А. Т. Арийаратне). Движение в Индии под названием «Земельный дар» («bhoodan»), целью которого является передать землю в дар безземельным крестьянам, во главе с Винобой Бхаве (1994) и Джаупракаш Нарайаном (1978), несмотря на довольно небольшой опыт, продемонстрировало, что мирное совладение ограниченными ресурсами возможно. Несколько филантропических фондов поддерживают ненасильственное служение обществу: Фонд Ганди (Лондон), международный фонд Сарвадайя (Бангалор) и Институт А. Д. Маста (Нью-Йорк).

Образовательные институты. Первым доказал возможность построить целый университет на принципах ненасилия последователь

Ганди доктор Г. Рамангадран (1903–1995), основавший сельский институт Гандиграм в Тамилнаде (Индия). Этот институт «обслуживал» 30 прилегающих деревень, и наиболее важные принципы его функционирования были следующие: 1) соединение научных предметов с практикой их применения в жизни деревенского сообщества: политология и возможность ее применения в управлении деревенской общиной, физика и ремонт радиоприборов, биология и очистка колодезцев, искусства и творческое развитие ребенка; 2) требование от каждого выпускника дипломной работы, решающей определенные конкретные проблемы; 3) обучение трем языкам — тамильскому для общения друг с другом, хинди для общения с другими сообществами Индии и английскому как международному языку общения; 4) участие всех студентов и персонала в жизни кампуса и обслуживании — без нанятых уборщиков, садовников и поваров.

Особый вклад Рамангандрана — основание внутри системы высшего образования ненасильственной альтернативы военной подготовке — Шанти Сена (Корпус Мира), который возглавил профессор-гуманитарий Н. Радхакришнан (1992; 1997). С 1958 по 1988 г. Шанти Сена подготовил 5 тыс. дисциплинированных молодых людей и девушек, которые дали клятву «работать для мира и быть готовыми, если нужно, посвятить этому свою жизнь». Предоставляя духовную, физическую, интеллектуальную и организаторскую подготовку, в Шанти Сена готовили студентов к разрешению конфликтов, функциям обеспечения безопасности, помощи во время катастроф и совместному труду на благо общества. Основным подходом в обучении была совместная работа с деревенскими жителями для улучшения ухода за детьми, гигиены, условий проживания и сохранения фольклорных традиций. В то время как в середине 70-х годов некоторые городские университеты подверглись нападению как инструменты угнетения, деревни вокруг Гандиграма принимали участие в фестивалях в честь повышения статуса сельского института до Почетного Университета. Шанти Сена обеспечивала безопасность на кампусе, куда не допускалась вооруженная полиция, даже во время визитов премьер-министров Индии Неру, Индиры Ганди и других видных деятелей.

Институты подготовки специалистов. В последнее время появляется все больше институтов, готовящих специалистов по проведению в жизнь ненасильственных социальных изменений, для участия в решении конфликтов в «горячих» зонах, по социальной защите населения и других целей. Все больше возрастает спрос на опытных инструкторов внутри стран и за рубежом, которые вносят свой

вклад в укрепление уверенности в том, что человечество способно заменить средства насилия ненасильственными методами решения проблем. Вот некоторые из этих организаций и специалистов (Beeg 1994): Школа Ненасилия Г. Рамачандрана (Н. Радхакришнан), Международные Мирные Бригады (Нараян Десаи), Флоридский Институт Ненасилия им. М. Л. Кинга (Бернар ЛаФайетт мл., Чарльз Л. Альфин ст. и Дэвид Дженсен), Международное Братство Примирения (Хильдегаард Госс-Майр и Ричард Дитс), практические курсы Центра Подготовки (Джордж Лейки), Международная организация Противников Войны (Ховард Кларк), Палестинский Центр Изучения Ненасилия (Мубарак Авад), Международный Центр Ненасилия (Майкл Бир), Служба Мира и Справедливости (Адольфо Переш Эсквивел), Международная Сеть Буддистов (Йешуа Мозер-Пуангсуван), и «Трансценд» («TRANSCEND») (Йохан Галтунг). Важнейшим ресурсом для подготовки к ненасильственной самообороне и развитию характера, что имеет огромное значение для дальнейших перемен к ненасилию, служит искусство боя, не ставящего целью убийство, — айкидо, зародившееся в Японии. Как учит его основатель Морихей Уешиба, «разбить, повредить или убить — самый страшный грех, который только может совершить человек». Цель айкидо — гармония с жизненной силой Вселенной. «Айкидо — манифестация любви» (Stevens 1987: 94, 112; Yoder 1983: 28).

Институты безопасности. В мире есть несколько институтов и законов, которые демонстрируют возможность обеспечить безопасность общества ненасильственными способами. Так, в некоторых странах граждане не имеют права носить оружие (Япония); есть страны, где полицейские не вооружены (Великобритания), где в тюрьмах нет вооруженных охранников (Финляндия), где есть зоны мира без оружия (Ситио Контоманьог, Филиппины); существуют организации типа ассоциации Невооруженной Гражданской Защиты (Минден, Германия) и организации, выполняющие миротворческие функции в военных зонах (Moser-Puangsuwan and Weber 2000; Mahony and Eguren 1997). К этому нужно добавить различные инициативы со стороны правительств и гражданских организаций, направленные на разоружение, например на ликвидацию ядерного, биологического и химического оружия, на запрет легкого огнестрельного оружия, оружия нападения и противопехотных мин. Среди таких организаций — Центр за Мир и Примирение, основанный бывшим президентом Коста-Рики и лауреатом Нобелевской премии 1987 г. Оскаром Ариасом Санчесом, целью которого является демилитаризация и разрешение конфликтов;

движение за Ликвидацию Торговли Оружием, использующее опыт движения против работорговли, и Общество за Природу Против Оружия, основанное на Филиппинах Рейнальдо Пачеко и Хайди Йоракон, призванное спасать людей как «вид, находящийся под угрозой уничтожения» (Villavincensio-Raugon 1995).

Исследовательские институты. На Западе институт Альберта Эйнштейна (Кембридж, Массачусетс), основанный Джин Шарп, ведет исследования по ненасильственной борьбе за демократию, безопасность и справедливость во всем мире. На Востоке институт исследований им. Ганди (Варанаси, Индия), основанный Джаяпракашем Нараяном («J. P.»), проводит социологические исследования для поддержки перемен к ненасилию. На международном уровне Комиссия по Ненасилию Международной Исследовательской Ассоциации Мира, основанная Теодором Л. Херманом, помогает в распространении открытий в области исследования ненасилия, образования и практических действий.

Институты, занимающиеся решением проблем. Примерами институтов, посвятивших свою деятельность решению проблем на основе принципов ненасилия, являются Международная Амнистия (защита прав человека и отмена смертной казни), «Гриппис Интернешнл» (защита окружающей среды и ликвидация ядерного оружия), «Международная Организация Противников Войны» (защита права отказа от военной службы и сопротивление всем военным приготовлениям) и «Врачи без границ» (гуманитарная медицинская помощь жертвам насилия).

Средства массовой информации. Возможность существования средств массовой информации, которые комментируют местные и международные события с точки зрения ненасилия, представлена работой журналиста-новатора Колмана МакКарти (McCarthy 1994) и несколькими публикациями в разных частях мира. В их число входят: «Day by Day» («День за днем») — ежемесячный обзор прессы, событий культуры, искусства и спорта, издаваемый Британской Пацифистской Партией Братства (Лондон); «Seeds of Peace» («Семена мира») — буддистское издание в Бангкоке; «Peace news: for Non-violent Revolution» («Мирные новости: за ненасильственную революцию») (Лондон); французское ежемесячное издание «Non-violence Actualité» («Реальность без Насилия») (Монтаргис); итальянское издание «Azione Nonviolenta» («Ненасильственное действие») (Верона), немецкое «Graswurtzel-revolution» («Зеленая революция») (Ольденбург) и американские журналы «Fellowship» («Братство») (Нью-

Йорк), и «Non-Violent Activist» («Активист Ненасилия») (Нью-Йорк). Такие «толстые» журналы, как «Social Alternatives» («Социальные альтернативы») (Брисбен, Австралия), «Gandhi Marg» («Ганди Марг») (Нью-Дели) и «International Journal of Non-Violence» («Международный Журнал Ненасилия») (Вашингтон), пробуждают и распространяют ненасильственное мышление и видение различных социальных вопросов. Некоторые издательства, такие как «Navajivan» («Навадживан») (Ахмедабад, Индия), «New Society Publishers» («Нью Сосаити Пиблিশез») (Блейн, Вашингтон), «Non-violence Actualite» («Нон-Виоланс Актюалите») (Монтаргис, Франция), и «Orbis Books» («Орбис Букс») (Мэрикнолл, Нью-Йорк), специализируются на книгах, пропагандирующих ненасильственные социальные изменения.

Культурные ресурсы. Ненасильственные культурные ресурсы — это произведения искусства и человеческого интеллекта, которые возвышают человеческий дух и вдохновляют на усилия, направленные на создание общества неприятия убийства. Сюда можно отнести народные песни («Мы победим»); оперу (Филипп Глас «Сатьягара»); романы (Берта фон Ситтнер «Сложи оружие»); поэтическое творчество (Стив Мейсон «Песня Джонни»), произведения живописи (Кати Колвитц «Семя для посева нельзя перемалывать») и фильмы (Ричард Атенборо «Ганди»). Центр «За ненасилие через искусство», основанный в 1995 г. Малликой Сарабхай в Ахмедабаде, Индия, ставит своей целью свести в единое целое творческий порыв визуального, исполнительского искусства и литературы и направить его на социальные изменения в сторону ненасилия.

Ненасильственная политическая борьба. Появившиеся на исторической арене достаточно давно, сторонники ненасильственных методов политической борьбы заметно активизировались во второй половине XX в. Как отмечает Джин Шарп, «Еще в 80-е годы большинству людей даже не приходило в голову, что борьба без насилия — или народная воля — в течение одного десятилетия будет признана важнейшей силой, влияющей на политику во всем мире» (Sharp 1989: 4). В период с 1970 по 1989 г. Шарп отмечает заметные очаги ненасильственной борьбы в следующих частях мира: в Африке (Алжир, Марокко, Южная Африка, Судан), в Азии (Бирма, Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Пакистан, Филиппины, Тибет), в обеих Америках (Аргентина, Боливия, Бразилия, Чили, Гаити, Мексика, Никарагуа, Панама и США) и в Европе (Эстония, Франция, Восточная и Западная Германия, Венгрия, Ирландия, Латвия, и Югославия), на Ближнем Востоке (оккупированная Израилем Палестина) и в странах

Тихоокеанского бассейна (Австралия и Новая Каледония). С 1989 г. манифестации мирной народной воли положили конец диктату однопартийной коммунистической системы в бывшем Советском Союзе, Восточной Европе, республиках Прибалтики и Монголии, способствовали мирному объединению Германии и покончили с апартеидом в Южной Африке. Хотя не вся мирная борьба была полностью ненасильственной, хотя определенное количество людей подверглось жестоким репрессиям, как это было, например, в Бирме в 1988 г. и в Китае в 1989 г., и хотя некоторые ученые видят причину успеха таких методов именно в том, что альтернативой им была угроза массовых убийств, они являются большим шагом вперед по сравнению с кровавыми традициями американской, французской, русской, китайской и других жестоких революций.

Набираясь опыта у таких движений, как движение за независимость Индии, осязаемое именем Ганди, движения за равные гражданские права в США под знаменами Мартина Лютера Кинга, ненасильственное народное движение за демократию на Филиппинах, движение против ядерной войны, в защиту окружающей среды, постепенно растет и развивается стратегия и тактика ненасильственной борьбы, используя при этом и новые высокие технологии. В свою очередь некоторые правящие режимы начинают сдерживать применение силы против выступлений гражданского населения в защиту мира, свободы и справедливости.

В дополнение к общему направлению движения за ненасильственное общество появляются и растут социальные движения, ставящие своей целью бороться за определенные конкретные черты общества неприятия убийства. Это — движения за отмену смертной казни; за альтернативу аборт; за признание права отказа от военной службы; за упразднение армии; за ненасильственную гражданскую оборону; за поиск ненасильственных способов решения конфликтов; за уничтожение ядерного, химического и биологического оружия; за уничтожение противопехотных мин, автоматического и легкого огнестрельного оружия; за упразднение экономической поддержки убийства; в защиту прав личности, меньшинств и коренного населения; в защиту окружающей среды от загрязнения и за реализацию других изменений в политике, военной отрасли, экономике и культуре. Ненасильственные движения в конце XX в. вышли за пределы одиночных спорадических действий и становятся все более сознательными, принципиальными, творческими и широко распространенными благодаря средствам действительно «глобально массовой» коммуникации; чему также во мно-

гом способствуют новые исследования Джин Шарп (Sharp 1973), Йохана Галтунга (Galtung 1992, 1996), Жака Семелина (Semelin 1993), Майкла Рендла (Randle 1994) и др.

Среди продолжающегося кровопролития в эпоху глобализации движения за ненасилие растут и распространяются по всему миру, изобретая новые методы и используя уже проверенные, бросая вызов несправедливостям государства и общества (Powers and Vogele 1997; Zunes, Kurtz and Asher 1999; Ackerman and Du Vall 2000).

Исторические корни

История предоставляет яркие примеры решения конфликтов ненасильственным способом, часто в очень жестокие времена. Если эти примеры собрать в единое целое, можно проследить ненасильственную историю человечества.

Убежденная приверженность ненасилию непобедима. Вот уже более 2 тыс. лет иудео-христианской истории 6-я заповедь — «Не убий» (Исход, 20: 13), Нагорная проповедь (Евангелие от Матфея, 5–7) и образ распятого Христа передаются в письменной и устной традиции от поколения к поколению, и до тех пор, пока это будет продолжаться, будет жить императив отрицания убийства в противовес убийству и насилию, несмотря на все преследования и мученичество, которые испытывали люди от неграмотных крестьян до привилегированной элиты (Brook 1968; 1970; 1972; 1990; 1991a; 1991b; 1992). Так, 7500 духоборов подверглись преследованиям и были вынуждены эмигрировать в Канаду после массовой скоординированной акции по сожжению оружия в трех местах одновременно 29 июня 1895 г. В этой акции приняли участие 7000 мирных крестьян-духоборов, которым позднее оказал поддержку Л. Н. Толстой (Tarassof 1995: 8–9).

Исторические корни ненасилия можно найти в других культурных традициях, например в буддизме (Horigan 1996; Paige and Gilliatt 1991); в исламе (Banerjee 2000; Crow 1990; Easwaran 1999; Kishtainy 1990; Paige, Satha-Anand and Gilliatt 1993a; Satha-Anand 1990; Tayyebulla 1959) и иудаизме (Schwarzschild n.d.; Polner and Goodman 1994; Wilcock 1994).

Более того, как показали Москос и Чамберс в своем историческом сравнительном исследовании, в странах современной демократии отказ убивать на войне происходит в основном по гуманитарным и политическим мотивам, а не по религиозным, т. е. идет процесс секуляризации неприятия убийства — люди верующие и неверующие и живущие

в соответствии со своими собственными принципами едины в своем нежелании убивать (Moskos and Chambers 1993).

Еще одно историческое наблюдение — удивительные случаи выбора ненасилия со стороны политических лидеров, обычно привыкших считать насилие нормой. Так, прусский король Фридрих I в 1713 г. освободил меннонитов от призыва на военную службу. Подобные права были даны меннонитам в России при Екатерине II (1763) и при Александре II (1875) (Brook 1972: 230, 234, 426). В 1919 г. Ленин, по просьбе друга Л. Толстого, В. Г. Черткова, и по совету большевика Бонч-Бруевича освободил толстовцев и другие пацифистские общины от службы в рядах Красной Армии (Josephson 1985: 162; Corpieters and Zverev 1995). Одним из первых решений большевиков была отмена смертной казни в армии. То, что подобные решения были на самом деле только на бумаге, не умаляет их значения для возможности принятия реальных решений в будущем. Как заметил Джером Франк, если принять во внимание готовность граждан подчиняться власти, изменение поведения политических деятелей может быть одним из самых важных факторов для установления мира. Но в то время как лидеры могут вести вперед, следующие за ними могут отставать. Вот что говорят Зимеринг и Хокинс по поводу отмены смертной казни в странах западной демократии: «Отмена смертной казни в демократических странах почти всегда происходит при наличии оппозиции большинства населения. Каждая западная демократическая страна, кроме США, отменила смертную казнь, но нельзя назвать ни одной страны, где на момент отмены ее имел бы место демократический консенсус. И все же, несмотря на это, отмена действует, даже если недовольство общественности продолжается длительное время (Zimring and Hawkins 1986: XVI).

Однако, несмотря на важность роли политического руководства для избрания курса ненасилия, нельзя недооценивать возрастающую силу массового народного движения за ненасилие (Paige 1977, Burns 1978).

Третьим историческим наблюдением является то, что, как правило, приверженность неприятию убийства сопровождается попытками уничтожить другие формы страдания и заставить общество уважать любые формы жизни. Неприятие убийства не означает безразличия или бездействия. *Ahimsa* в учении джайн, например, распространяет свою защиту и на животных, и птиц, и на другие формы жизни (Tobias 1991). Движение Ганди в Индии ставит своей целью также и существующие структурные изменения в обществе; для его приверж-

женщев главным является не только политическая независимость, но и важные экономические, социальные, культурные изменения, влияющие на жизнь бедноты, женщин, меньшинств, низших каст и на отношения внутри общин. Подобным же образом ненасильственное движение М. Л. Кинга в США, добываясь свободы и расового равноправия, борется и за справедливость во всех структурах американского общества, которой препятствуют такие явления, как бедность и война. Свидетельства способности людей выбирать ненасилие можно найти в истории даже очень агрессивных сейчас государств, таких как, например, США. Истоки и примеры ненасилия в историческом опыте этой страны практически неизвестны изучающим политологию из-за господствующей здесь в настоящее время традиции насилия. Однако существуют исследования, которые доказывают неоспоримое наличие таких примеров (Brock 1968; Cooney and Michalowski 1987; Hawkey and Juhnke 1993; Kapur 1992; Kohn 1987; Lynd and Lynd 1995; Association of American Historians 1994; Schlissel 1968; True 1995; Zinn 1990).

Примеры ненасилия в США. Ненасильственные действия имели место на самой заре истории Америки. Пацифисты-иммигранты и местное население поддерживали именно такие дружеские отношения. Целых 70 лет (1682–1756) пацифисты-квакеры в Пенсильванской колонии, где не было вооруженной милиции, мирно сосуществовали с индейцами-делаваарами, придерживаясь договора держать дверь открытой для дружественных визитов и совещаться при получении сведений о немирных намерениях (Brock 1990: 87–91). Статьи о соблюдении права отказа от военной службы по религиозным мотивам содержались в законах 12-ти из 13-ти колоний дореволюционного времени. Наиболее либеральное законодательство Род Айленда (1673) освобождало от службы мужчин, чьи убеждения запрещали им «тренироваться, вооружаться и убивать», и предусматривало также освобождение от ответственности за это: «таковые граждане не должны быть никак наказаны — ни штрафом, ни ограничением, ни заключением в тюрьму» (Kohn 1987: 8).

Отказ от убийства присутствовал и в законодательстве молодой формирующейся нации. Одни из первых законодательных актов, принятых Континентальным Конгрессом в 1775 г., запрещал применять насилие к людям с пацифистскими религиозными убеждениями (Kohn 1987: 10, 13). Во время дискуссии, которая добавила Билль о Правах к американской Конституции в 1789 г., член палаты представителей Джеймс Мэдисон предложил принять положение в Статье 2,

которое признает право каждого гражданина отказаться убивать: «Ни один человек, чьи религиозные взгляды запрещают носить оружие, не может быть принужден лично служить в рядах милиции» (Kohn 1987: 11). Предложение Мэдисона было одобрено палатой представителей, однако было отклонено комитетом Сенатской конференции по правам штатов на оборону, который выступал против распространения федерального контроля на милицию штатов.

Во время Американской революции (1775–1783) колонисты различных национальностей и религиозных убеждений с обеих сторон отказывались убивать. Британский солдат Томас Уотсон заклеил убийство и позднее стал старейшиной Массачусетских квакеров (Brock 1968: 280–281). Во время британской блокады и позднее осады Бостона американцами (1774–1776) квакеры убедили генералов воюющих сторон Вашингтона и Хоу позволить им доставлять гуманитарную помощь гражданам осажденных городов и беженцам (Brock 1968: 193–194). Не без труда и страданий, но пацифистские взгляды находили уважение и поддержку.

Вполне можно допустить, что ненасильственная борьба могла помочь завоевать Америке независимость (Conser et al. 1986). Как говорил Чарльз Уиппл в своей книге «Беды революционной войны», «Мы смогли бы добиться независимости так же эффективно, так же быстро и при гораздо более благоприятных условиях, если бы мы не взялись за оружие» (Whipple «Evils of Revolutionary War» 1839). Методы должны были быть следующие: «Во-первых, твердый, но спокойный отказ подчиниться несправедливым требованиям; во-вторых, публичные заявления о проблемах и тяготах и требование компенсации; в-третьих, терпеливое перенесение любого насилия, которое могло быть применено для подчинения» (Whipple 1839: 2). Анализ динамики ненасильственной борьбы, сделанный Уипплом, предвосхитил практически все основные положения в более поздних теориях Ганди и Джина Шарпа. Говоря о преимуществах ненасильственной революции, Уиппл подсчитал, что могло быть потеряно гораздо меньше жизней (возможно, погибло бы 1000 лидеров и 10 тыс. мужчин, женщин и детей, в то время как за 8 лет жестокой борьбы погибло 100 тыс. людей). Что касается экономики, то можно было бы избежать дорогостоящих затрат на войну (135 млн долларов) и последующих расходов на милитаризацию (300 млн долларов). При этом духовные и этические основы нации были бы на гораздо более высоком уровне.

Более того, американские революционеры, если бы они отказались от насилия, покончили бы с рабством «и не стали бы обманывать,

корруптировать и уничтожить коренное население нашей страны», и «не допустили бы, чтобы насилие и возмездие стали составляющей их собственного правительства», что подразумевало, в числе прочего, и ввод смертной казни (Whipple 1839: 10).

Примеры неприятия убийства можно видеть и в период, предшествующий Гражданской войне. Патриоты, идя на страдание и жертвы, делали все для мира во время войн с Англией (1812) и Мексикой (1845), боролись за права женщин и отмену рабства. Среди них были мужчины и женщины, черные и белые, верующие и неверующие (Cooley and Michalowski 1987: 20–33; Lynd and Lynd 1995: 13–41). Ненасильственные усилия аболиционистов увенчались успехом — принятием законов об отмене рабства северными штатами. В южных и «пограничных» штатах некоторые рабовладельцы по религиозным или экономическим соображениям освобождали своих рабов, продолжая подвижническую деятельность по освобождению рабов квакера Джона Вульмана (1720–1772). Освобождение от рабства вполне могло произойти ненасильственным путем. Британия отменила рабство у себя в 1777 г., работорговлю в 1807 г. и рабовладение на всей территории Британской империи в 1833 г.; рабство могло быть мирным путем отменено и в США, если бы Америка, подобно Канаде, сохранила какую-либо связь с метрополией.

Во время Гражданской войны (1861–1865) после преследований, которым подвергались люди, уклоняющиеся от призыва, включая пытки, тюремное заключение и казнь, положения о праве отказа от военной службы были включены в проект законодательства Конфедерации (1862) и Союза (1864). Хотя эти законы не всегда применялись, просьбы об освобождении от военной службы благосклонно принимались президентом Авраамом Линкольном, военным министром Эдвином Стэнтоном и помощником военного министра Конфедерации Джоном Кэмпбеллом (Moskos and Chambers 1993: 30–31). В условиях войны, когда менялись власти, члены секты Ученики Христа штата Теннесси добивались выполнения своих просьб об освобождении их от призыва сначала у президента Конфедерации Джефферсона Дейвиса, а потом у военного губернатора оккупационных сил Эндрю Джонсона (Brook 1968: 842–843). В то время, как велась братоубийственная война, право не убивать в разной степени признавалось обоими сторонами.

Примеры неприятия убийства продолжали иметь место и в эру индустриализации и империалистической экспансии, и в течение всех трех мировых войн XX в. Несмотря на отдельные случаи насилия со

стороны работодателей, полиции, государства и даже самих рабочих, борьба за право улучшить условия труда рабочих была в основном ненасильственной, она не была вооруженной революцией рабочих. Ненасильственным было также движение за равноправие женщин, результатом которого было избрание первой женщины в Конгресс в 1916 г. — члена палаты представителей от республиканцев Монтаны Джанет Ранкин (Josephson 1974). В 1917 г. вместе с 49 товарищами по партии⁸ и 6 сенаторами⁹ она проголосовала против вступления Соединенных Штатов в первую мировую войну. Переизбранная в 1940 г., в 1941 г. она была единственной проголосовавшей против вступления США во вторую мировую войну. Позднее, в возрасте 88 лет, она повела 5 тыс. женщин Бригады Джанет Ранкин маршем на Вашингтон, протестуя против войны во Вьетнаме.

Во время первой мировой войны 4000 мобилизованных американцев отказались убивать. 1300 приняли на себя тыловые обязанности, в основном в качестве медицинского персонала; еще 1500 человек занимались сельскохозяйственным трудом; 940 находились в отдельных тренировочных подразделениях; а 450 наиболее «непримиримых», отказавшихся от какого бы то ни было участия в убийстве, были осуждены трибуналом и заключены в военные тюрьмы, где 17 из них умерли от жестокого обращения и болезней (Moskos and Chambers 1993: 34–35; Kohn 1987: 42; Lynd and Lynd 1995: 91–117; Schlissel 1968: 128–175).

Во время мобилизации на вторую мировую войну (1940–1947) 72 354 человека отказались от службы: 25 тыс. выполняли различные обязанности в тылу; 11 996 мужчин из 213 религиозных деноминаций согласились работать в 151 гражданском социальном лагере (Приложение Г); и 6086 тех, кто отказался принимать любое участие в войне, были заключены в тюрьмы. Три четверти всех заключенных в тюрьмы были из секты Свидетелей Иеговы (Anderson 1994; Moskos and Chambers 1993: 37–38; Cooney and Michalowski 1987: 94–95; Gara and Gara 1999).

Потенциал ненасилия снова проявился в американском обществе во время Холодной войны (1945–1953). В этот период произошли кровавые войны — во Вьетнаме (1964–1975) и Корею (1950–1953), которые по числу убитых и раненых занимают соответственно 4-е и 5-е места после второй мировой войны, Гражданской и первой мировой войны. За период Холодной войны во время противостояния между Советским Союзом, США и их союзниками по крайней мере 20 млн людей были приписаны в жертву на алтарь революции, контрреволюции и геополитической борьбы. В Корейской войне 22 500 американ-

ских призывников отказались убивать. Массовое неприятие войны во Вьетнаме привело к тому, что беспрецедентное число людей отказывалось участвовать в убийстве, причем большинство на нерелигиозных основаниях (Moskos and Chambers 1993: 39–43). В 1972 г. было зарегистрировано больше «отказников» от военной службы, чем было мобилизовано. Другие подлежащие призыву избегали регистрации, шли в тюрьму или уезжали из страны, повернув в обратную сторону поток пацифистов – иммигрантов в США, которые когда-то искали в Америке защиты от призыва в своих странах. Являясь свидетелями бойни во Вьетнаме, невооруженные противники убийства, которые согласились служить не в качестве боевых «единиц», а в госпиталях на линии фронта, только утвердились в своем убеждении (Gioglio 1989).

После Холодной войны примеры неприятия убийства снова возникли во время войны в Персидском заливе (1991). В этот раз этот феномен не был отказом от призыва, так как самого призыва не было; убивать отказывались военнослужащие и резервисты. Было отдано под суд и посажено в тюрьму 50 морских пехотинцев, отказавшихся убивать (Moskos and Chambers 1993: 44).

Ненасильственный потенциал проявляется в американской истории также и в попытках отменить смертную казнь. Это началось еще в колониальные времена с сокращения количества преступлений, за которые полагалась смертная казнь, когда в штате Мичиган смертную казнь как высшую меру наказания оставили только за антигосударственные преступления (1846). Затем последовала полная отмена в штатах Род Айленд (1852) и Висконсин (1853). Сейчас 12 из 50 штатов, а также округ Колумбия демонстрируют, что американцы коллективно в мирное время и индивидуально во время войны способны отказываться убивать. На федеральном уровне, однако, Верховному суду еще надо подтвердить, что убийство граждан противоречит Конституции Соединенных Штатов (Zimring and Hawkins 1986). Среди других проявлений ненасильственного потенциала в США можно назвать борьбу за ликвидацию ядерного оружия (движение «Мечи на плуги»), за общество без бедности (движение рабочих-католиков), за конец насилия мужчин над женщинами (женское движение) и за равенство афро-американцев и всех рас в свободном и справедливом обществе (движение М. Л. Kinga за ненасильственные социальные изменения). На встрече в 1936 г. с афроамериканскими лидерами Ганди сказали, что его учение о невинности оказалось глубоко созвучно «негритянским спиричуэлс» и что афро-американцы готовы принять его уче-

ние. Ганди сказал на это: «Возможно, через американских негров мир услышит истинный призыв к ненасилию» (Кариг 1992: 89–90). Так, во взаимодействии с учением Ганди, движением Кинга и другими движениями ненасилия, а также через пацифистские корни коренного населения и иммигрантов ненасилие в Америке входит составной частью во всемирную историю отказа от убийства.

Несмотря на доминирующую традицию насилия в политике, корни ненасилия можно видеть в непобедимости этики уважения жизни во все времена — с тех пор, как Америка была колонией, и до наших дней. Непасильственные проявления видны в отказе убивать на войне, в оппозиции смертной казни, в движении против абортот, в требовании разоружения, в сопротивлении милитаризации и глобальной политике насилия, в ненасильственных действиях, направленных на структурные изменения в экономике, межэтнических отношениях, правах женщин и культурной принадлежности, в религии, искусстве и литературе (Tigue 1995). Эти проявления ненасилия в истории могли бы стать основой ненасильственного патриотизма, или «ненасильственного национализма», к которому призывал своих сограждан Гуинфор Эванс, основатель валлийской пацифистской партии (Evans 1972). Гимном такого патриотизма могла бы стать «Америка прекрасная» («America the Beautiful»), маршевой песней — «Мы победим» («We Shall Overcome»), а молитвой — «Благослови Господи мирную Америку и ненасилие в мире».

Сторонники ненасилия. В конечном итоге корни ненасилия нужно искать в биографии человечества. Мужчины и женщины, поодиночке и вместе, известные и неизвестные, наши современники и предшественники, демонстрируют приверженность ненасилию и стремление изменить общество. То, что могут делать одни, могут и другие.

При входе в Музей современного искусства в Париже можно видеть огромную настенную картину Рауля Дюфи, на которой изображены все, кто внес свой вклад в изобретение электричества, от древних философов до современных ученых и изобретателей. Можно было бы создать такую же широкую панораму тех, кто внес свой вклад в дух, теорию и практику ненасилия, встречающихся при входе всех начинающих свой путь изучения политологии. Какое-то представление о всемирном наследии движения ненасилия может дать «Биографический словарь современных лидеров-миротворцев» (Josephson 1985), в котором приведены биографии 717 человек из 39 стран, которые жили в период между 1800 и 1980 гг. 1134 страницы содержат своего рода

отчет о способах и методах построения ненасильственного мира. Некоторые принимали ненасилие временно, некоторые всю жизнь строили на принципах ненасилия. Расширение такого исследования с точки зрения географии, истории, культуры и современности раскрыло бы перед нами всемирное наследие мужества и приверженности своим взглядам сторонников ненасилия; необходимость поделиться международным опытом действительно назрела.

Биографии сторонников ненасилия созвучны одна другой, несмотря на времена и расстояния. Есть примеры в Древнем мире: Египетский фараон Шабака, рожденный в Нубии (760-695 гг. до н. э.), отменил смертную казнь (Bennett 1988: 11). В Индии буддистский император Ашока заклеил войну и убийство людей после захвата Калинги (262 г. до н. э.), когда погибло 100 тыс. человек, 150 тыс. было отправлено в ссылку и бесчисленное число невинных людей погибло или пострадало (Chowdhury 1997: 52). Учения о ненасилии и миролюбие духовных наставников порождают поклонение и подражание через века: Будда, Махавира, Иисус, Мохаммед, Джордж Фокс, Гуру Нанак и другие. По мере того, как люди становятся противниками насилия, происходят драматические изменения. Солдаты становятся пацифистами (Crozier 1938; Tendulkar 1967; Khan 1997; Boubalt, Gauchard and Muller 1986; Roussel 1997). Революционеры осуждают убийство (Narayan 1975; Bendana 1998). Мужчины отказываются от призыва в армию (Moskos and Chambers 1993). Гуманист Арчибальд Бакстер из Новой Зеландии выступал против пыток и призыва в армию во время первой мировой войны с исключительным мужеством (Baxter 2000). Верующему австрийскому крестьянину Францу Джагестаттеру отрубили голову за отказ воевать за Гитлера (Zahn 1964). Люди рисковали своей жизнью, чтобы спасти евреев от гитлеровского Холокоста (Fogelman 1994; Hallie 1979). Одни отказывают современному милитаризированному государству, ведущему войны, в моральной и материальной поддержке (Everett 1989), другие борются за уничтожение оружия массового поражения (Norman 1989; Polner and O'Grady 1997). Миллионы людей идут за проповедником ненасилия, худощавым человеком маленького роста, индийцем Мохандасом Ганди. Афганское племя патанов с жестокой культурой подчиняется мусульманскому лидеру, исповедующему ненасилие, Абдул Гафар Хану (Banerjee 2000; Easwaran 1999). Как заметил великий деятель образования, последователь Ганди доктор Рамачандра, «Неизвестные герои и героини ненасилия гораздо важнее, чем известные» (Ramachandran 1983). В США небольшая группа студентов колледжа,

афро-американцев, последователей Ганди, начинаст движение за равные гражданские права, во главе которого становится преподобный Доктор Мартин Лютер Кинг (Halberstam 1998). Американцы, борющиеся ненасилием, Адин Баллу и Генри Дэйвид Торо, оказывают влияние на Толстого (Christian 1987: 588); Толстой оказывает влияние на Ганди; Ганди — на Кинга; все они оказывают влияние на основательницу партии «Зеленых» Петру Келли (Kelly 1989) и многих других. В 1997 и 1998 гг. более 200 молодых лидеров из более чем 60 стран, принимавших участие в первых двух программах подготовки Академии Международного Лидерства Университета ООН, проходивших в Аммане, Иордания, признали Ганди самым уважаемым лидером в мире. Их восхищение этим человеком созвучно отношению к Ганди со стороны многих лидеров борьбы за независимость во время распада колониальной системы после 1945 г.

Лидеры движения ненасилия продолжают появляться и в наше время: среди них — Маха Госананда из Камбоджи, Хам Сук Хон из Кореи, Кен Саро-Вива из Нигерии, А. Т. Ариаратне из Шри Ланки, Сулак Сиваракса из Таиланда, Ланцо дель Васто и генерал Жак де Боллардые из Франции, Рональд Маллоуп из Англии, Альдо Капитини из Италии, Н. Радхакришнан из Индии, Дом Хелдер Камара из Бразилии, А. Д. Мюст из США. Если Ганди не было воздано по заслугам, то современные лидеры движения ненасилия начали получать признание и даже Нобелевские премии мира: Альберт Лютули и Десмонд Туту из Южной Африки, Мейрид Корриган Магуайер из Северной Ирландии, Адольфо Переш Эсквивел из Аргентины, Сан Су Чжи из Бирмы, и тибетский Далай Лама.

Женщины — каждая со своей историей — мужественно вступают в ненасильственную борьбу против насилия в каждом аспекте жизни общества: Берта фон Саттнер из Австрии, Гедонг Багосе Ока из Бали, Медхар Паткар из Индии, Дороти Дэй, Барбара Деминг, и Джин Тумер из США (Stanfield 1993: 49).

Во время второй мировой войны в Британии 1704 женщины отказываются от мобилизации и 214 — те, кто отказывается поддержать войну, работая в тылу, подвергаются тюремному заключению (Haggis-Jenkins 1993: 77). Женщины объединяются и борются против жестокостей войны («Матери Плаза дель Майо», Буэнос Айрес), преступлений на расовой основе («Женщины в Черном», Сербия), приготовлений к ядерной войне (Женский Общий лагерь Мира в Гринэм, Британия), загрязнения окружающей среды (движение «Обними дерево» Чипко, Индия) и против многих других несправедливостей (McAllis-

ter 1982, 1988; Morgan 1984; Foster 1989). Такие ученые, как Джоан Бондуран (1969), Элиз Булдинг (1980;1992), и Беренис Кэрролл (1998) распространяют знания о ненасильственных социальных изменениях. Соратники по ненасильственной борьбе — супружеские пары или пары, проживающие вместе, поддерживают друг друга в своем важном деле по переустройству общества: Кастурба и Мохандас Ганди, Кретта Скотт и Мартин Лютер Кинг, Долорес Хуэрта и Цезарь Шавез, Дороти Дей и Питер Морин, Франсес Мей Уитерспун и Чарльз Рехт, Элизабет МакАлистер и Филипп Берриган. Неоценим вклад таких людей в ненасильственную демократическую интервенцию Филиппин в 1986 г., когда монахини, священники, простые граждане и гражданки соединили свои усилия, чтобы противостоять диктатуре и угрозе кровавого контрреволюционного переворота (Santiago, A. S. 1995). Ненасильственная история человечества, охваченная «панорамным» взглядом, внушает уверенность, что мужчины и женщины способны создать свободное от убийства, справедливое общество, которое соблюдает интересы всех.

Предпосылки для общества неприятия убийства

Возможность создать общество неприятия убийства заложена в нашем опыте и творческой природе человечества. Подавляющее большинство людей никогда не убивали и не убивают. Хотя мы способны убить, это не в нашей природе. Главной заповедью очень многих духовных традиций и верований является «Не убий», уважай жизнь. Люди показали себя способными следовать этой заповеди и сердцем, и разумом, даже в самых жестоких условиях. В тех случаях, когда убийство все же случается, наука доказала свою беспрецедентную способность выяснять его причины и находить способы устранения этих причин, а также помогать освобождению человека и общества от убийства.

Прототипические компоненты общества без убийства уже существовали на нашей планете в прошлом и существуют в настоящем, а не являются лишь плодами богатого воображения. В историческом опыте человечества можно найти духовные, политические, экономические, социальные и культурные институты и действия, основанные на принципах ненасилия. Существуют общества без армии, без вооружений и без смертной казни. Существуют организации и движения, ставящие своей целью решение проблем, которые угрожают выживанию и благополучию человечества. Исторический опыт дает знания

о том, как развивать настоящую и будущую стратегию мирной перестройки общества. Многие мужественные борцы за ненасилие внесли и вносят неоценимый вклад в движение.

Если бы какая-нибудь группа людей решила обобщить, адаптировать и творчески переработать те компоненты общества ненасилия, которые уже существуют в историческом опыте, общество неприятия убийства уже сейчас было бы достижимо. Признать возможность — не значит гарантировать появление такого общества, но значит поставить под вопрос ранее незыблемое представление о невозможности его существования и усилить уверенность в том, что человечество способно на перемены в сторону ненасилия.

Глава 3

ЗНАЧЕНИЕ НАШЕЙ ТЕОРИИ ДЛЯ ПОЛИТОЛОГИИ

Ненасилие — не только дело религии.
Ненасилие — не только дело общества.
Ненасилие — это наука власти.

Д. Рамачандран

Какое же значение имеет для политологии как академической дисциплины способность человечества построить общество без убийства? Если тезис о возможности ненасилия заменит постулат о том, что насилие заложено в природе человека, какую науку захотят создать политологи? Какими ценностями будем мы руководствоваться в нашей работе? Какие факты искать? Какие объясняющие и прогнозирующие теории будем мы исследовать? Как будем использовать полученные знания? Каким образом будем обучать себя и других? Какие институты построим? И как мы будем взаимодействовать с другими в процессе открытия, создания, и использования знаний для построения общества ненасилия во всем мире?

Допускаемая возможность создания общества без убийства подразумевает сдвиг к творческим методам по созданию политической дисциплины ненасилия. Она ставит под сомнение тезис Вебера, что принятие насилия (убийства) совершенно необходимо для теории и практики политологии и что этика ненасилия несовместима с этой дисциплиной. Она делает немислимое прежде, по крайней мере, вполне вероятным.

Логика политического анализа ненасилия

Сдвиг в сторону парадигмы общества ненасилия требует создания четырехчастной логики политического анализа. Нам необходимо

знать причины, по которым убивают; причины, по которым не убивают; причины перехода от убийства к ненасилию и характеристики общества, совершенно свободных от насилия. Парадоксально, что для политологии ненасилия гораздо важнее понимать природу убийства, чем для всем известной политической науки, основанной на приятии убийства. Это вызвано необходимостью заменять ненасильственными средствами тот арсенал, который принадлежал тактике насилия. Когда убийство принимается как неизбежность для личных и коллективных целей, нет необходимости понимать причины насилия и отказываться о них. Есть некое ощущение определенности в том, что в конце концов все сводится к «я/мы тебя убью/убьем». Если отказаться от этой предпосылки, становится крайне необходимо понять и уничтожить причины убийства для того, чтобы выжить и нормально существовать.

Концепт причины является важнейшим для анализа ненасилия. Когда бы ни происходило убийство — от убийства человека до геноцида и атомного взрыва, — необходимо понять причины и последствия, каковыми бы сложными и взаимосвязанными они ни были. Каждый случай убийства требует объяснения. Мы должны знать: кто убивает, кого, как, где, когда, почему и что этому предшествовало, какое значение имело для индивидов и общества и к каким последствиям привело. И, конечно же, необходимо вывести какие-то закономерности похожих случаев, чтобы подвергнуть их интенсивному, сжатому логическому анализу и объяснению.

Также точно нам необходимо понять причины, по которым делается выбор в пользу ненасилия. Почему люди не убивают? Откуда возникла идея ненасилия в нашей жизни? Почему люди выбрали жизнь, основанную на принципах ненасилия? Почему некоторые представители человечества на протяжении всей истории, несмотря на насмешки, ссылки, лишения, тюремное заключение, пытки, избиения и угрозу расправы вплоть до убийства одного и многих, не изменяли этим принципам? Почему они изобретали средства, чтобы добиться своей цели, не применяя насилия?

Далее, каковы причины перехода, как коллективного, так и индивидуального, от убийства к отказу от него и наоборот? Почему убийцы, принимавшие убийство человека как должное, вдруг отказываются это делать? Почему солдаты становятся пацифистами, революционеры отрицают убийство, а убийцы порицают насилие? Почему отдельные люди, организации и институты переходят к ненасилию? И почему люди, ранее исповедовавшие ненасилие, встают на сторону

кровопролития — как происходит и с государствами, когда они восстанавливают смертную казнь? Анализ ненасилия не строится как простая линейная прогрессия. Понимание частотности, величины и причин колебаний в переходе к ненасилию необходимо для подготовки перемен и отказа от убийства. Анализ индивидуальных случаев позволит сделать обобщения для целого общества.

Четвертое условие для анализа политики ненасилия — понимать основные черты обществ, совершенно свободных от насилия, осознавая при этом, что разновидностей этих черт может быть бесчисленное множество. Принимая во внимание тягу человечества к творчеству, нельзя ручаться за то, что эти общества будут совершенно одинаковыми. Четвертое условие требует наибольшей изобретательности в подходе; в то время как первые три требуют оценки исторических или современных контекстов, четвертое использует полученные знания для изучения этически приемлемых, потенциально достижимых и иногда планируемых условий индивидуального, социального и глобального существования. Для выполнения этого условия необходимо, как сказал Уолт Уитмен, «Вдаль заглянуть, чтоб ближе стать» (Whitman 1977 (1855): 71).

Считается, что ни одно общество, которое в прошлом принимало насилие, еще не продемонстрировало «полный набор» всех качеств ненасилия, на какие способно человечество. Но если обобщить весь исторический и современный опыт и «собрать» воедино все разрозненные черты, можно увидеть возможности жизни без насилия для любого общества. Более того, такие реальные черты необходимо развивать в теоретическом плане, чтобы вывести желаемые свойства и черты общества без убийства.

До сей поры, в отличие от наук, которые развивают теорию с тем, чтобы применить ее на практике (такие как математика, физика и экономика), политология была не очень щедра на чистое теоретизирование, особенно когда речь шла о насилии. Политология, принимающая насилие, не поощряет размышления о ненасилии; она отвергает эти размышления как «утопические», «идеалистические» и «нереалистические» и поэтому обречена на насилие. Размышления о ненасилии обещают освобождение от этой обреченности.

Основные знания, полученные с помощью анализа с позиций ненасилия, должны быть применены так, чтобы создать альтернативы пяти зонам насилия, которые можно представить в форме «лежащей» воронки.

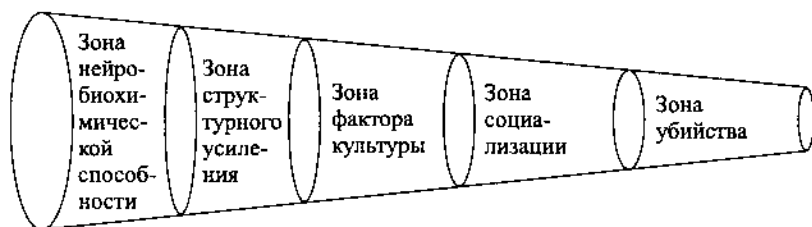

Рис. 1. Воронка убийства.

Зона убийства — это кровопролитие — от убийства человека до массового уничтожения.

Зона социализации — это влияние, попав под которое, люди учатся убивать, проходя подготовку к этому непосредственно или же косвенно, наблюдая, как это делают другие.

Зона фактора культуры — это когда нас учат, что убийство неизбежно и законно. Среди источников такого внушения — некоторые религии, политические движения, воспевание побед и жестокости, семейные традиции, закон, средства массовой информации и искусства.

Зона структурного усиления — социоэкономические отношения, институты и материальные средства, которые предрасполагают к убийству и поддерживают его.

Зона нейро-биохимической способности — физические, неврологические факторы, а также процессы головного мозга, которые «отвечают» за человеческую способность убивать из хищнического инстинкта или в целях выживания, а также за способность выбирать ненасилие (Lopez-Reyes 1998; Morton 2000).

Задачу перехода к ненасилию можно представить как задачу превращения воронки насилия в раскрывающийся веер ненасильственных альтернатив с помощью направленных усилий в каждой зоне (рис. 2). Такие изменения могут варьироваться от духовных влияний и опасных вмешательств с помощью высоких технологий в зоне убийства посредством социального и культурного ненасильственного влияния до перестройки социоэкономических условий с тем, чтобы для поддержания этих условий не требовалось убийство, и до клинических, фармакологических, физических и других вмешательств, которые освобождают от биологической способности убивать.

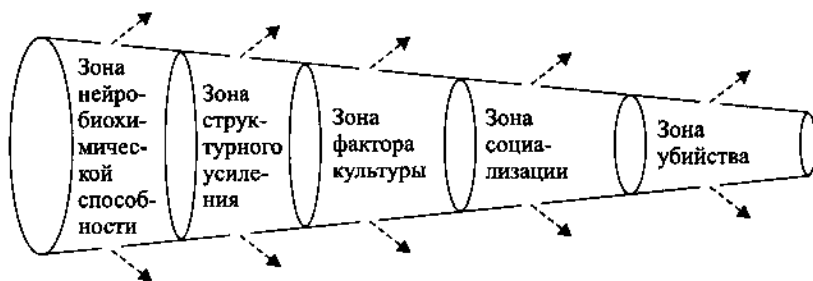

Рис. 2. Раскрывающийся веер альтернатив убийству.

Принципы ненасильственного действия

В дополнение к поиску знаний, необходимых для логического анализа политики ненасилия в целях создания ненасильственных альтернатив в зонах, предшествующих зоне убийства, парадигма ненасилия требует также выработки принципов, которые помогали бы принятию решений отдельными людьми и обществом в ежедневной жизни и мировой политике. Этого можно достичь с помощью подхода экспериментальной оценки, который совмещает практический опыт и экспериментальное моделирование. Компьютерные тренажеры для военных, создающие «виртуальную реальность», находятся на очень высоком уровне и могли бы быть использованы для этих целей.

Среди принципов ненасилия, которые появились в XX в. в учениях и действиях таких выдающихся людей, как Ганди и М. Л. Кинг, есть следующие:

Черпай силу из источника уважения жизни, религиозного или гуманистического.

Уважай свою собственную жизнь и жизнь других.

Стремись к благополучию всех. Насилие разобщает; ненасилие объединяет.

В конфликте, от начала до конца, ищи примирения, а не унижения, деградации, или уничтожения.

Присоединяйся к тем, кто борется за смягчение страданий страждущих.

Применяй творческий подход. Для достижения современных способов и средств насилия потребовалось применить много

творческих усилий. Для перехода общества к ненасилию требуется еще большие усилия.

Применяй экспериментальный подход к переменам. Ищи оптимальный вариант общества ненасилия, учись на успехах и неудачах.

Уважай и индивидуальный пример, и широкомасштабное социальное действие за ненасилие.

Наберись мужества. Не поддерживай насилие, направь усилия на поддержку ненасильственных инициатив.

Ступай по земле легко. Не вреди природе и щади своих ближних, чтобы уменьшить факторы, порождающие насилие.

Каждый, кто участвует в движении за ненасилие, может внести свой вклад в совершенствование тех принципов борьбы за создание общества без убийства во всем мире, которые наиболее эффективны в определенной ситуации и контексте.

Что касается современной политологии, то признание возможности создания общества без убийства ставит вопросы перед каждым аспектом нашей дисциплины. Считая убийство неизбежным и законным, политологи, как и другие члены нашего общества, различают следующие категории людей: *сторонники насилия* — те, кто считает убийство благим делом для себя и цивилизации; *склонные к насилию* — те, кто может убить или поддерживать убийство, когда это выгодно; *занимающие среднюю позицию* — могут убить и воздержаться от убийства, поддержать его или восстать против него; *избегающие насилия* — предпочитают не убивать, но готовы сделать это в случае необходимости; *сторонники ненасилия* — отказывающиеся от убийства в любой форме и готовые изменить условия, ведущие к насилию. Первые четыре категории людей принимают политику насилия, а последняя желает создать новую политику отказа от убийства, задачей которой — способствовать переходу общества и науки к ненасилию.

Говоря, что современная политология принимает насилие, я не имею в виду, что все политологи призывают своих студентов убивать, словно армейские сержанты и офицеры на учениях. Нельзя также сбрасывать со счетов действия в пользу ненасилия тех политологов, которые хотели бы заменить военное решение конфликтов демократическими институтами (состязаниями партий, выборами и соответствующим законодательством). Однако признание общего характера политологии как науки, принимающей насилие, а также признание

возможности существования ненасильственных альтернатив обещает продвижение вперед как в этическом, так и в эмпирическом плане. Это означает, что отказ от убийства должен стоять в ряду таких основополагающих для политологии вопросов, как свобода, равенство, справедливость и демократия.

Ненасильственная научная революция

Признание возможности создания общества без убийства означает, что в политологии должна произойти ненасильственная научная революция. Точнее, необходимы семь связанных друг с другом «суб-революций»: *нормативная* — от признания убийства к его отрицанию; *информативная* — для идентификации фактов, необходимых для создания общества ненасилия; *теоретическая* — для понимания причин и процессов изменения в сторону ненасилия; *образовательная* — для предоставления знаний в области ненасильственной трансформации; *практическая* — для применения этих знаний на практике; *институциональная* — для создания и перестройки институтов и организаций, призванных помогать ненасильственной трансформации; и *методологическая* революция — для выработки методов анализа и действий, наиболее приемлемых для задачи трансформации.

Нормативная революция. Нормативный сдвиг должен произойти от императива убийства к императиву отказа от убийства. Одним из путей осуществления этого сдвига является процесс накопления этических и эмпирических открытий. «Этическая» прогрессия должна выглядеть так: убийство — этический императив, убийство — сомнительный императив, отказ от убийства теоретически возможен, отказ от убийства — норма. Параллельная эмпирическая прогрессия должна быть такой: общества без убийства невозможны, общества без убийства теоретически возможны, характеристики обществ без убийства можно исследовать, необходимо искать пути создания и поддержки обществ без убийства в мире.

Посредством таких взаимозависимых процессов этического запроса и эмпирического ответа — и эмпирического запроса и этического ответа — непреодолимый барьер, поставленный Вебером между принципами ненасилия и политикой насилия, может быть преодолен.

Таким способом бескомпромиссное уважение к жизни может быть добавлено к «бескомпромиссной приверженности правилам очевидного и умозаключений» (Almond 1996: 89) как общая этическая база современной академической политологии.

Рис. 3. Процесс сдвига к нормативно-эмпирической парадигме отказа от убийства.

Информативная революция. С этой точки зрения сдвиг к ненасилию означает поиск свидетельств способности человека выбирать ненасилие, которые игнорируются или преуменьшаются философией, принимающей насилие. Такие свидетельства или факты могут быть предоставлены неврологией или высокими технологиями. Особый интерес представляют проявления ненасилия во времена бурных и в целом полных насилия исторических эпох. Например, в Греции в 399 г. до н.э. 140 из 500 сенаторов в Афинах проголосовало против того, чтобы приговорить к смертной казни Сократа (Stone 1898: 187). В Японии в буддистский период (794–1192) «смертную казнь не применяли около 350 лет» (Nakamura 1967: 145). В США 4 и 6 апреля 1917 г. шесть сенаторов⁸ и пятьдесят членов палаты представителей⁹ проголосовали против объявления войны Германии. В России 23 октября 1917 г. официально по крайней мере двое, а возможно, пять или шесть большевиков Центрального Комитета партии были против ленинской политики вооруженного восстания (Shub 1976: 271). В США в конце июля 1945 г., накануне ядерных атак на Хиросиму и Нагасаки, 19 из 150 участников Манхэттенского проекта проголосовали против любого военного использования оружия, которое они помогли создать (Giovannitti and Freed 1965: 168; Alperovitz 1995). В 1996 г. штаб Морской Пехоты Соединенных Штатов стал «исполнительным агентом», координирующим всю деятельность Департамента Обороны и других правительственных органов по исследованиям, разработке и приобретению оружия, применение которого не приводит к летальному исходу (Lewer and Schofield 1997: 45). Этот факт можно считать предтечей сдвига к ненасильственному типу мышления, хотя подобное оружие

применяется сейчас как «приложение» к технологиям убийства и все же может искалечить или даже убить.

Информативная революция ставит своей целью обнаружить настоящие и прошлые свидетельства присутствия политики ненасилия в каждом обществе.

Теоретическая революция. Цель данной революции — создать нормативные и эмпирические теории, содержащие посылки, необходимые для логического анализа ненасилия, которые будут служить основой индивидуальных решений, действий гражданского общества и государственной политики. Например, соединение трех источников теоретического озарения — принципиального, прагматического и процессуального — может помочь проникнуть в суть трансформационного потенциала политической силы отказа от убийства. Первый источник — обычно недооцениваемый постулат Ганди о важности силы самоуважения у человека, находящегося в поисках истины, как это изложено, например, в книге Ганди «Наука Сатъягары» (1970). Для Ганди присутствующая во всех религиях живая вера в Бога, определяемого им как правда, любовь и ненасилие, — это непобедимый источник власти ненасилия. Дух и реальность ненасилия — основной закон человеческой жизни; насилие — нарушение этого закона.

Второй источник — теория власти ненасилия в том виде, в каком она изложена в работе Джин Шарп «Политика ненасильственного действия» («The Politics of Nonviolent Action» (1973)). Взяв за основу глубокий анализ всегда зависимой от чего-то политической власти, Шарп демонстрирует целый ряд имевших место в истории случаев ненасильственной борьбы и исследует динамику ненасильственной политической трансформации. Основная мысль Шарп состоит в том, что ненасильственное политическое действие само по себе сильно настолько, что для того, чтобы посвятить ему себя, обязательно а priori иметь какие-либо духовные, религиозные или пацифистские убеждения.

Третий источник теоретического озарения — *теория о невыполнении основных нужд* Джона Бертона, анализирующего источники насилия и считающего удовлетворение основных человеческих нужд предпосылкой ненасильственной трансформации (1979).

Бертон считает, что все формы насилия от убийства людей до войны происходят оттого, что людей лишают самого необходимого, прежде всего — признания их самобытности и достоинства. И у приносящих насилие, и у его жертв одни и те же нужды. При условии

нарушения прав на удовлетворение этих нужд ни призыв к каким-то ценностям, ни сдерживающий контроль не могут помешать насилию. Однако возможность решения проблем всех тех, чьи базовые права нарушаются, может подготовить почву для создания ненасильственных обществ и мира без насилия.

Эти три компонента — духовная сила, практическая действительность и постепенное решение проблем общества — могут стать основными элементами теории ненасилия, которая может быть затем согласована с определенными местными и глобальными условиями — историческими, классовыми, экономическими, гендерными, расовыми, этническими, религиозными, культурными, связанными с окружающей средой и т. д.

Интересные и важные предложения относительно творческого подхода к такому согласованию можно найти в ряде работ (R. J. Burrowes 1996; B. A. Carroll 1998; J. Galtung 1996; B. Martin 1989; K. McGuinness 1993).

Практическая революция. Все три сдвига, взятые вместе — нормативный, информативный и теоретический, требуют новаторского практического применения. Нормативный сдвиг предполагает конструктивную поддержку ненасильственного мышления, отдельных людей, организаций, движений, политики и институтов. Теория Джин Шарп предполагает открытую поддержку ненасильственных движений внутри режимов, основанных на насилии, и может быть применима к изменению некоторых негибких демократических систем. Теория Бертона видит роль политологии в том, чтобы помогать решению социальных и политических проблем ненасильственным путем. Теория Ганди, вобрав в себя этику, методы и отзывчивость на нужды людей, открыто поддерживает изменения, происходящие в структуре политического, экономического, социального и культурного насилия. Здесь можно вспомнить, что лидеры, исповедовавшие духовные принципы ненасилия, такие как Ганди и Кинг, всегда стояли за ненасильственные структурные изменения.

Основная задача «прикладной» политологии ненасилия — помогать местной и глобальной трансформации общества к ненасилию, опираясь на логику анализа теории ненасилия и выполняя конкретные задачи превращения воронки насилия в веер ненасильственных альтернатив. Тот факт, что убийства и массовое уничтожение отдельных людей продолжают при современных условиях «демократической политики» и «свободного рынка», свидетельствует, что эти фе-

номены не являются гарантами благополучия человечества. Вкупе с «недемократической политикой» и «несвободным рынком» они представляют собой препятствие, которое необходимо будет преодолеть прикладной политической науке ненасилия.

Образовательная революция. Переход к политологии ненасилия требует изменений в профессиональной подготовке политологов и перемен в системе образования в целом. Вместо того, чтобы фиксировать и подтверждать традиции убийства, явно или скрыто, обучение политологии должно вносить значительный вклад в изменение мира к ненасилию. Конкретной задачей должно стать воспитание лидеров и граждан будущего общества неприятия убийства. Необходимо создать базу для исследований, преподавания, консультирования, гражданского действия и критического размышления посредством поиска и распространения знаний о ненасилии.

Обучение науке ненасилия потребует от участников процесса обучения глубочайших знаний, подобных тем, какими владеют психиатры и психологи. Нам необходимо понять происхождение и следствия наших собственных убеждений, эмоций и отношений к насилию и ненасилию. Понимание самих себя -- обязательное условие ненасильственных социальных изменений. Вполне уместной будет подготовка к научным способам медитации; необходимо создать условия для того, чтобы можно было делиться опытом профессионального роста, политологи ненасилия должны все время стремиться к профессиональному совершенствованию, поддерживая друг друга в своем убеждении в необходимости уважать жизнь, какими бы разными они ни были в других аспектах. К этому же должны стремиться и другие члены общества.

Готовясь стать консультантами и наставниками, политологи ненасилия должны обладать такими же навыками, какими обладают ученые-медики, врачи и их учителя, как и другие специалисты, от профессионализма которых зависит жизнь или смерть. Вклад политологов в создание общества ненасилия должен быть не меньше, чем вклад медицинских работников в дело здоровья человека и общества. Представители обеих профессий понимают важность правильного диагноза, предписаний и лечения, основанного на самых передовых знаниях.

В то же время каждый член общества может содействовать трансформации общества к ненасилию. Образовательная задача политологии ненасилия -- предложить каждому участнику обучения на любом уровне возможности для индивидуального развития и приобретения

навыков, которые будут помогать на долгом пути лидера и гражданина общества неприятия убийства. Все учат, все учатся.

В образовательном процессе программа строится в соответствии с требованиями анализа ненасилия, необходимостью приобретения навыков преобразования способности убивать в ненасильственные альтернативы и потребностью усовершенствования принципов, лежащих в основе индивидуальных действий и действий общества.

Вводный курс или семинар должен знакомить слушателей с самыми отвратительными свидетельствами исторической и современной способности людей убивать. Затем формулируется задача: наша дисциплина должна внести свой вклад в прекращение этих ужасных явлений — положить конец убийству. Следующий курс должен так же ярко представить свидетельства случаев ненасильственного выбора в истории и современности. Третий курс содержит знания о переходе от насилия к ненасилию и наоборот отдельных личностей и целых обществ. Четвертый цикл рассказывает о человеческой изобретательности в создании политических институтов, необходимых для изменения общества, в формулировке характеристик будущего общества ненасилия и способов, с помощью которых политология может помочь созданию такого общества. В каждом курсе излагаются нужды и проблемы как местного, так и мирового уровня.

Именно на таком фундаменте строятся новаторские приемы в преподавании ненасилия. Курс по политическим альтернативам насилию для выпускников может выглядеть так: каждый участник выбирает любой аспект насилия; делает обзор литературы о природе этого вида насилия и его причинах; консультируется с людьми, которые непосредственно сталкиваются с таким насилием, и узнает их мнение относительно частотности, тенденций, причин и альтернатив; делится собранными данными с сокурсниками; и наконец добивается консенсуса в выработке решения проблемы во время обсуждения в группе.

Методологическая революция. Методологический сдвиг в сторону ненасилия требует новых подходов к исследованию, образованию, политической практике и построению институтов. Необходимо адаптировать старые методы к поиску ненасильственных альтернатив, внедрить новые методы там, где это нужно, и опознать другие дисциплины, как, например, неврологию, применять свои методы для решения проблем перехода к обществу отказа от насилия. Самой важной для исследования является зона убийства.

Политическая наука ненасилия может использовать все расширяю-

щийся репертуар научных методов: философский, исторический, институциональный и юридический анализ; интервью; наблюдение изнутри; социологическое исследование; сравнительный анализ; текстуальную интерпретацию; теорию игр; анализ общественного выбора; статистический анализ; составление обзоров; лабораторные и полевые эксперименты; моделирование на компьютере и испытуемых; а также различные комбинации вышеперечисленного. Методы образования могут быть от традиционных лекций, обсуждения прочитанного и практических занятий и стажировки до самостоятельного исследования с помощью компьютера. Приобретенные знания могут быть использованы в выработке законов конституции, в разрешении конфликтов, консультировании организаций, выборных кампаний, оценке средств массовой информации; консультациях по вопросам безопасности и непосредственном участии лидеров или граждан в процессе принятия решений. Вопрос, который необходимо задать для успешного осуществления методологической революции, таков: «Как могут старые и новые методы наилучшим образом повлиять на искоренение убийства в истории человечества?».

Институциональная революция. Институционально сдвиг в сторону ненасилия требует ответов на вопросы о том, как должна быть организована политология как дисциплина, какие дисциплины должны быть ей «подчинены» и каковы должны быть ее отношения с другими дисциплинами и институтами общества. Необходимо также поднимать вопросы с позиций ненасилия внутри уже существующих структур дисциплины с глобальной, национальной и местной точек зрения. Нужно также открывать новые отделения политологии ненасилия в новых институтах или даже создать междисциплинарную, или «гибридную», профессию для решения проблем общества.

В ее современном виде глобальная политическая наука ненасилия представлена Международной Ассоциацией политологии (МАП), основанной в 1949 г. 42 национальных ассоциации политологов с общим количеством членов 35 689 человек представлены в исполнительном комитете МАП (Приложение А). Разносторонние интересы членов Ассоциации находят применение в 18 основных направлениях деятельности, 38 исследовательских комитетах и 12 исследовательских группах (Приложение Б). К этому могут быть добавлены политологи в странах, не представленных в Ассоциации, а также большое количество студентов, обучаемых политологами во всем мире.

«Новый справочник по политологии», составленный 42 авторами,

появился благодаря проекту МАП, целью которого был обзор современного состояния дисциплины (*A New Handbook of Political Science*. Goodin and Klingemann, eds., 1996). В справочнике делается обзор восьми субдисциплин, получивших развитие за последние два десятилетия: политические институты (рациональный выбор, юридические перспективы), политическое поведение (избиратели и многопартийные системы, институциональные и эмпирические подходы), сравнительная политика (макроповеденческие перспективы, изучение процессов демократизации), международные отношения (неореализм и неолиберализм, постпозитивистские и феминистские перспективы), политическая теория (философские традиции, эмпирическая теория), государственная политика и администрация (сравнительный политический анализ, идеи, интересы и институты), политическая экономия (социологические перспективы) и политическая методология (количественные методы, построение исследований и экспериментальные методы). В предисловии к справочнику президент МАП написал: «Эта книга, как никакая другая, дает прекрасное представление о политологии на заре нового века» (xii).

Однако, несмотря на все преимущества, новый справочник демонстрирует необходимость трансформации дисциплины к ненасилию. Например, в предметном указателе нет понятий «насилие» или «ненасилие», также как нет понятий «убийство человека», «геноцид», «смертная казнь», «военный», «терроризм» или «полиция». Есть 60 упоминаний слова «война» и 8 — «мир». В указателе имен есть «Ленин» и «Гитлер», но нет «Ганди» и «Кинг». Имя и работы ведущего политолога, специалиста по теории и практике ненасильственной политической борьбы Джина Шарпа (G. Sharp 1973) вообще не упоминаются. Нет в справочнике и имени основоположника теории ненасильственного разрешения конфликтов Джона Бертона (J. Burton 1979, 1984). Недостаточно освещаются работы пионера по изучению ненасилия в мире Йохана Галтунга (J. Galtung 1996).

Самая старая и многочисленная организация — член МАП — это Американская Ассоциация политологов (13 300 членов), основанная в 1903 г. Члены ассоциации ведут исследования в 8 областях, по 96 направлениям; в ассоциации существует 31 секция «по интересам» (Приложение В). Направление интересов в обеих ассоциациях обычно совпадает.

Американских политологов интересуют: американское правительство и политика, сравнительная политика, международная политика, методология, политическая философия и теория, юриспруденция

и суды, государственная политика и администрация. Хотя есть специальные секции «Конфликты» и «Международная безопасность и контроль за вооружениями», в ассоциации нет специального органа, который сосредоточил бы свою деятельность на логике политического анализа ненасилия и ненасилии как действию. Например, нет специальных секций «насилие», «ненасилие», и даже секции «мир» (ср. Международная Исследовательская Ассоциация Мира). Получается, что обусловленное культурой представление о том, что демократия, которая вышла из насилия и которую нужно защищать, является самым важным гарантом прогресса цивилизации, ставит препятствия на пути конкретного исследования ненасильственных альтернатив.

Сдвиг к ненасилию требует поднимать проблемы и задавать вопросы во всех областях политической науки, представленной в американской и международной ассоциациях. «Что вы можете сказать о возможности возникновения общества без убийства и ненасильственных способах их реализации?» Это означает, что необходимо опираться на уже достигнутые результаты и внедрять новое, что можно продемонстрировать, задавая вопросы ученым четырех «традиционных» областей изучения американской политологии — политической философии и теории, американского правительства и политики, сравнительной политики и международных отношений.

Политическая философия и теория

В политической философии и теории сдвиг к ненасилию означает изучение наследия политической мысли во всех культурах для поиска примеров ненасильственных решений, и ввод нового творческого ненасильственного подхода. Например, в «Республике» Платона Денис Далтон находит этический идеал «Не навреди», к которому должны стремиться философы и политики, несмотря на то, что Платон принимал войну, смертную казнь и военную культуру. Этот идеал нашел отражение в изречении Плутарха: «Тот, кто прибегает к кинжалу, не может считаться хорошим врачом или государственным деятелем; как первому, так и второму не хватает мастерства; а в случае с политиком это означает еще и несправедливость и жестокость» (Plutarch 10: 249). Можно сравнить с этим изречением высказывание китайского философа Мэн-Цзы (371–289 гг. до н. э.): «Тот, кто используя силу, строит из себя добродетельного, есть тиран (Pa)... Тот, кто используя добродетель, делает добро, есть царь (wang)» (Fung 1952: 112). Достоинно внимания в этом плане забытое учение Мо Цзы (468–376 гг.

до п. э.), китайского философа, проповедника «всеобщей любви», противника войны и угнетения (Fung 1952: 76-105).

Классические тексты, в целом поддерживающие идею насилия, могут быть интерпретированы так, чтобы изъять философию насилия и «высветить» примеры отказа от насилия. Примерами могут служить следующие работы: новая интерпретация «Государя» Макиавелли — «Правитель-миротворец» Чайват Сата-Ананда (Chaiwat Satha-Anand 1981), и новая трактовка Берроуса произведения Клаузевица «О войне» (Burrowes 1996), из которого Берроус вывел принципы ненасильственной стратегии защиты. Обе эти работы напоминают о том, как Ганди сформулировал принципы ненасилия из совета, данного Кришной герою Арджуну в классическом индийском эпосе «Бхагаватгите» (Gandhi 1971).

Классика прошлого, принимавшая насилие, — интересная область для творчества. Платон в свое время предлагал создать республику, управляемую добродетельными военными мужами; в наше время можно мечтать о республике, где не принимается насилие, управляемой мужественными лидерами и гражданами, посвятившими свою жизнь принципам ненасилия. Аристотель предлагал «проект» конституций для управления государством во время войны; мы можем предложить конституцию, закладывающую фундамент ненасильственного общества. Макиавелли советовал, что делать для господства насилия; сейчас можно попытаться выработать стратегию и тактику ненасильственной политической власти. Гоббс предлагал создать чудовищное государство, мир в котором достигался бы монополией насилия; сейчас можно исследовать новые способы управления, отвечающие человеческим нуждам и не использующие для этого убийство. Локк видел в кровавой революции средство освобождения от деспотического режима; мы можем наблюдать стратегию и тактику мирного демократического освобождения. Маркс и Энгельс считали насилие необходимым элементом классовой борьбы; мы можем представлять себе ненасильственную борьбу на осуществление вековых чаяний народа об экономической справедливости. Руссо считал необходимым существование общественного контракта, основанного на насилии, применении против его нарушителей; и пусть современные политики продолжают говорить о подобных «контрактах» и «условиях», мы можем начать исследовать приверженность ненасилию и благополучию для всех в обществах без убийства. Если Кант (1795/1959) считал, что «вечный мир» может наступить, если твердо придерживаться категорического императива не воевать, мы можем наблюдать эле-

менты, необходимые для превращения императива ненасилия во всемирную реальность. Американская политическая традиция завещала нам декларацию независимости, завоеванной насилием и конституцию, утверждающую насилие; сейчас возможно составить ненасильственную декларацию независимости от социального насилия и новую мирную конституцию. Вебер считал политику занятием, которое подразумевает приятие насилия; мы же можем смотреть на политику и политологию как на занятия, которые подразумевают возможность избавления от насилия (Arendt 1970; Muller and Semelin 1995; Steger and Lind 1999).

Сдвиг к ненасилию означает критическое внедрение учения Ганди в философию. Отсутствие этого учения в поле зрения философов сродни непризнанию Ганди достойным Нобелевской премии мира в мире, утверждающем насилие. Для этого есть все предпосылки и ресурсы, включая индийских интерпретаторов учения с идеологической и предметной перспектив, а также продолжателей учения — неиндийцев (Dhawan 1957; Dange et al. 1977; Iyer 1973; Parekh 1989a, 1989b; Bodurant 1969; Dalton 1993; Galtung 1992; Sharp 1979; Steger 2000).

Возможности творческого развития теории неприятия убийства представлены в деятельности многих приверженцев ненасильственных инициатив, в прошлом и настоящем, практически во всех культурах. Обзор такой деятельности с 550 г. до н. э. можно найти в книге Артура и Лилы Вайнбергов (Arthur and Lila Weinberg 1963). Религиозные основы такой деятельности описаны в работе Унитанна и Йогендры Сингх (Unnithan and Yogendra Singh 1973). Уилл Моррисей представляет исключительно эрудированный обзор пацифизма со времен античности (Will Morrisey 1996). По мере того, как исследования учений о ненасилии ширится во всем мире, можно ожидать удивительных открытий. Таково, например, определение политики с ненасильственной точки зрения, данное корейским политическим философом Хуангом Йанг Йоном во время интервью, взятого 3 декабря 1987 г. в Пхеньяне: «Политика означает гармонизацию всех интересов всех членов общества на основе любви и равенства».

И он сам, и интервьюер были знакомы с выдающимися исследованиями социолога Сорокина (Sorokin 1948; 1954), автора теории о «созидательном альтруизме», которая может быть объединена с теорией Арендта о совместном принятии решения и действии (Arendt 1970) и с теорией Бертонна об удовлетворении основных человеческих нужд (Burton 1979). Все это может стать первыми ростками политической теории ненасилия.

Исследования форм правления

В целостных исследованиях политического устройства общества и его компонентов, от деревень до городов-государств и транснациональных объединений, как, например, исследованиях государственного и политического устройства Америки, логика анализа ненасилия ставит вопросы, которые необходимо ставить, чтобы преодолеть то, что футуролог Харольд Линстоун назвал «неизбежной предпосылкой» условности, общеприятного мнения.

Внутри цитадели патриотизма убийство в политических целях остается непререкаемой истиной. Если нельзя задать вопросы «внутри» структуры управления, задавать их должны политологи, стоящие над структурой.

Подход с позиций ненасилия требует постановки нескольких вопросов. Во-первых, каков вклад убийства в формирование и поддержание каждой политической системы? До какой степени представление о той или иной системе правления зависит от истории «славной» гибели людей? Какой вид убийства — осуществляемый государственной машиной или другими структурами — преобладает и каковы дальнейшие перспективы? Как втягивают граждан в участие в убийстве и поддержку его — законного и незаконного, направленного за или против правительства, в своей стране или за рубежом? Какой вклад в приятие убийства вносят политические, экономические, социальные и культурные идеи, явления и структуры? Какое влияние убийство оказывает на способность системы управления следовать другим ценностям и идеям, таким, как, например, свобода и равенство?

Во-вторых, каковы исторические корни идей, действий, политики и институтов неприятия убийства в обществе? Каковы их настоящие проявления и перспективы на будущее? Какова история ненасильственного сопротивления насильственной политической власти? Какова история конструктивных действий, направленных на создание общества ненасилия?

В-третьих, необходимо собрать данные относительно количества переходов от насилия к ненасилию и наоборот. Какие известные личности, группы и организации участвовали в таких переходах? Становились ли солдаты пацифистами? Становились ли убийцы противниками насилия? Совершили ли приверженцы революционного насилия переход к мирным методам социальной борьбы? Отказывались ли религиозные деятели благословлять убийство? Переходили ли общественные деятели от приятия к неприятию убийства?

Какие перемены произошли в типах преступлений, за которые смертная казнь была применена, отменена и снова восстановлена? Была ли разоружена или снова вооружена полиция и обычные граждане? Имели ли место случаи действительно мирного соглашения между ранее непримиримыми врагами, за которыми, возможно, последовали новые взрывы насилия? Была ли изменена структура экономики хотя бы частично, чтобы удовлетворять мирные нужды отдельных людей и общества?

В четвертых, каковы исторические и современные элементы внутренней структуры правления — политические, социальные, экономические и культурные, которые, если их объединить и применить в переходных процессах к обществу ненасилия, могли бы создать желаемые условия жизни в таком обществе? Какие перемены в религии, идеологиях, законодательствах, институтах, политике, социоэкономических структурах, образовании, коммуникациях, искусстве и отношениях внутри машины управления могли бы внести вклад в строительство общества ненасилия *в этом контексте*? Какие условия лучше всего способствовали бы продвижению таких ценностей как свобода, равенство, материальное благосостояние и безопасность без необходимости прибегать к насилию?

Сравнительная политология

Сдвиг к ненасилию требует поставить вопрос о способности человека выбирать ненасилие в самый центр исследований сравнительной политики. Какие выводы можно будет сделать, сравнив идеи, институты, структуры, процессы и политику, имеющую отношение к отмене угрозы применения силы или к применению насилия правительствами и гражданами? Сравнительные исследования, руководствуясь логикой анализа ненасилия и поиском эффективных переходных действий, ставят целью поиск альтернатив за пределами одного государства.

Различные общества можно сравнивать и классифицировать в зависимости от склонности к убийству или неприятию убийства, подобно тому, как это делалось для демократических институтов, прав человека, статуса женщин, благополучия детей и уровня экономического развития. Среди «мерил» насилия могут быть убийства специальными агентами и врагами государства, уголовные убийства и самоубийства, убийства граждан других государств, профессиональная подготовка профессиональных убийц, технические средства для

убийства и материальные показатели политической экономии убийства. Можно делать параллельный анализ характеристик ненасилия в одной отдельно взятой системе управления. Хорошим вкладом в глобальную политологию ненасилия могут быть периодические сравнения тех стран, где принимают убийство, и тех, где не принимают. Отчеты о повышающемся или понижающемся количестве убийств, а также росте или падении возможностей трансформации к ненасилию должны быть так же важны и регулярны, как информация с мировых биржевых рынков и спортивных соревнований.

Сравнения государств друг с другом, а также сравнительный анализ компонентов общества внутри государственной структуры при подобных или похожих условиях необходимы, чтобы облегчить понимание причин и процессов перехода к ненасильственному обществу. К таким компонентам относятся: потенциал насилия и ненасилия в религии, идеологии, искусстве, партиях, гендерных и возрастных группах, у слоев населения с определенным уровнем образования, у различных классов, этнических групп, профессий, на предприятиях, в университетах.

Сравнительный анализ необходим для подкрепления тезиса современной политологии о том, что демократические государства в сравнении с авторитарными режимами не воюют друг с другом и убивают меньше собственных граждан. Применение убийства либеральными демократами внутри своих стран и за рубежом, будь это президентские республики или парламентские, а также проявления культуры насилия в этих государствах повышают важность сравнительных исследований для поисков ненасильственных культурных и структурных альтернатив. Например, сравнительное исследование двух близлежащих мексиканских деревень (гл. 2), с низким и высоким уровнем насилия, но с равными социальноэкономическими условиями, обнаружило, что культурно обусловленное представление о самих себе может быть дифференцирующей характеристикой. Жители деревни с высоким уровнем насилия считали себя агрессивными и принимали это; жители деревни с низким уровнем насилия считали себя мирными и гордились этим (Fry 1994). Сравнительный анализ игр детей в двух деревнях Индонезии, с низким и высоким уровнем насилия соответственно, показал, что культура, где насилие принимается, поощряет игры, воспроизводящие противостояние людей и схватки животных. Культура с более низким уровнем насилия поощряла безобидные занятия — такие как катание на лианах и мирное подражание жизни людей и животных (Royce 1980). Подобные выводы могут помочь лучше

понять культурные корреляты таких контактных и полных насилия видов спорта, как бокс, хоккей, борьба и американский футбол.

Международная политика

Сдвиг к ненасилию означает повышение внимания одновременно и ко всему циклу проблем, и к отдельным проблемам в области международной политики, международных отношений или мировой политики. С одной стороны, компоненты глобальной системы управления (как государственного, так и негосударственного), их взаимоотношения и решения проблем рассматриваются как единое целое. Это не означает, что не принимается во внимание история или контекст. История — это история человечества, а контекст — схема взаимозависимых влияний в местных условиях и условиях всего мира.

С другой стороны, признаваемая нами возможность создания глобального общества ненасилия требует внимания к каждому человеку, живущему на этой земле. Основная единица политического анализа ненасилия — индивид, человеческое существо. Организации, структуры, процессы — продукт поведения группы индивидов. Мировая политика — это политика индивидов, проживающих в мире. Глобальное общество ненасилия зависит от людей, которые не убивают. Если мы не хотим, чтобы кто-то был убит или убивал, мы должны принимать во внимание интересы всех людей.

Из этого следует, что логику анализа ненасилия необходимо приносить ко всему человечеству. Это означает, что при изучении насилия политологии необходимо изучать и насилие со стороны государства, и насилие, направленное против государства, и войну — все виды насилия внутри общества и между государствами, а затем обобщать их на мировом уровне для объяснения причин их появления. При изучении ненасилия, необходимо идентифицировать силы ненасилия внутри политических систем и за их пределами. Для исследования возможности ненасильственной трансформации необходимо понять процессы взаимодействия между силами убийства и ненасилия в глобальном контексте.

Для всестороннего понимания практических, возможных и желаемых черт глобального общества неприятия убийства, необходим анализ прошлых и современных проявлений ненасилия, при этом нужно теоретически допускать бесчисленное количество вариантов внутри общества ненасилия. На уровне отдельных людей это означает понимать способности индивида к насилию и ненасилию, динамику нена-

сильственной трансформации, и характеристики социальных контекстов, способствующих проявлению потенциала ненасилия каждого человека.

На практике, в стремлении превратить воронку убийства в всерпенасилия, глобальная перспектива означает поиск таких способов вмешательства в зону убийства, которые могли бы подавить применение насилия. Это означает вносить вклад в подготовку лидеров и граждан к ненасильственному решению проблем; это означает опираться глобальный культурный вклад в сдвиг к ненасилию; и это означает понимать и помогать глобальным изменениям в политической, военной, экономической, социальной и культурной структурах, которые поддерживают насилие.

Политическая наука неприятия убийства

Если опираться на убеждение, что человечество способно создавать общества, свободные от насилия, необходимо ставить вопросы перед каждым разделом, областью и аспектом современной политологии. Если считать, что политология не может не опираться на определенные ценности, является ли ненасилие допустимой ценностью данной дисциплины?

Могут ли теория и практика ненасильственной политической власти успешно соревноваться с проявлениями и концепциями насилия и преобразовывать их? Возможно ли существование демократических институтов ненасилия, от местных до глобальных? Возможен ли переход от насильственной системы защиты безопасности к ненасильственной системе? От экономики, основанной на насилии, к экономике без насилия? Могут ли быть внесены вклады в теорию и практику ненасилия с перспектив феминизма, расы, класса, этнической принадлежности, языка и религии? И какие методики лучше всего подходят к пониманию насилия в обществе, ненасильственного потенциала, трансформационных процессов и способов получать стабильные, но творчески разнообразные результаты ненасильственных преобразований?

Все это не означает, что в каждой области, где задаются эти вопросы, политология ничего не добилась. Однако необходимо представить себе, какова будет политологию если она серьезно воспримет возможность создания общества без насилия в мире, не принимающем насилие. Допущение такой возможности означает активное участие политологии в ненасильственном решении глобальных проблем.

Глава 4

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ НЕПРИЯТИЯ УБИЙСТВА ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

Все те, кто осуждают этот холокост (десятки миллионов смертей от недоедания и экономической несправедливости) и борются с ним, единодушно признают, что корни этой трагедии — политические.

Манифест 53 Нобелевских лауреатов 1981 г.

Каково значение политологии неприятия убийства для решения проблем?

Основная цель — положить конец убийству во всем мире. Это означает специальную заботу о благополучии каждого человека как возможной жертвы или убийцы. Это делает интерес к человеку и целеустремленность центром внимания политологии. С другой стороны, это означает устремленность на решение проблем, которая признает, и в то же время выходит за границы духовной, гендерной, возрастной, этнической, классовой профессиональной, национальной или политической принадлежности. Это означает ненасильственную «многократную верность» (Guetzkow 1955), совмещенную с приверженностью процессам решения проблем для удовлетворения нужд всех, без использования насилия или угрозы насилия.

Политическая наука неприятия насилия предполагает решимость уменьшить значение факторов, ведущих к убийству, и усилить значение тех, что способствуют ненасилию. Она ищет решение проблем во всех пяти зонах воронки насилия (рис. 1) и в зонах веера ненасильственных альтернатив (рис. 2). Это означает, что сама профессия политолога уже предполагает вовлеченность в решение проблем и поддержку тех, кто также занимается этим решением, что включает

в себя поддержку научных исследований и подготовки для участия в решении проблем и удовлетворении всех нуждающихся.

То, что политология возьмет на себя роль участника в решении проблем, не означает, что эта наука всезнающа и всемогуща, но это означает потенциальную значимость науки для благосостояния во всех областях общественной жизни — духовной, физической, материальной и культурной. Политология не будет вмешиваться абсолютно во все, но необходимо будет признать, что то, что делают или не делают политики и люди, их поддерживающие, имеет далеко идущие последствия — от физического выживания благодаря экономическому благосостоянию до высот человеческих устремлений. Пытаясь помочь созданию обществ неприятия убийства, политология должна пенально отличаться от медицины или здравоохранения по широте своих интересов и забот о благополучии населения.

Проблемы можно определить как диссонанс между желаемым и действительным. Каждая проблема состоит из нескольких «субпроблем» неопределенности: нормативной (что должно быть), эмпирической (что есть на самом деле) и потенциальной (что может быть). Каждая проблема также таит в себе системные комплексы, взаимозависимые процессы обратной отдачи и временные компоненты. Но насколько бы трудными и сложными ни были проблемы, — этически, философски или эмпирически, — политическая наука неприятия убийства не снимает с себя ответственности за решение проблем, угрожающих выживанию и благополучию человечества. Политология неприятия убийства хочет положить конец поведенческому насилию, изменить условия, приводящие к структурному насилию, и решить проблемы обоих типов насилия в их взаимозависимости. Она стремится к уничтожению поддержки убийства, к процветанию институтов ненасилия и к созданию новых таких институтов и политики нового типа.

Соглашаясь с принятием политологией на себя роли практической науки, участвующей в решении проблем, было бы неаппетитно требовать знания готовых решений. Знание того, что болезнь неизлечима, не тормозит прогресса в теоретической и прикладной медицине. Политология неприятия убийства, где речь также идет, по сути дела, о жизни и смерти, не должна отличаться в этом от медицины.

Было бы нелогично ожидать от новой науки немедленной демонстрации решений проблем, которые не смогли решить политики и политология, принимающие насилие. Привлечение грандиозных научных, человеческих и материальных ресурсов для подавления насилия

насильственными же способами, сопровождаемое страшным кровопролитием, не смогло положить конец убийству в мировом масштабе, от войны и геноцида до убийства людей в государствах, обладающих ядерным оружием. «Искусству» убийства отданы лучшие творческие силы. Для демонстрации ненасильственных альтернатив в работе нужен будет не меньший творческий потенциал.

Безусловно, одна только политология неприятия убийства не может положить конец эре насилия. Эту задачу должны перед собой ставить все науки, люди всех профессий, каждый из нас. Но это задача, где политология может стать инициатором действия и поддерживать инициативы других. Приоритетными должны быть решения проблем, которые обычно считаются практически неразрешимыми на пути создания политологии ненасилия на службе и мира, отвергающего насилие. Три из них очень характерны, это «Гитлер и Холокост», революционные структурные изменения и безопасность, от личной до государственной.

Неприятие убийства, Гитлер и Холокост

Проблема политического лидерства и убийства — ярким примером чего является Гитлер и Холокост, хоть этим примером и не ограничивается — должна рассматриваться непосредственно и детально и подвергаться всяческому анализу с точки зрения теоретической и прикладной науки. Ужасные примеры геноцида, массовых классовых «чисток» и массовых убийств гражданского населения не должны парализовать творческий потенциал ненасилия, иначе политология будет вечно обречена, явно или скрыто, быть готовой на подобные же убийства и насилие, которые будут превосходить то, на что способен любой кровавый диктатор, уничтожающий целые классы населения или целые города и села.

Было бы уместно начать с интенсификации междисциплинарных исследований во все еще не очень развитой области изучения лидерства, а именно — обнаружить склонные к насилию поведенческие и системные переменные и искать изменений, могущих привести к появлению руководителей и их последователей, не принимающих насилия. Некоторые переменные — тяготеющие к насилию концепты лидерства — уже идентифицированы как поддающиеся ненасильственным трансформациям; это — личные качества, ролевая власть, поддержка организаций, требования выполнения задач, значимость определенных ценностей, технологические возможности, а

также экономическая, социальная и культурная поддержка убийства (Paige 1977).

Вмешательство в зону убийства, направленное против ужасов, подобных ужасам гитлеризма, представляется еще более сложной задачей для приложения творческого подхода политологии ненасилия. Но это выполнимая задача, особенно в век беспрецедентных технологических открытий. Следует рассмотреть и испытать в смоделированных условиях следующие меры: общее и повсеместное осуждение, отказ в поддержке, сопротивление убийству (что не должно быть делом только жертв), условия для быстрой эвакуации и интервенция из космоса, по воздуху, воде или суше, специальными силами, снабженными высокотехнологичной техникой для обезвреживания индивидов, групп и технологий, которые убивают. Необходимо сконцентрироваться на целенаправленном вмешательстве, прямом и многоканальном, в источник насилия с целью предотвращения его деятельности.

В период после наносящих глубочайшие травмы ужасов, подобных гитлеризму, необходимо пытаться пропагандировать склонность людей к ненасилию среди выживших — жертв, убийц и их родственников. Политология должна заниматься созданием механизма признания ответственности за зверства, реституцию, примирение и, самое важное, должна заниматься превентивными и структурными изменениями, подготавливающими появление ненасильственных обществ в мирном мире. Черпая из всех источников — духовного, научного и наследия традиций, неприятие убийства должно стать сердцевинной будущей культурной принадлежности и гордостью людей. Необходимо принять все меры, чтобы такие зверства не повторялись впредь.

Для того, чтобы покончить с эрой массовых зверств от геноцида до войны, политология неприятия убийства должна заниматься решением трех практических задач: предотвращением, вмешательством и посттравматическим трансформированием. Она должна освободиться от заблуждения, что подобные жестокости нельзя элиминировать, опираясь на принципы ненасилия.

Неприятие убийства и революционное насилие

Вторая важная проблема, на решении которой необходимо сосредоточить внимание, — это революционное и контрреволюционное насилие. Сюда можно отнести: военные перевороты, контрперевороты, терроризм, антитерроризм, партизанскую войну и широкомасштабную гражданскую войну. Обычная политология рассматривает та-

кие революции и их подавление как нечто неизбежное. Насилие, направленное против плохих режимов, похвально. Меры против плохих революционеров допустимы. В любом случае насилие, примененное с целью достижения политических целей или противодействия им, неизбежно и часто — полезный факт политической жизни. Наиболее частые аргументы, приводимые некоторыми американскими учеными, — поскольку экономические элиты никогда не отдадут собственность и власть добровольно и мирно, революционное насилие оправдано. Другие политологи, однако, поддерживают контрмеры против повстанцев, желающих изменить систему эксплуатации наемных работников частными собственниками. Мысль о том, что нужно всегда быть готовым к революционному насилию, существует даже в американском обществе выборной демократии, и проявляется она в том, что некоторые считают необходимым право граждан иметь оружие для защиты свободы от государства.

Признав необходимость ликвидации репрессивных политических режимов и изменения невыносимых условий социоэкономического структурного насилия, политология неприятия убийства может помочь в идентификации и развитии ненасильственных революционных альтернатив, что, в свою очередь, требует поставить под сомнение представление, что революции обязательно должны быть насильственными, и предложить ненасильственные эффективные альтернативы: принципы, стратегии, тактику, организационные методы и необходимые навыки.

В конце холодной войны в странах с самыми жестокими революционными традициями — США, СССР и Китае — вышли работы, представившие убедительные подтверждения возможности ненасильственной революции. Джин Шарп представил классическое изложение теории и практики ненасильственной революции, основанной на глубоком анализе политической власти и обширном историческом исследовании примеров ненасильственной борьбы (Sharp 1973). Шарп идентифицировал, по крайней мере, 198 методов ненасильственного действия: от протеста и убеждения, посредством отказа от экономического, социального и политического сотрудничества и до прямого ненасильственного вмешательства. Затем он приступил к обобщению и вывел динамичную теорию ненасильственной трансформации, включающей в себя процессы «конверсии, приспособления и принуждения», к которым он позже добавил «дезинтеграцию». В Советском Союзе Е. Плимак и Ю. Карякин определили революцию как переход власти в государстве от одного класса к другому, который приводит

к «резкой перемене в жизни огромных масс населения» (Plimak and Karyakin 1979). Затем, опираясь на марксистско-ленинскую теорию, а также деколонизацию и демократизацию в период после второй мировой войны, они утверждают, что мирные социалистические революции вполне возможны, определяя мирную социалистическую революцию как «революцию без вооруженной борьбы, без гражданской войны и без вооруженной контрреволюционной интервенции». Считая, что прошлые неудачи не должны мешать мирным революциям в новых исторических условиях, они призывают к «тщательному и объективному изучению во всех аспектах мирного революционного развития». В Китае Занг-Ю-Пинг, опираясь на марксистскую теорию и успешную ненасильственную борьбу за независимость в Азии, Африке и Латинской Америке — особенно на способности больших масс населения мобилизоваться на борьбу, что продемонстрировало движение Ганди в Индии, — считает, что «точка зрения тех, кто защищает исключительно насильственную революцию безотносительно ко времени, месту и ситуации, и пренебрегает ненасильственной революцией, *неправильна как теория и вредна на практике*».

Таким образом, во времена революционного и контрреволюционного кровопролития во всем мире из трех традиций, полных насилия, вышли политические аналитики, которые независимо друг от друга поставили научную задачу развития ненасильственной революционной теории и практики. Интересно, что их объединяла ссылка на движение Ганди в Индии, которое добивалось не только независимости, но и социальноэкономических и культурных перемен.

До сей поры ненасильственная революционная теория, будь она «капиталистического» или «социалистического» происхождения, формулировалась в основном с позиций угнетенных. Подобные теории ненасильственного противодействия со стороны элиты еще не были разработаны, чтобы найти альтернативы насильственному подавлению ненасильственного революционного действия. Здесь необходим анализ противоположной направленности анализу Шарпа. Имеют ли богатые собственники, вожди, политические лидеры, полиция и армия мужество, чтобы противостоять ненасильственными средствами и без оружия бедным, безземельным, угнетенным, меньшинствам или большей части населения, которые ненасильственным путем утверждают свое право на экономическую справедливость и равноправие? Могут ли более удачливые отстаивать свои права на достоинство и признание действиями, ставящими целью конверсию, приспособление и принуждение без кровопролития?

Более того, вполне реальной представляется практическая теория «ненасильственной борьбы», или даже «ненасильственной классовой борьбы» с целью классовых трансформаций, отмеченных взаимоприемлемыми отношениями между бывшими угнетателями/привилегированными и угнетенными/неимущими. Этот вывод можно сделать на основании того, что в природе человека заложено ненасилие, и на основе враждебности, выражаемой в отношении к пропагандистам мирных перемен представителями элиты, поддерживающей насилие, и ее антагонистами, также выступающими за насилие. Каждый из этих представителей пытается противодействовать сторонникам ненасилия, утверждая, что такие идеи ослабляют готовность людей их класса убивать. Например, во время Холодной войны и американская, и советская элиты, а также средства массовой информации старались дискредитировать или заглушить голоса пацифистов, говоря, что идеи отказа от убийства найдут отклик у населения и подорвут основы их собственного милитаризма. При этом они пренебрегали тем, что идеи пацифизма могут ослабить также и их противника. Подобным же образом представители ученых кругов и активисты — сторонники вооруженного сопротивления считают пагубными поиски ненасильственных революционных альтернатив, боясь, что угнетенные воспримут идеи ненасилия. Таким образом, если и угнетенные, и угнетатели проникнутся идеями отказа от убийства, ненасильственная классовая борьба вполне возможна. Следовательно, политология должна взять на себя роль «катализатора» процессов поиска ненасильственных революционных альтернатив. Хорошей отправной точкой в этом направлении может служить эффективность подхода представителей движений Ганди и Кинга, которые огромное значение придавали «примирению» с противниками на каждой ступени ненасильственной борьбы за социальные перемены. Даже Макиавелли считал, что глубоких изменений в политическом режиме «от тирании к свободе» и обратно можно достичь «без кровопролития», при «согласии граждан, создавших великое государство» (Machiavelli. *The Discourses*. Book 3. Chapter 7).

Отказ от убийства и безопасность

Политическая наука ненасилия должна решить проблему обеспечения альтернатив безопасности против насильственной агрессии — на индивидуальном, местном, федеральном и международном уровне. Общепринятая теория и практика безопасности берут свои истоки из

угрозы смерти: «Я/мы хочу/хотим, чтобы ты четко уяснил, что я/мы убью/убьем тебя».

Безопасность же ненасилия берет начало от противоположного: «Я/мы хочу/хотим, чтобы ты четко уяснил, что я/мы не убью/ не убьем тебя. И ты должен уверить нас в том, что ты не убьешь меня/нас». То есть «Мы должны уверить друг друга, что мы не убьем друг друга». Никто не может чувствовать себя в безопасности, пока есть кто-то, намеревающийся убить. Изобретательность убийц сможет преодолеть любую преграду — щиты, доспехи, рвы, стены, замки, вплоть до убежищ от ядерного оружия. Нападающее насилие преодолевает любую форму защищающегося насилия: стрелы побеждают копы, пулеметы мощнее мушкетов, артиллерия побеждает конницу, танки — пехоту, ракеты сильнее танков, подводные лодки одерживают верх над кораблями, воздушные и ракетные войска побеждают почти все, а ядерное, биологическое и химическое оружие — все без исключения. Жить в доме, набитом оружием, не значит жить в безопасности: враг может применить ракеты, пробивающие броню, более тяжелую артиллерию и более эффективное боевое искусство или же просто отравить воздух, воду или пищу. Единственная надежная защита — отсутствие желания убивать.

Роль политологии в переходе к ненасильственной безопасности — помогать развитию теории и практики для поиска действенных альтернатив угрозе убийства или убийству — включая превентивную трансформацию желания убивать у возможных врагов. Хотя литература, поднимающая такие вопросы, не очень признавалась консервативной политологией, количество ее растет, и она могла бы быть основой для начала работы. Исследования рассказывают о следующих явлениях и событиях: о гражданском сопротивлении геноциду нацистов (Halli 1979; Fogelman 1994; Semelin 1994); о ненасильственном сопротивлении мафиозной преступности коммуны Данило Дольчи (Amato 1979; Chaudhuri 1998); об охране правозащитников невооруженными бойцами (Mahony and Eguen 1997); о ненасильственном сопротивлении военным переворотам (Roberts 1975; Sharp 1990; 1993); о ненасильственной защите — гражданской, общественной (Boserup and Mack 1974; Sharp 1990; Martin et al. 1991; Randle 1993; Burrowes 1996); об использовании обычных вооружений без убийства (Keyes 1982); об альтернативных ненасильственных силах (Banerjee 2000; Weber 1996; Moser-Puangsuwan and Weber 2000) и о разработке оружия, применение которого не приводит к смерти (Lewer and Schofield 1997).

В нескольких странах по правительственному заказу были пред-

приняты исследования эффективности ненасильственной гражданской защиты, пусть даже и для того, чтобы противопоставить ей более эффективную обычную военную машину. В числе этих стран следующие: Швеция, Норвегия, Дания, Нидерланды, Франция, Латвия, Литва, Эстония, Австрия, Швейцария и Финляндия (Schmid 1985; Sharp 1990; Randle 1994: 121–137). В Таиланде в статью 65 новой Конституции 1997 г. была включена уникальная упреждающая статья, узаконивающая ненасильственное сопротивление возможным военным переворотам: «Народ имеет право мирными средствами противостоять любой попытке добиться административной власти средствами, не предусмотренными Конституцией».

Исследования в области оружия для полиции и военных, применение которого не ведет к летальному исходу, ведутся в США, по крайней мере, с 1965 г., и получили новый толчок к разработке в 90-х годах. Изучен широкий спектр технологий — лазерное, оптическое, акустическое, электромагнитно-импульсное, химическое, биологическое и другое оружие. Некоторые его виды уже были использованы в операциях полиции в пределах страны и за рубежом (Lewer and Schofield 1997). Правительство проявляет интерес к такому оружию, так же как и к общественной защите, лишь как к дополнительным средствам, но уже сам факт серьезного отношения к ненасильственным альтернативам со стороны экспертов по насильственной безопасности должен явиться мощным стимулом к более активным действиям для политологии. Главная задача — решить проблемы на пути к переходу к полностью ненасильственной системе безопасности. Еще один признак движения к ненасильственной безопасности можно видеть в докладе комиссии Карнеги по предотвращению смертельно опасного конфликта (1997), который призывает к «структурному предотвращению: стратегиям по искоренению первопричин конфликта», а также к созданию «культуры предотвращения конфликтов». Здесь в перспективе намечаются дальнейшие шаги по направлению к ненасильственной безопасности во всем мире. Одним из примеров может служить предложение создать Глобальную Ненасильственную Организацию Мира (www.nonviolentpeaceforce.org).

Политическая наука ненасилия должна искать решения проблем, которые до сей поры считались непреодолимыми на пути построения общества ненасилия. Первоочередной задачей должно быть искоренение прямых угроз уничтожения с помощью агрессивного физического насилия. Во-первых, потому, что без физического выживания никакая другая проблема не может быть решена; во-вторых, потому,

что приверженность убийству «помогает» структурному и экологическому насилию, которые угрожают благополучию отдельных людей, общества в целом и всей нашей планеты.

Упор на неприятии убийства как подходе к решению проблем общества вызывает следующие вопросы: почему нужно концентрировать внимание на неприятии убийства, когда психологическое насилие, пытки, расизм, сексизм, экономическая эксплуатация и диктатура являются причиной большего количества смертей, чем убийство? На первый взгляд кажется, что такие проблемы могут быть решены, если мы оставим за собой право убивать. Однако именно желание, способность убивать и культура убийства являются основной причиной социоэкономического структурного неравенства, которое убивает. Как могут пытки, расизм, угнетение женщин, экономическая эксплуатация и диктатура существовать, если они не будут основываться на страхе и угрозе смерти? Отказ от убийства, начиная убийством человека и заканчивая войной, внесет огромный вклад в решение проблем, стоящих перед человечеством. Разговаривая с жителями деревни, Ганди по очереди загибал пальцы левой руки — по одному на каждую проблему, которую необходимо решить: равенство для неприкасаемых; право прясть ткань из хлопка для освобождения от экономической зависимости; отказ от наркотиков и алкоголя; дружба общин индусов с мусульманами; равные права для женщин. Затем он говорил: «А запястье моей руки — это ненасилие» (Ashe 1969: 243). Мы подобным же образом можем сформулировать пять первоочередных для всего мира проблем: продолжающиеся убийства и необходимость разоружения; страшная бедность и необходимость экономического равноправия; унижение человеческого достоинства и необходимость соблюдения всеми прав человека; разрушение биосферы и необходимость поддерживать жизнь на всей планете и другие противоречия, которые мешают совместной работе над решением проблем.

Решение проблем ненасильственным путем означает не только отрицание убийства, но и конструктивную деятельность по выполнению базовых нужд людей. Эта деятельность включает в себя всеобщий протест против войны и оружия, против бедности, ненасильственную борьбу за права и ответственность человека, обеспечение устойчивости окружающей среды.

Такая программа действий может показаться утопичной и невыполнимой, но она завещана некоторыми из самых опытных лидеров нашей эры. Исключительно важно для политологов помнить, что почти каждая конференция по проблемам человечества, проводимая под

эгидой ООН или других организаций, призывает людей мира выразить «политическую волю» для необходимых шагов. Этот призыв направлен не только правительствам, но и партиям, неправительственным организациям, корпорациям, профсоюзам, университетам, средствам массовой информации, религиозным организациям и работникам искусства. В наше время глобальные проблемы, угрожающие миру, усилились настолько, что среди людей растет понимание того, что бездействие приведет к катастрофическим последствиям. Среди этих проблем и распространение оружия, и быстрый рост населения при растущем экономическом неравенстве, угрожающие жизни последствия нещадной эксплуатации природы, неравное положение в обществе женщин, местного населения, угнетенных меньшинств и мириад культурных сообществ. Как сказал Федерико Мэйор, Генеральный Директор ЮНЕСКО, в наше время «все изменилось коренным образом» (Mayor 1995: 83–93). Какой еще толчок к действию нужен политологии?

Неприятие убийства и разоружение

Проблемы, которые необходимо решить, не являются плодом фантазии политологов, их «поставляет» нам глобальная политическая жизнь. Четкий план действий в направлении решения этих проблем можно найти в Заключительном докладе специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению (UN General Assembly 1978), где содержится призыв к «полному и всеобщему разоружению под эффективным международным контролем». 159 государств при одном воздержавшемся (Албания) провозгласили необходимость ликвидации всего ядерного оружия, а также ликвидации биохимического и другого оружия массового уничтожения, вывода войск со всех иностранных военных баз, сокращения контингента войск до количества, необходимого для защиты территории, сокращения обычных вооружений, окончания колоссальных трат на военные нужды и переброски ресурсов на социальные и экономические нужды развивающихся или развитых стран. Под этим призывом подписались государства, в целом проводящие политику, основанную на насилии, — ситуация, с которой незнакомо большинство студентов-политологов.

Политология неприятия убийства не может оставаться в стороне от усилий, направленных на поддержку действий правительства и гражданских организаций, которые приближают общество, свободное от оружия. Среди этих действий — кампании по запрещению легкого

огнестрельного оружия, оружия нападения, противопехотных мин и торговли оружием; по установлению зон мира в деревнях и городах, свободных от оружия, по созданию в мире зон, свободных от ядерного оружия.

Неприятие убийства и экономическое неравенство

Еще один классический призыв к действиям по решению проблем — «Манифест» 53-х Нобелевских лауреатов, в котором они говорят о необходимости остановить то, что они называют глобальным «холокостом» смертей от экономического неравенства, которое вполне предотвратимо (Nobel Prize Winners 1981: 61–63).¹⁰ По их мнению, «Все, кто осуждает этот холокост и борется с ним, единодушно признают, что корни этой трагедии — политические».

Крайне важно, чтобы граждане и политики выбирали и голосовали на своих уровнях во время выборной кампании, в парламенте, в правительстве или на международном уровне за новые законы, новые бюджеты, новые проекты и новые меры, направленные на спасение миллиардов людей от недоедания и недостаточного развития и сотни миллионов каждом поколении от голодной смерти (62).

Говоря о «необходимости спасти жизни, не убивать и не уничтожать, даже своим бездействием или безразличием», ученые призывают к ненасильственной экономической революции:

Хотя сильные мира сего несут самый тяжелый груз ответственности, они не одни. Если бесправные возьмут свою судьбу в свои руки, если все возрастающее число людей будет отказываться подчиняться любому другому закону кроме закона о правах человека, основным из которых является право на жизнь, если слабые организуются и будут использовать то оружие, которое доступно им, *ненасильственную борьбу, примером которой является Ганди*, ставя перед собой важные для них цели; если все это случится, тогда совершенно точно наступит конец катастрофе нашего времени (63).

«Манифест» заканчивается так: «Пришло время действовать, пришло время создавать, пришло время для нас жить так, чтобы после нас могли жить другие».

Неравенство, рост населения, и милитаризация взаимодействуют, усиливая экономические причины убийства, насилие и урон окружающей среде. По данным Всемирного Банка на 1999 г. около 1,5 млрд людей живут в условиях «крайней бедности», с уровнем дохода меньше 1 доллара в день, а 3 млрд человек имеют доход менее двух долларов в день, и неравенство доходов все увеличивается. По словам Тарика Хусейна из Всемирного Банка, выступавшего в июне 1997 г. перед 160 молодыми лидерами -- слушателями первой программы Международной Академии Лидерства при Университете ООН,

Мир в середине 1990-х годов... еще более поляризован, чем в 80-е годы... За последние 30 лет доход беднейших слоев населения земли (20%) снизился с 2,3% до 1,4%. В то же время доход самых богатых вырос с 70% до 85%. Общее состояние 360 миллиардеров мира превышает совместный ежегодный доход стран, чье население составляет 45% всего населения планеты (Husain 1997: 13).

Президент Всемирного Банка Джеймс Волфенсон и Махатма Ганди согласны, что неравенство ведет к насилию. По словам Президента, «Неравенство ведет к нестабильности. Бедность приводит к войне» (Husain 1997: 6). Махатма предупреждает: «Правительство без насилия не может стать реальностью до тех пор, пока существует пропасть между богатыми и миллионами бедных... Жестокая и кровавая революция обязательно произойдет однажды, если богатые добровольно и на благо всех не откажутся от богатства и власти, которую богатство обеспечивает» (Gandhi, *Collected Works* 75, 1941: 158). Мысли обоих лидеров обобщила молодая американка, борец за мир, пожертвовавшая большую часть своего наследства, Бетси Дюрен: «Единственный способ, с помощью которого мы можем добиться мира навсегда, — это перераспределение богатства. Бедность, война и страдания исходят от людей, владеющих огромной частью пирога и старающихся удержать ее» (Mogil and Slepian 1992: 100). Взгляды Президента, Махатмы и молодой американки повторяют анализ отношений между неравенством и насилием, сделанный Аристотелем 2300 лет назад:

Очень важно помнить, что причиной беспорядков, ведущих к революции, являются те, кто имеет власть, будь то отдельные личности или правительственные органы, или племена, или все что хотите. Они могут быть «виноваты» в этом

косвенно, когда остальные начинают революцию из зависти к власти, или же непосредственно, когда считают себя настолько выше всех остальных, что не могут быть со всеми паразиты (Aristotle 1962: 199).

Быстрый рост населения с 2,5 млрд в 1950 г. до 6,1 млрд в 2000 г. и ожидаемых 8,9 млрд в 2050 г. заставляет приступить к решению проблем как можно скорее. Самыми густонаселенными странами к 2050 г. по прогнозам будут Индия (1529 млн человек), Китай (1478 млн), США (349 млн), Пакистан (345 млн) и Индонезия (321 млн). Согласно анализу Лестера Брауна и его коллег из Института Уорлдвотч, такой беспрецедентный рост по 80 млн человек в год создаст потенциально катастрофическую нагрузку для нашей планеты. Среди 19 самых «проблемных» областей — запасы воды, производство зерна, энергетика, шахтные уголья, леса, видовое многообразие, изменение климата, заболевания, урбанизация, жилье, образование, работа и конфликты внутри стран и между ними (Brown, Gardner and Halweil 1999).

Поскольку традиционные методы сокращения населения, такие как война, геноцид, инфантицид, аборт, а также голод и эпидемии, неприменимы, политология спасения должна поддерживать открытие и проведение в жизнь ненасильственных альтернатив. Это означает, что в самый центр внимания теории и практики политологии необходимо поставить уважение к качеству человеческой жизни и среде, ее окружающей и поддерживающей.

Некоторые из самых известных в мире военных, профессионалов убийства, продемонстрировали глубокое понимание необходимости демилитаризации. Одним из них был генерал второй мировой войны, который стал впоследствии президентом США, Дуайт Эйзенхауэр (1953–1961). Он лучше любого нацифиста проанализировал связь между приверженностью к убийству и экономическим структурным насилием:

Каждая произведенная пушка, каждый спущенный на воду корабль, каждая ракета, в конце концов, означает кражу у тех, кто голоден и не получит пищи, кто мерзнет и останется без одежды. Этот воюющий мир тратит не только деньги. Он тратит пот и кровь своих рабочих, интеллект своих ученых, надежды своих детей. . . Так нельзя жить. Под облаком военной угрозы человечество распято на железном кресте (Eisenhower. Address to the American Society of Newspaper Editors. April 16, 1953).

Одной из причин, по которой человечество «распято на железном кресте», являются расходы США на ядерную программу с 1940 по 1996 г., составившие 5821 трлн долларов (Schwartz 1998). Это яркий пример колоссальных глобальных военных расходов, которые в 1990-х годах составляли в среднем «более 500 миллиардов долларов в год» (Sivard 1996: 7). Политическая наука ненасилия должна работать на прекращение экономического неравенства, вызванного глобальной милитаризацией. Она должна стараться «снять» человечество с его «железного креста», чтобы положить конец «холокосту» бедности.

Права и обязанности человека в обществе неприятия убийства

Необходимость вовлечения в процесс решения проблем обосновывается Всеобщей Декларацией Прав Человека (1948) и последующими соглашениями, гражданскими и политическими, социальными и экономическими. Основной текст Декларации должен быть известен каждому политологу и гражданину.

Как бы ни определялись права человека, политическая наука неприятия убийства должна защищать их ненасильственными методами. Более того, она должна ставить конкретную задачу добиваться всеобщего признания права не быть убитым и запрета убивать других. Одним из способов добиться этого может быть включение в Декларацию и мировую практику следующей статьи:

Статья 3(2). Каждый имеет право не быть убитым и обязан воздерживаться от убийства других.

Политическая наука неприятия убийства должна добиваться соблюдения и дальнейшего продвижения прав человека на любом уровне. Например, конференция женщин в Пекине в 1995 г. предложила программу действий, призванную покончить с любыми формами насилия против женщин и девушек; выполнение этой программы могло бы стать задачей политологии неприятия убийства.

Еще одним приложением сил для политологии неприятия убийства могла бы стать защита ненасильственными средствами прав человека, за которые борется организация Международная Амнистия, основанная в 1961 г. Ее работа опирается на такие принципы Декларации, как «Никто не должен быть подвергнут пытке или жестокому, бесчеловечному или унижительному обращению или наказанию» (ст. 5);

«Никто не должен быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или ссылке» (ст. 9) и «Каждый имеет право на свободу мнений и выражения; это право включает свободу выражать свое мнение беспрепятственно, а также искать, получать информацию и делиться ей и идеями через любые средства массовой информации независимо от границ» (ст. 18). Организация Международная Амнистия ставит своей целью отмену во всем мире смертной казни, пыток, требует справедливого суда для всех и немедленного освобождения всех узников совести, которые сами не участвовали в отправлении насилия и не проповедовали его. Методы работы этой организации включают в себя все формы ненасильственных действий.

Еще одной правозащитной организацией, которой могла бы помочь политология неприятия убийства, является Организация Непредставленных Народов (ОНН), основанная в 1991 г., которая борется за признание коллективных прав человека более чем 50 малых народностей на пяти континентах. В уставе организации записано, что «главным инструментом политики организации является поддержка ненасилия и отказ от терроризма». ОНН призывает «правительства, международные организации, неправительственные организации и их лидеров придерживаться четкой и принципиальной политики по сокращению применения насилия». Такая политика должна включать в себя:

признание и уважение прав всех людей и малых народностей, независимо от их численности, культуры или религии; серьезное отношение ко взглядам и нуждам непредставленных народов; выступление против всех неспровоцированных актов насилия и грубых нарушений прав человека, примененных к недостаточно представленным нациям и народностям; признание легитимности движений и правительств, которые используют мирные и демократические средства для достижения своих целей; участие в открытом и искреннем диалоге со всеми таковыми организациями и правительствами и признание их приверженности к ненасилию; активная помощь и поощрение мирных способов решения конфликтов между правительствами и нациями и народностями, находящимися под их юрисдикцией (UNPO 1998: 8).

Далее ОНН призывает «корпорации и финансовые организации покончить с несправедливой эксплуатацией ресурсов, жизненно важных для людей; прекращать продвижение насилия через безответственную торговлю оружием и коммерциализацию насилия в средствах

массовой информации и их продуктах» (9). Такая приверженность ненасильственной политике народов, которые познали геноцид, преследование по этническому признаку и разрушение окружающей среды, являет собой пример для политологии неприятия убийства. При большом количестве и нуждах национального самоопределения малых народностей, членство в ООН может со временем превзойти количество членов ООН.

Неприятие убийства и устойчивость окружающей среды

Политическая наука неприятия убийства ставит своей целью помочь в освобождении человечества от разрушения экологии. Мы убиваем окружающую среду, и она, в свою очередь, убивает нас.

Конец XX в. ознаменован растущей тревогой по поводу разрушения биосферы человеком. Милитаризация экономики и военные действия содействуют этому. Всемирная Хартия Природы, принятая 111 членами Генеральной Ассамблеи ООН 28 октября 1982 г., гласит: «природа должна быть ограждена от ущерба, наносимого войной и другими враждебными действиями» (ст. 1, разд. 5). Среди самых разрушительных влияний на экологию — химическая дефолиация лесов Соединенными Штатами во время войны во Вьетнаме; поджог нефтяного месторождения Ираком во время войны в Персидском заливе. Перед политологией неприятия убийства стоит задача, сформулированная Бэрри Коммонером: «Чтобы подружиться с планетой, мы должны жить в мире со всеми людьми, ее населяющими» (Commoner 1990: 243).

Еще одна задача сформулирована Морисом Стронгом, Генеральным Секретарем Конференции ООН по Окружающей Среде и Развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро в 1992 г.; Стронг призвал к «экологической революции, которая необходима, чтобы привести мир на путь к более надежному, стабильному и справедливому будущему» (United Nations 1993: 1). В «Программе 21», призыве к действию, выработанному на конференции, отмечается, что «война чрезвычайно деструктивно действует на устойчивое развитие» (пункт 24) и что «мир, развитие, и защита окружающей среды взаимосвязаны и неразделимы» (пункт 25). Призывы к решительным действиям адресованы государствам, правительствам, гражданам, женщинам, молодежи и местным народностям. Сюда же можно добавить армии, военную промышленность, корпорации, профсоюзы и политологов.

Как и другие угрозы выживанию и благополучию, экологические проблемы столь же сложны, междисциплинарны и глобальны. Для формулировки и проведения в жизнь общественной политики необходимо задействовать ресурсы политической науки с позиций неприятия убийства. Необходимо выяснить, какие проблемы окружающей среды наиболее понятны и пугают в срочном решении; какие проблемы необходимо срочно исследовать и как лучше всего внедрять научные знания в ненасильственные действия по принятию решений обществом. Примером может служить подход, примененный Шведской Королевской Академией Наук (Sebek 1983).

Политология неприятия убийства должна быть особенно внимательной к гражданам, организациям и социальным движениям, которые занимаются деятельностью по сохранению окружающей среды ненасильственными средствами. Такие движения могут быть очень разными — от женского движения Чинко «Спасите деревья» в Индии (Weber 1989; Nautiyal 1996), организации «Гринпис», пытающейся своими действиями непосредственно влиять на государственную и общественную политику (Stephenson 1997), до появившейся в Германии политической партии и экологического движения «Зеленых» (Die Grünen).

Наследие Петры Кари Келли (1947–1992), основательницы выборной партии «Зеленых», формулирует целый комплекс задач для политической науки неприятия убийства на весь XXI в. Она призывает действовать по каждому важному вопросу от разоружения и экономики до прав человека и мирового сотрудничества по спасению планеты. Она призывает к «глобальной культуре экологической ответственности» и ратует за «жесткие принципы, на которых должны быть основаны экологические отношения между всеми странами» (Kelly 1992: 76). Вместе с Толстым, Гацди, Абдул Гаффар Ханом и Мартином Лютером Кингом Петра Келли заслуживает признания сейчас и в будущем как человек, внесший значительный вклад в глобальные перемены в сторону ненасилия в XX в. и за его пределами.

Неприятие убийства и сотрудничество по решению проблем

Всеобщей задачей является продвижение процессов мирного разрешения конфликтов на уровне как индивидов, так и глобального общества. Ни безопасность, ни экономическое процветание, ни уважение прав человека, ни экологическая устойчивость, ни другие важные

условия жизни не могут быть достигнуты без сотрудничества всех уважающих и ценящих жизнь. Это не означает, что политология решает все проблемы; скорее она берет на себя ответственность за координацию процессов сотрудничества по решению проблем. Это не означает, что политология будет играть доминирующую, подавляющую роль; даже анархисты требуют уважения к своим свободам со стороны всех других анархистов. Ненасильственный подход означает отход от политики, основанной на конфликте, и борьбы за главенство при насилии — явном или скрытом — как решающем средстве. Там, где насилие разъединяет и доминирует, ненасилие объединяет и сотрудничает. Вот почему политология ненасилия ищет поддержки со стороны мужчин и женщин, религий, цивилизаций, рас, народов, классов, сообществ, государств, национальных и транснациональных корпораций и глобальных движений. Цель — решить проблемы, не прибегая к убийству и во имя благополучия всех. Важными ресурсами здесь могут быть междисциплинарные и профессиональные исследования теории и практики мирного разрешения конфликтов (Fisher and Ury 1981; Burton 1996).

Политология неприятия убийства признает исторические достижения демократии, представленные в некоторых современных политических системах, но она также ищет решений проблем поведенческого и структурного насилия, которые не могут решить свободная политика и свободная рыночная экономика. Признаки систематических дисфункций в удовлетворении основных нужд людей наблюдаются в самых передовых демократических системах. Если взять США в качестве примера, то здесь наиболее «запущенными» являются проблемы насилия и убийства в семье и школе; разочарование в жизни молодых, употребляющих наркотики, участвующих в бандах и заканчивающих жизнь самоубийством, всепроникающее равнодушие к политике и правительству, проявляющееся в низкой явке на выборы, «растранжирование» ресурсов на военные нужды, целый слой обойденных правами и привилегиями людей (приблизительно 20% населения), страдающих от недоедания и плохого питания, плохого здоровья, нехватки или отсутствия жилья, недоступности образования и распада семьи, «поставляющих кадры» для преступного мира, подвергающихся сексуальной и расовой дискриминации. С другой стороны, в той же стране существует сверхбогатый высший класс (тоже около 20% населения), состояние которого все растет и который вместе с классами, близкими ему по доходам, обеспечивает свою безопасность, прибегая к услугам полиции и армии, строя еще больше тюрем и ужесточая наказания за

преступления; и все это сопровождается воспеванием насилия.

Население стран с менее демократическими режимами и неразвитым гражданским обществом еще больше страдает от разнузданного насилия, связанного с авторитарным правлением и экономическими проблемами. Насилие в этих странах принимает такие формы, как массовые казни, пытки, политические убийства, геноцид, вооруженные нападения, терроризм и кровопролитные перевороты.

Политология неприятия убийства, освободившись от стереотипов насилия как средств и способов решения проблем, должна вносить свой вклад в процессы удовлетворения нужд людей в обществах с более или менее развитым демократическим строем. На данном этапе это можно сделать с помощью внедрения в массовое сознание ценностей ненасилия, предоставления информации о способностях человека делать выбор в пользу неприятия убийства, поддержки демократизации руководства и всего общества в целом, вовлечения граждан в формирование политических курсов и развития новых институтов ненасилия. Чтобы участвовать в этих переменах, политология как наука должна принять отказ от убийства как отправную точку своего служения обществу. Она должна взять на себя ответственность за удовлетворение всех нужд людей — от индивидуальных и семейных до управления государством и всем мировым сообществом.

Глава 5

ЗНАЧЕНИЕ ПОЛИТОЛОГИИ НЕПРИЯТИЯ УБИЙСТВА ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ

Институты, которые мы называем необходимыми, часто всего лишь те, к которым мы привыкли. . . самых разнообразных форм построения общества может быть гораздо больше, чем граждане, живущие в различных обществах, способны вообразить.

Алексис де Токвиль

Проблемы, ставящие под угрозу жизнь на Земле, исходят от всех людей вместе, они касаются нас всех, и мы должны действовать все вместе, чтобы решить их.

Петра К. Келли

Каковы последствия этико-эмпирического перехода к ненасилию для политологии? Что он означает для политологов-практиков, для структуры дисциплины, для ее отношений с другими отраслями наук и для ее различных институтов, призванных сделать ненасильственным все человеческое общество? Под институтами понимаются конфигурации целенаправленных социальных взаимоотношений, которые возникают в ответ на надежды и нужды людей.

История цивилизации в большой степени — история инноваций в сфере институтов. Религия дает толчок к формированию сообществ, объединенных вокруг синагог, церквей и мечетей. Необходимость участия в политическом управлении порождает партии, выборы и парламенты. Из необходимости контроля над обществом произошли полиция, суды и тюрьмы. Завоевательные цели приводят к возникновению технологических средств для боевых действий в воздухе, на земле и

на воде. Из необходимости взимать налоги для содержания армии и на пужды государства произошла бюрократия и армия чиновников (Finer 1997: 16-17).

Каким же изменениям должна подвергнуться политология ненасилия, чтобы она могла готовить переход общества к ненасилию? Перспектива ненасилия может быть интегрирована в старые структуры, например путем ввода в специальности политологии изучения проблем демократизации, гендерных, расовых, классовых и экологических проблем. Или же старые структуры могут быть полностью перестроены, созданы новые, параллельные, гибридные, или же совершенно новые, сосредоточившие в себе все источники возможностей ненасильственной трансформации.

Как демократии создаются демократами, которые понимают, что это такое, как заставить их работать и мотивированы заставить их работать, так же и общества неприятия убийства будут построены людьми, не принимающими убийство. Политология неприятия убийства возникнет таким же образом. Существует множество путей к философии ненасилия, и все они индивидуальны. Человек может прийти к отказу от убийства благодаря своему рождению, вере, интеллекту, состраданию, перенесенной травме, медитации. Обширный исторический опыт и современные свидетельства способности людей посвящать себя борьбе за ненасилие, должен вдохновлять нас на поиски таких способностей в себе.

Специализация ненасилия в политологии

Дух ненасилия должен со временем проникнуть в каждый существующий раздел политологии, но пока можно задуматься о создании новой специализации ненасилия как прототипа для перестройки существующих специализаций.

При создании таковой необходимо руководствоваться общей целью: ликвидировать убийство, угрозы убийства и все, что им сопутствует, из мировой практики. Это отличает данную специализацию от всех тех, что прощаются либеральную демократию, основанную на насилии, научный социализм, основанный на насилии, или авторитарный режим, основанный на насилии. Специализация ненасилия основана не на большом количестве ценностей и понятий, а на кардинально иных ценностях.

Следуя современной формуле обучения от вводных курсов до докторантуры, новая специализация сделает своей задачей развитие уме-

ний, необходимых для создания и поддержания обществ без убийства. Основными должны быть четыре умения: исследовательские навыки, обучающие навыки, навыки для конкретных действий и навыки критического размышления, выражаемого в общении через средства массовой информации и в повседневной жизни.

Студенты, начинающие обучение, должны быть ознакомлены с наследием насилия и убийств в истории человечества, после чего им должно быть предложено пробовать искать пути удаления убийства из жизни человеческого общества, как если бы они были политическими лидерами или политологами. Затем они получили бы сведения о способности человека к творчеству (Boorstin 1983; 1992; 1998), к политическим нововведениям (Finer 1997) и к труду на благо мира и во имя уважения человеческого достоинства в каждой сфере общественной жизни (Josephson 1985).

Следующим шагом мог бы быть обзор задач, требующих решения (насилие, экономика, права человека, окружающая среда, сотрудничество), современных политических институтов и самых последних разработок по логике анализа ненасилия и принципам действий, которые необходимы для создания общества ненасилия.

Далее необходимо дать возможность студентам рассмотреть ряд альтернативных, но связанных между собой способов решения проблем и работы непосредственно в сообществах.

После такой подготовки следующий шаг — участие в групповых проектах или выполнении своих собственных, чтобы применить соответствующие навыки в исследовании, образовании, действии и критическом анализе для создания альтернатив насилию. Эти проекты должны быть ориентированы на местные, национальные, международные и глобальные условия. Результаты таких проектов, представленных в виде дипломных работ, вносятся в банк памяти раздела ненасилия и публикуются в Интернете, чтобы их можно было использовать при решении проблем.

Выпускники могли бы приложить свои силы на государственной службе и в гражданском обществе. Некоторые из них могли бы продолжить обучение для получения степеней магистра и доктора политологии ненасилия, присоединится к существующим областям исследования или основать совершенно новые.

Специализация политологии ненасилия, безусловно, ориентирована на подготовку кадров для служения обществу. В своей собственной структуре и способах разрешения конфликтов политология неприятия убийства могла бы демонстрировать характеристики общества

ненасилия, демонстрировать культуру равного партнерства мужчин и женщин, основы общества ненасилия. Необходимо обеспечить длительную обратную связь с выпускниками, чтобы определять новые области исследований и корректировать подготовку студентов для решения новых непредвиденных задач. Поскольку знания о ненасилии представляют интерес для всего мира, новое отделение будет привлекать талантливых ученых из разных стран для непосредственного преподавания и через дистанционное обучение. Местное сообщество может рассматриваться как модель для решения проблем, важных для всего мира.

Университет Шанги Сена (Корпус Мира)

Переход к обществу ненасилия требует создания ненасильственной студенческой организации как альтернативы военной подготовке, часто предоставляемой или обязательной во многих колледжах и университетах. Эта организация может существовать на базе факультета политологии, но членами ее могут становиться все учащиеся в данном учебном заведении.

Как бы эта организация ни называлась — Шанги Сена или как-то еще, это хорошо организованная структура, члены которой проходят подготовку, помогающую разрешать конфликты мирным способом, обеспечивать безопасность сообщества и граждан, оказывать первую помощь пострадавшим в результате несчастных случаев и катастроф и конструктивно трудиться на благо общества. Практическая подготовка дополняет теоретическую, развивающую навыки лидерства. Духовным источником является утверждение жизни, присутствующее во всех религиях, возвышающее влияние музыки и искусства, жизнелюбивая сила спорта и удовлетворение от службы на благо других. Члены организации могут привлекаться к работе во время кризисов на кампусах и за их пределами и «поставить» лидеров для других социальных институтов. Она может снабжаться и финансироваться на тех же принципах, что и современные курсы военной подготовки. Эту программу можно адаптировать и к доуниверситетской подготовке. Ценным источником практического опыта для организации Шанги Сена могут быть образовательные учреждения профессора Н. Радхакришнана из Индии (Radhakrishnan 1997b), деятельность восьмидесяти тысячной ненасильственной армии Мусульманского освобождения («Божьи слуги») в Индии в 1930–1947 гг. (Walserjee 2000: 73–102), движение Кинга за ненасильственные соци-

альные изменения (LaFayette and Jehnsen 1995; 1996), а также другой опыт ненасильственной подготовки (War Resisters League 1989).

Университеты неприятия убийства

Переход к обществу ненасилия требует выработки навыков и умений и такой подготовки, которую не в силах обеспечить ни одно отделение университета или отдельная дисциплина. Поэтому трансформация к ненасилию всей политологии означает сотрудничество со стороны представителей всех общественных, естественных, гуманитарных наук и всех профессий. Необходимо создание целых университетов, готовящих к жизни без насилия на местном, национальном и международном уровне.

Университеты доказали свою способность к полной мобилизации человеческих и интеллектуальных ресурсов во время войны во имя насилия. Как сказал Президент Гарварда Джеймс Конант 18 июня 1942 г., «чтобы приблизить день, когда Германия и ее союзники безоговорочно капитулируют, мы мобилизуем все интеллектуальные ресурсы этой древней обители ученых». Гарвард стал известен как «Арсенал Конанта», а мобилизация всех сил на войну полностью изменила университетскую жизнь. Студенты-физики были привлечены к работе над сверхсекретным проектом по созданию атомной бомбы в Лос-Аламос, Нью-Мехико. Как вспоминает один из тех студентов, «это было что-то вроде научной утопии... Лучшие умы свободно обменивались идеями, невзирая на возраст, должность или предыдущие достижения» (Harvard Magazine, September–October 1995: cover; 32, 43).

Не следует ли университетам, старым и новым, так же энергично заняться ликвидацией войн и всех форм убийства, которые угрожают выживанию человечества? Пока еще высшим учебным заведениям предстоит долгая дорога к ненасилию как ценности в высшем образовании, поскольку они очень неохотно вводят курсы, программы по ненасилию или включают «ненасилие» как основное понятие в очень дорогостоящие общеуниверситетские программы по «этике» или «ценностям».

Политические партии неприятия убийства

Прикладной политологии неприятия убийства необходимы политические партии, которые участвуют в решении насущных про-

блем общества. Общее название для таких партий может быть партия *ahimsa sarvodaya* (*ahimsa* – ненасилие, *sarvodaya* – благополучие всех). Такие партии должны появиться в специфических социокультурных условиях.

Целью таких партий должно быть создание местных и глобального общества неприятия убийства. Они отличаются от прежних партий тем, что выражают не классовые интересы, а общие, поскольку все получают выгоду от отсутствия убийства и наличия свободы, справедливости и материального процветания. Может существовать одновременно несколько таких партий, конкурирующих на основе ненасилия.

Ожидаемый конструктивный вклад таких партий в выборный процесс, выработку государственной политики и другую деятельность противоречит запрету, завещанному Ганди, на непосредственное участие в политической жизни. Последний совет, данный Ганди борющимся за ненасилие в декабре 1947 г., был оставаться вне политики, так как политика неизбежно коррумпирует (Collected Works 90: 223–224). Вместо этого они должны работать в гражданском обществе среди людей, чьи нужды самые насущные, влияя на политику и политиков извне. На самом деле это означает позволять другим становиться коррумпированными и принимать решения, влияющие на взимание многомиллионных сумм налогов, на жизнь миллионов людей и каждый аспект жизни общества – войну, безопасность, питание, одежду, жилье, здоровье, образование, экономику, культуру и окружающую среду, – а активисты ненасилия в это время должны будут пытаться повлиять на коррупционеров и их пособников так, чтобы они делали добро. Однако надо отдать должное предвидению Ганди: он сопроводил свой запрет следующим допущением: «Но может прийти время, когда люди скажут, что они хотят, чтобы только мы, и больше никто, стояли у власти. В этом случае можно пересмотреть нашу позицию» (223).

Естественно, что условия, благоприятные для появления партий ненасилия, будут очень различны, однако везде процесс этот будет нелегким, даже там, где представительные органы составляют часть системы управления. Политические партии неприятия убийства должны подготовиться к долговременной борьбе по самым важным для общества вопросам, таким как смертная казнь, призыв в армию, война, насильственные государственные перевороты, терроризм, геноцид, преступность, насилие, разоружение и т.д. Тем не менее результата можно добиться, применяя творческий подход, демонстри-

руя мужество, международную солидарность и готовность служить обществу.

Отделения общественной службы на принципах ненасилия

На всех уровнях управления необходимо создать отделения общественной службы с полномочиями кабинета министров. Их задачей будет следить за условиями жизни общества, поддерживать профессиональную подготовку кадров, занимающихся предотвращением убийства и посттравматической реабилитацией, и формировать политический курс, который обеспечит благополучие сообщества без насилия. Поскольку насилие влияет абсолютно на каждый аспект жизни общества, внимание к нему со стороны общественной службы не менее важно и ответственно, чем вывоз мусора или подача чистой питьевой воды.

Отделение ненасилия будет собирать статистику случаев применения насилия и выдавать рекомендации по действиям, устраняющим насилие на самых разных уровнях. Вместе с рекомендациями будут составляться периодические отчеты, подобные тем, что составляют независимые проверяющие агентства. Эти отчеты должны подчеркивать слабые и сильные стороны трансформации к ненасилию и рекомендовать более эффективные действия по решению проблем общества.

Учреждения по обеспечению безопасности

Переход к обществу неприятия убийства требует создания сил всеобщей безопасности, подобно традиционной армии и полиции, для действий по защите населения и гуманитарной помощи на земле, воде и в воздухе. Такие силы должны быть подготовлены для превентивных, антикризисных и посткризисных действий. Руководящие кадры могли бы готовить существующие военные и полицейские академии после их соответствующей перестройки или новые академии, где подготовка будет основана на принципах ненасилия. Примером для подобных академий может служить университет Шанти Сена.

Обеспечение безопасности без применения насилия означает вовлечение в этот процесс всего населения на местном, национальном и международном уровне. Этого можно добиться путем создания центров изучения ненасилия в жилых кварталах, в школах, храмах, рабочих местах; специальные центры, связанные между собой компьютер-

ной сетью, должны работать в каждом сообществе. Модели организации жителей на местах уже давно существуют и вполне применимы в данном случае.

Необходимо также создать советы безопасности на принципах ненасилия на национальном и транснациональном уровне, а также назначить атташе по культуре ненасилия при каждом дипломатическом учреждении. Советы безопасности, основанные на принципах ненасилия, нужны для противопоставления альтернатив ненасилия способам решения конфликтов, применяемым государствами, склонными к насилию. Совет Безопасности при ООН, например, мог бы состоять из представителей государств, реже всего применяющих насилие: не обладающих ядерным оружием, армией, не применяющих смертную казнь и т. д. Необходимы также разведывательные управления на принципах ненасилия, которые вместе со средствами массовой информации и гражданскими комитетами могли бы раскрывать все угрозы убийства и мобилизовать силы и средства для их предотвращения. Атташе по культуре ненасилия не менее важны, чем традиционные военные атташе; эти люди должны налаживать добрые отношения сотрудничества между всеми поборниками ненасилия в разных странах. Всемирная компьютерная сеть Интернет позволит делиться информацией, имеющей отношение ко всеобщей безопасности и, возможно, будет источником формирования мнений и представлений, не зависящих от точки зрения правительства или средств массовой информации на ту или иную ситуацию.

Институты гражданского общества на принципах ненасилия

Возможности институтов гражданского общества содействовать появлению и существованию обществ ненасилия практически безграничны. Многие из них уже существуют, и можно ожидать появления еще большего количества важных и нужных институтов.

Духовные советы на принципах ненасилия. На каждом уровне общества необходимо создать духовные советы, основанные на утверждении ценности жизни от рождения до смерти. Такие советы могли бы состоять из представителей религиозных и гуманитарных организаций, исповедующих в своих традиционных верованиях или философии принципы ненасилия. Они могли бы внести значительный вклад в открытие каждым человеком в себе и всем обществом в целом способности жить по законам неприятия убийства.

Консультационные центры на принципах ненасилия. Такие консультационные центры необходимы для поиска ненасильственных альтернатив при решении проблем общества. Такие группы, сосредоточив духовные, научные, организационные и другие ресурсы, могли бы прямо или опосредованно помогать всем, кто хочет предотвратить убийство, остановить кровопролитие и создать условия для примирения и восстановления. Здесь необходима помощь частных институтов, которые могли бы предоставлять такие консультационные услуги на основе своего опыта. Примерами могли бы служить способы разрешения конфликтов квакерами и опыт предоставления помощи другими религиозными или гуманитарными организациями.

Транснациональные союзы. В дополнение к структуре институтов неприятия убийства, которую можно было бы назвать «сверху вниз» (политические партии, отделы общественного управления и институты всеобщей безопасности), необходима структура «снизу вверх», которая собрала бы все трансформирующие институты ненасилия в единый союз. Примерами могут служить Организация Непредставленных Народов (ОНН — коалиция народностей с выраженной национальной принадлежностью, ставящая целью влиять на политику ООН ненасильственными средствами), Международная Амнистия, «Гринпис» и Международное Братство Примирения. Участникам такого союза вовсе не надо соглашаться по всем позициям, достаточно того, чтобы они стояли на позициях ликвидации убийства из жизни мирового сообщества.

Реабилитационные центры для лидеров движения за неприятие убийства. Необходимо создание центров, где лидеры ненасильственных организаций и движений могли бы восстанавливать силы, размышлять, писать и делиться опытом.

Очень часто для лидеров, занимающихся опасной, всепоглощающей борьбой за ненасилие, единственное время для отдыха — это тюремное заключение или госпитализация. Реабилитационные центры, находящиеся в разных частях мира, дали бы возможность восстановиться физически и умственно, пообщаться с коллегами из разных стран и наметить план действий на будущее. Они могут существовать на частные пожертвования или входить составной частью в институты, занимающиеся трансформацией общества на принципах ненасилия.

Центры пропаганды ненасилия мастерами искусств. Необходимо создание институтов, которые поощряли бы творческий подход к ненасилию через искусство. Ромен Роллан так цитирует Тол-

стого: «Искусство должно подавлять насилие, и лишь искусство способно на это» (Rolland 1911: 203). Изучая ненасилие в поэзии Шелли, Арт Янг замечает: «Ненасилие — это больше, чем политическая теория; это то, из чего сделана жизнь и соткана поэзия» (Young 1975: 165). Один из принципов движения последователей М. Л. Кинга гласит: «Нет песни — нет движения» (Young 1996: 161–184). Необходимо предоставить возможность художникам, поэтам и писателям собираться вместе, чтобы делиться опытом и узнавать о новых творческих подходах к воспеванию ненасилия. Среди видов искусства, «работающих» для создания общества неприятия убийства, могут быть самые разнообразные: литература, поэзия, живопись, скульптура, музыка, танцы, театр, кинематограф, телевидение, фотография, архитектура, дизайн и т. д. Искать поваторские пути, ведущие к ликвидации насилия, — очень интересная задача для искусства. Альтернативой, например, привычным детективам, где раскрываются убийства, могут быть детективы, где сыщики, используя все свое мастерство, предотвращают убийства и самоубийства.

Для поощрения лучших образцов следует установить награды за вклад в искусство, пропагандирующее ненасилие, которые не будут уступать Нобелевским премиям.

Институты исследований и анализа политики ненасилия. Подобно частным институтам, призванным консультировать правительство и общественность по всем вопросам — от международной безопасности до проблем политической, экономической, социальной и культурной жизни, институты, занимающиеся сбором информации и анализом движения за ненасилие, могли бы помогать принятию решений по важнейшим для общества вопросам. Они могли бы поддерживать усилия всех других институтов ненасилия, а также предоставлять информацию по запросам как частных граждан, так и организаций.

Средства массовой информации, функционирующие на принципах ненасилия. Мы говорим здесь не о таких средствах массовой коммуникации, которые будут стараться не замечать способности человека убивать, но о таких, которые не будут проводить мысль, что убийство неизбежно, очень часто даже полезно, и весьма занимательно. Построение политики средств массовой информации в эру перехода к ненасилию могло бы повторять логику анализа ненасилия: сначала дается глубокий анализ природы насилия, затем до сознания людей доводятся реально существующие альтернативы насилию, затем дается информация о том, как проходит трансформация,

с ее успехами и неудачами, и наконец слово предоставляется различным видам искусства, воспевающим ненасилие. Необходимо создать альтернативные виды всех средств массовой коммуникации — газет и журналов, кино и телевидения, радио и глобальной сети Интернета.

Мемориалы героям ненасилия. В каждом сообществе необходимо будет создать мемориалы, посвященные памяти людей, групп, организаций, психических героев и героинь и событий борьбы за ненасилие. Нужно будет увековечить память всех тех, кто отказывался убивать и внес свой вклад в продвижение общества по долгому пути к ненасилию. Это не означает, что нужно убрать статуи и памятники, посвященные победителям и побежденным убийцам, которые повсюду, — это наша история. Однако мемориалы ненасилию должны напоминать нам, что всегда существовали поборники ненасильственных альтернатив, столь важных для выживания общества сегодня. Среди людей, память о которых нужно сохранить, — религиозные деятели, мученики, не боявшиеся говорить правду своим мучителям, противники войн, противники применения смертной казни, певцы мира, люди, отказывавшиеся исполнять воинскую повинность, и многие тысячи мужчин и женщин, бросающие мирными средствами вызов несправедливости под угрозой заточения, пыток и смерти.

Зоны мира. Зонами мира и ненасилия могли бы стать институты гражданского общества — от уровня деревенского и городского сообщества до национальных и международных сообществ.

Примерами могут служить религиозные убежища, зоны мира, в которых расположены поселения, оказавшиеся между двумя воюющими сторонами, зоны прекращения огня, движения за общество, свободное от оружия, усилия граждан по установлению порядка и нормальной жизни в районах, контролируемых бандами преступников, и международные договоры по установлению зон, свободных от ядерного оружия. «Собирание» институтов ненасилия в такие зоны явилось бы важнейшей задачей на пути перехода обществ к неприятию убийства.

Экономические предприятия на принципах ненасилия. Если военные предприятия чрезвычайно прибыльны для немногих, хоть и очень дорого обходятся остальным, предприятия на принципах ненасилия должны быть выгодными для всех. Поскольку спрос на материальные предметы и культуру ненасилия будет расти, возможности для предпринимательства ненасилия безграничны. Одним из способов начать этот процесс может быть инвентаризация всех военных предприятий и поиск путей превращения их в предприятия для мир-

ных целей. Игрушки, связанные с войной, можно заменить мирными игрушками, видеоигры-«стрелялки» — мирными играми. Военную индустрию можно заменить индустрией разоружения, полные насилия «продукты» средств массовой информации заменить альтернативными мирными «продуктами». Примерами могут быть военные предприятия, конвертированные в обычные предприятия в мирное время.

Центры глобального неприятия насилия. Для перехода к обществу ненасилия необходимы институты, которые могли бы охватить всю картину с глобальной точки зрения. Такие центры должны быть способны аккумулировать научные, художественные и все другие ресурсы для того, чтобы направить их на освобождение человечества от насилия. Если использовать компьютерный язык, такие центры должны быть катализаторами «программного обеспечения» ненасилия, которое может служить обществу посредством «аппаратного обеспечения» правительства и институтов гражданского общества. Чтобы быть эффективными, такие центры должны быть совершенно независимыми от правительств, признающих насилие, и от влияния каких-либо частных интересов. Они могут финансироваться из благотворительных фондов, средствами от подписки населения, и т. д.

Центры неприятия насилия должны выявлять творческие возможности для перехода к обществу отказа от убийства в следующих областях: ненасилие в духовной и философской традиции; неврология и ненасилие; гендерные отношения и ненасилие; экономика и ненасилие; наука, технология и ненасилие; окружающая среда и ненасилие; образование и ненасилие; искусство, спорт и ненасилие; роль военных и полиции в переменах к ненасилию; лидеры ненасилия; будущее человечества без насилия.

Очень важной исторической задачей будет учет и регистрация всех ненасильственных глобальных культурных ресурсов каждой страны и региона. Такая информация, собранная в единое целое, поможет человечеству составить полное представление о выборе людей в пользу ненасилия.

Центры глобального неприятия насилия должны быть оснащены специальным штабом мониторинга, где вспышки насилия и убийства, угрозы убийства и все связанное с ними могли бы подвергаться систематическому интенсивному анализу, с тем чтобы можно было найти выход из трагического положения, не применяя насилие. Такие центры, используя все имеющиеся в их распоряжении ресурсы, могли бы содействовать трансформации к ненасильственной политике и подготовке всех, кто хочет, чтобы человечество выжило и процветало.

Необходимые институты ненасилия

Политология, поставившая задачу построения общества отказа от убийства, будет готовить почву для такого общества, просвещая других через специальные институты. Такие институты нужны для утверждения духовной основы ненасилия, для обмена опытом и знаниями, для выработки решений государственной политики, для построения экономики на принципах ненасилия, для всеобщей безопасности и для утверждения жизни в искусстве и во всех видах деятельности.

Переходные задачи требуют создания специальных центров глобального ненасилия, отвечающих ненасильственным нуждам всех живущих на земле. Такие центры будут создаваться совместными усилиями многих людей, отвергающих насилие. Каждый политолог и каждый человек может быть своего рода *центром* глобального ненасилия, чтобы внести свой вклад в построение мира без убийства.

Глава 6

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ НЕПРИЯТИЯ УБИЙСТВА

Мы вошли в новую эру. Старые методы и решения не годятся больше. У нас должны быть новые идеи, новые мысли, новые представления... Мы должны вырваться из смиренной рубанки прошлого.

Генерал Дуглас МакАртур

У кого-то из нас должно хватить здравого смысла и сил, чтобы порвать доставшиеся нам от истории цепи насилия и разрушения.

Мартин Лютер Кинг

Весь исторический опыт подтверждает это – человек не мог бы добиваться возможного, если бы снова и снова он не стремился бы к невозможному.

Макс Вебер

Мы ежедневно наблюдаем, как невозможное еще вчера становится возможным сегодня.

Мохандас Ганди

К освобождению от убийства

Пришло время рассматривать убийство людей как проблему, требующую решения, а не смиряться с этим как с чем-то неизбежным и неизбывным. Умышленное убийство людей, по одному или целых масс, приняло форму патологического самоуничтожения. Убийство, которое было призвано освободить, защитить и обогатить, стало вме-

сто этого источником неуверенности, обнищания и угрозы выживанию человечества и всей планеты. Человечество страдает от того, что Крейг Комсток назвал «патологией защиты», когда средство защиты само становится источником самоуничтожения (Comstock 1971). Оружие, приобретенное в целях защиты от грабителей, убивает членов семьи, телохранители убивают глав государств, которых они должны охранять, армии творят насилие над своим собственным народом, ядерное оружие угрожает уничтожением своим же изобретателям и хозяевам. Нам всем необходима Декларация Независимости от Насилия внутри нас самих и в нашем обществе.

Достижение задуманного человечеством через насилие в современную эпоху привело к неисчислимым жертвам кровопролития, экономическим проблемам и психологическим травмам, отозвавшимся ужасным эхом в нескольких поколениях. Надежды человечества в два последние века были выведены на знаменах Французской революции — «liberté, égalité, fraternité» — «свобода, равенство, братство». Убийство во имя свободы — наследие Американской революции. Убийство во имя равноправия — наследие Русской и Китайской революций. Убийство во имя мира — наследие целых двух веков бесконечных войн, революций и контрреволюций. Урок, который необходимо извлечь, — настоящая свобода, равенство и братство не могут быть достигнуты без ликвидации традиций убийства. Мы должны, наконец, усвоить это урок — к этому призывают миллионы принесенных в жертву во имя добра и зла.

Усвоить урок — значит поставить под сомнение один из самых основополагающих тезисов политической науки — а именно, что убийство неизбежно и есть благо для человечества.

Аналог этому можно найти в истории медицины — когда была свергнута с пьедестала теория так называемого «благодетельного гноя». Целых 17 веков в медицине господствовал тезис чрезвычайно авторитетного древнегреческого ученого Галена (130-200 гг. н. э.), что гной, возникающий вокруг раны, есть способ самозащиты и самоочищения организма. Это утверждение было опровергнуто только в 1867 г. Листером, опубликовавшим в журнале «Ланцет» статью «О принципе антисептики в хирургической практике», которая привела, хоть и не сразу, к изобретению и применению антисептических средств (Ask-erknecht 1982: 77; Garrison 1929: 116; 589-590). Вера в то, что убийство естественно и благотворно влияет на политику, — это теория «благодетельного гноя» политологии.

Если политологи, ученые, посвятившие свою жизнь изучению по-

литической власти во всех ее многообразных проявлениях от семейной жизни до войны, не сомневаются в истинности тезиса о неизбежности убийства, как можно ожидать этого от политических лидеров или обыкновенных граждан? И тем не менее на протяжении всей истории, и особенно в последнее время появляются лидеры и граждане, которые без помощи политологии стремятся достичь свободы, равенства и мира путем ненасилия. В XX в. учения Толстого, Ганди, Абдул Гафар Хана, Мартина Лютера Кинга, и Петры Келли, проводимые в жизнь такими лидерами, как Далай Лама, Сая Су Чжи и Дессмонд Туту, которых поддерживают многочисленные неизвестные герои и героини, это провозвестники могущественной ненасильственной политики будущего.

Суждено ли будет политологам, столь упорно державшимся за *status quo* убийства, осторожно следовать по стопам людей и движений, делающих возможное и невозможное для торжества ненасилия, — совсем как прихлебателям авторитарных режимов, которые цепляются за них до тех пор, пока гнев народный не сметет их на своем пути? Неужели только после этого политологи вольются в ряды празднующих торжество демократического ненасилия? Или все же политология пойдет другим путем — подобно медицине, она посвятит себя исследованию патологии убийства и открытию новых методов лечения и лекарств, которые станут доступны всем, кто хочет ликвидировать убийство на всей планете?

Тезис о способности отказываться от убийства

Мы утверждаем, что общество неприятия убийства возможно и что изменения в академической дисциплине политологии и ее социальной роли могут содействовать возникновению такого общества. Для обоснования возможности общества неприятия убийства существуют семь аргументов:

- большинство людей не убивают;
- могущественный потенциал отказа от убийства содержится в духовном наследии человечества;
- наука демонстрирует способность человека выбирать ненасилие;
- элементы переходной политики к ненасилию в виде отмены смертной казни и признания права отказа от выполнения воинской повинности присутствуют в политическом курсе даже тех государств, которые принимают насилие;
- уже в наше время существуют институты, основанные на прин-

ципах ненасилия, которые могут служить функциональными эквивалентами обществ неприятия убийства;

— ненасильственные народные выступления за политические и социальноэкономические перемены демонстрируют альтернативу революционному кровопролитию;

— корни традиций и опыта ненасилия можно найти в исторических традициях многих стран.

В конечном же счете переход к обществу неприятия убийства зависит от усилий простых людей, мужчин и женщин, известных и не очень, своим мужеством и всей жизнью демонстрирующих, что такое общество возможно.

Что это значит для политологии

Известно, что люди способны как пойти на убийство, так и отказаться от него, и это может быть обусловлено как их биологической природой, так и воспитанием. Однако известно также, что большинство людей никогда не убивали и что уже существует ряд институтов, функционирующих на принципах неприятия убийства, и эти институты могли бы служить прототипическими компонентами общества ненасилия. Более того, настоящие и будущие достижения науки смогут предоставить информацию для устранения причин убийства и создания условий для общества без насилия. В свете всего этого, принятие тезиса о неизбежности убийства в качестве краеугольного камня академической дисциплины политологии становится, по меньшей мере, проблематичным. Политология должна поставить под сомнение представление об убийстве как о чем-то присущем человеческой природе; вместе с другими дисциплинами она должна обращаться к эпизодам ненасильственной политики в прошлом и в настоящем, находить потенциал ненасилия в будущем и распространять эти знания путем исследований, обучения и служения обществу.

Основные элементы, которые необходимо соединить вместе, чтобы произошел переход к ненасилию, следующие: ДУХ (Д) — глубокая приверженность отказу от убийства, вдохновленная всеми религиями и философиями; НАУКА (Н) — знания, раскрывающие причины выбора убийства или отказа от убийства; МЕТОДЫ (М) — способы выражения духа и науки в действии; ИСКУССТВО (И) — воодушевление, которое музыка и другие виды искусства вносят в борьбу за ненасилие, сделав ее жизнеутверждающей. Чтобы соединить и усилить действие этих четырех элементов, необходимы Демократическое Ру-

ководство (Р), Гражданская Компетентность (К), Специальные Институты (И) и поддерживающие Ресурсы (Р).

Сочетание всех элементов будет выглядеть так:

$$\text{ДНИМ} \times \text{РКИР} = \frac{\text{ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ}}{\text{К НЕПРИЯТИЮ УБИЙСТВА}}$$

Теория и исследования

Чтобы попытаться остановить убийство людей, политология должна заняться четырехчастной логикой политического анализа, который может предоставить знания, необходимые для предотвращения объединения сил, ведущих к убийству, от геноцида и уничтожения городов атомными взрывами до полного уничтожения жизни на земле. Убийство должна переместиться с периферии внимания политологии в самый центр и подвергнуться тщательному анализу. Необходимо понять причины убийства, причины выбора в пользу отказа от убийства; причины перехода от убийства к отказу от него и наоборот и сформулировать основные черты обществ неприятия убийства. Такие знания необходимы для поиска ненасильственных альтернатив и действий в зонах воронки убийства — нейробиологической, структурного усиления, зоны фактора культуры, социализации и зоны убийства.

Образование и подготовка

Основной целью образования и подготовки в области политологии становится воспитание творческого подхода и умений в решении проблем общества.

После ознакомления с самым ужасным наследием насилия в истории человечества и вдохновляющими свидетельствами способности людей творчески применять ненасильственные методы, учебная программа должна предлагать для изучения логику политического анализа ненасилия и способы нахождения решений самых насущных проблем общества. Студенты рассматривают причины, приводящие к убийству и отказу от него, и прототипы основных черт обществ без убийства и насилия. Перед ними ставятся следующие проблемы: убийство отдельных людей, геноцид, демоцид, разоружение; нарушения прав человека; уничтожение окружающей среды и т. д. Им предлагаются методы решения проблем: исследования, преподавание, руководство и критика. На основе всего вышеизложенного предлагается написать собственных проектов, индивидуальных и групповых,

ставящих своей целью решение определенных проблем. Университет Шанти Сена — прекрасный пример подготовки лидеров для службы обществу.

Аспирантура предполагает продвинутую подготовку для работы в политике, правительстве и гражданском обществе с целью осуществления социальных перемен и предотвращения насилия. Формируются рабочие группы для продвижения передовых методов в исследовании, образовании и действиях по предотвращению убийства.

Подготовка докторов наук ставит своей целью воспитание профессионалов, творчески относящихся к делу и умеющих пробуждать творческое начало в других. Не всем удастся довести до совершенства каждый навык, но все могут делиться друг с другом пониманием задач и поддерживать удачные находки и разработки других своих коллег. Курс докторантуры требует интенсивного изучения основ политологии ненасилия, понимания основных нужд общества на местном и международном уровне, подготовки к научному руководству, знания качественных и количественных методов исследования (включая языки) и участия в передовых проектах.

От ученого — руководителя и лидера требуется самая разносторонняя подготовка и умение играть самые различные социальные роли. Очень важно делиться автобиографическим опытом о происхождении ненасильственных убеждений. Необходимо уметь стимулировать творческий потенциал студентов и коллегиальность в работе ученых и сотрудников факультета.

Необходимо сотрудничать с другими факультетами и средствами массовой информации. Нужно быть также готовым непосредственно выступать в качестве лидера общественного движения (Greenleaf 1977).

В своих собственных внутренних взаимоотношениях факультет политологии должен стараться проявлять черты общества неприятия убийства. Это значит — проводить политику веротерпимости и гуманистического уважения к жизни, нести ответственность за благополучие всех, создавать условия для того, чтобы все участвовали в процессе принятия решений, уважать достоинство и самобытность каждого, распределять руководящие обязанности между всеми, быть готовыми призвать сторонних консультантов для решения кажущегося неразрешимым конфликта путем ненасилия, принимать помощь представителей других дисциплин и профессий, и признавать, что ростки общества неприятия убийства заложены в каждом из нас и в нашем обществе.

С выпускниками, которые будут работать в области образования, коммуникации и других, необходимо установить долговременную и прочную двустороннюю связь, так как их опыт может помочь поиску нужд общества, усовершенствовать преподавание и находить более эффективные способы решения проблем. Какими бы разными ни были те, кто посвящает свою жизнь политологии неприятия убийства, все они должны работать вместе на общее дело.

Решение проблем общества

Проблемы в различных социальных контекстах могут быть очень разными; пять из них наиболее важны: насилие и разоружение, экономическое неравенство, грубое нарушение прав человека, загрязнение окружающей среды и несвоевременное удовлетворение насущных нужд. Все это связано с проблемой насилия и усугублено ею. Существует высказывание «нет мира без справедливости», которое подразумевает, что к насилию и войне будут прибегать, если встанет необходимость исправить несправедливость. Однако с позиций ненасилия это высказывание должно звучать так: «нет справедливости без неприятия убийства», поскольку именно убийство и угроза его осуществления вызывают несправедливость, как, например, это произошло в случае с неравноправием женщин. Петра Келли отмечает: «Неравное распределение между полами власти, ресурсов и обязанностей закреплено в древних традициях, законах и подкреплено, когда это необходимо, мужским насилием» (Kelly 1994: 15).

Вовлеченность политологии в решение проблем не означает, что эта наука найдет ответы на все вопросы, но это означает, что применение знаний, почерпнутых из политического анализа неприятия убийства и из принципов и практики ненасильственных действий, может помочь решению проблем общества; при этом прогресс будет достигнут «в обход» демократической традиции, основанной на насилии (Goldman 1990).

Институты

Новые задачи политологии ненасилия требуют имплементации их с помощью институтов. Это могут быть новые институты, или перестроенные старые факультеты политологии, или даже целые университеты, центры невоенизированной подготовки типа университета Шанти Сена, институты сил безопасности на принципах ненаси-

лия, политические партии ненасилия и ненасильственные инновации в каждом секторе жизни общества. В создание таких институтов и рестройку уже существующих должны быть вовлечены все, кто изучает и практикует политологию.

Препятствия и источники вдохновения

На заре XXI в. перед политологией стоит важнейшая задача содействовать созданию глобального общества неприятия убийства. Выполнение этой задачи не только желательно, но и крайне необходимо. Политологи не могут уйти от этой ответственности, ссылаясь на «реалистический» научный нейтралитет, который на самом деле означает приятие убийства. Такой нейтралитет всегда был только маской. Если бы он действительно существовал, политологам было бы абсолютно все равно, свободен тот мир, в котором они живут, или нет, справедлив он или нет, богат или беден, в мире или войне, побеждает или побежден. Они находили бы удовлетворение, внушая своим студентам, что у политологов нет своих предпочтений и что поэтому они не строят свои исследования на предпочтении каких-то одних ценностей. Тогда для них не стоял бы выбор между Холокостом Гитлера и сатьяграхой Ганди.

Политологи не могут также уклониться от задачи построения общества неприятия убийства на том основании, что другие ценности — свобода, равенство или безопасность — важнее, чем неприятие убийства. Отказ от убийства важен, по крайней мере, в равной степени, поскольку для человечества наступило время, когда все эти ценности будут уничтожены, если этика ненасилия не будет соблюдаться в политической науке и политической жизни. Материализм и мораль пришли к тому же выводу. Если наши традиции учили нас, что мы должны убивать, чтобы быть свободными, равноправными и защищенными, настоящее учит нас, что если мы не воздержимся от убийства, не только свобода и равенство будут в опасности, но и само наше выживание будет под вопросом. Мы достигли точки, когда теория и практика политологии должны сплотиться с силами общества и природы, поддерживающими жизнь. Это не только морально и разумно, но и просто необходимо для политологии.

В процессе перехода, безусловно, политология столкнется с оппозицией — теми силами, которые существуют и процветают благодаря насилию. Среди них — силовые службы государств и их противники, а также те, кто получает экономическую, политическую и психоло-

гическую пользу от культуры убийства. Среди них — хотя и далеко не все — ветераны войн и революций, их потомки и те, кто гордится одобряемым обществом «оправданным», «правым» насилием. Отдавая почести павшим на мемориальных кладбищах, мы «запрограммированы» не испытывать сочувствия к павшим противникам и готовы приносить себя в жертву таким же образом вместо того, чтобы сделать все для предотвращения подобного.

Однако есть одни из самых уважаемых военных героев, которые поддерживают идеи прекращения кровопролития. Среди них — генерал Дуглас МакАртур, который призывал к ликвидации войны как императиву «научного реализма» в своей речи, обращенной к Американскому Легиону в 1955 г.:

Вы мне тотчас возразите, что хотя исчезновение войн было мечтой человечества на протяжении веков, любая попытка в этом направлении сейчас же отменялась, как невозможная и фантастическая. Все циники, пессимисты, любители приключений и головоломок в мире всегда отрицали осуществимость этой мечты. Но все это было до того, как наука за последние десятилетия сделала реальностью массовое уничтожение. Аргументы сторонников отказа от войны были основаны на принципах морали и духовности и не возымели эффекта... Однако теперь грандиозная эволюция ядерного оружия и других способов уничтожения перенесли вопрос из сферы морального и духовного в область научного реализма. Теперь это не вопрос этики, над которым могут размышлять только философы и религиозные деятели; это вопрос жизни и смерти для всего населения земли... Наши лидеры медлят... Они никак не хотят признать простую истину, что следующий виток цивилизации не может произойти, пока не будет ликвидирована война... Наступит ли время, когда у какого-нибудь наделенного властью лидера достанет воображения, чтобы перевести это всеобщее желание в реальность? Мы вошли в новую эру... Старые методы и решения не годятся больше. Мы должны искать новые теории, новые идеи, новые представления... Мы должны вырваться из смиренной рубашки прошлого (Cousins 1987:67-69).

Новые ненасильственные, видоизмененные лозунги Французской революции слышны в речах другого генерала, а позже президента Соединенных Штатов Дуайта Эйзенхауэра, предупреждавшего об опасности влияния милитаризации на свободу, равенство и братство.

О свободе: «В нашем правительстве мы должны опасаться возрастания влияния, намеренного или ненамеренного, военно-индустриального комплекса. Мы никогда не должны допускать, чтобы это влияние поставило под угрозу наши свободы или демократические процессы. Мы ничего не должны принимать как должное» (Прощальное обращение к нации. 17 января 1961 г.). *Об экономическом равенстве:* «Каждая произведенная пушка, каждый спущенный на воду военный корабль, каждая запущенная ракета, в конечном счете, означает, что те, кто голодает, не получают пищи, а те, кто страдает от холода, не получают одежды» (Речь перед Американским обществом редакторов газет. 16 апреля 1953 г.). *О братстве:* «Я думаю, что люди жаждут мира так сильно, что в ближайшем будущем правительства должны, наконец, пойти им навстречу и позволить людям жить в мире» (Телевизионное интервью Би-Би-Си. 31 августа 1959 г.).

Выступая 4 декабря 1996 г. перед Клубом Национальной Прессы в Вашингтоне, округ Колумбия, бывший командующий всеми боевыми ядерными силами Соединенных Штатов генерал Джордж Ли Батлер призвал к полному уничтожению — а не просто к ограничению — ядерного оружия; по его мнению США как государство — создатель этого оружия должно возглавить процесс уничтожения; иначе, считал генерал, у США нет морального права удерживать другие страны от его приобретения. Генерал так сформулировал причины: «Ядерное оружие по самой своей природе опасно, чрезвычайно дорого, с военной точки зрения неэффективно и морально неоправданно». Таким образом, генерал Батлер пришел к тому же выводу, что и мыслящие американцы, такие как участники движения «Мечи на плуги», сопротивление которых ядерному оружию по-прежнему приводит к заключению в федеральных тюрьмах. Логика движения ядерных аболиционистов также может быть включена в арсенал средств борьбы против убийства.

Если сами генералы, эксперты в профессии убивать, могут поднимать такие вопросы относительно устоявшихся представлений о назначении своего занятия и его отношении к обществу, неужели политологи не могут ставить под сомнение приятие насилия как основной тезис в своей профессии и бороться за создание общества неприятия убийства?

Возможно, большинство американских политологов и тех их коллег за рубежом, кто разделяет американскую концепцию политики, не знают об обстоятельствах, которые сопутствовали созданию политологии как академической дисциплины в Соединенных Штатах. Одним

из толчков к этому была клятва, данная в 1863 г. на поле боя молодым солдатом армии северян Джоном Берджессом, неспящим почной дозор после кровавой битвы с конфедератами, продолжавшейся в западном Теннесси целый день:

Дождь все еще лил как из ведра; зловещие стрелы молний еще пронзали пессимистичное небо, а раскаты грома разносились словно залпы тяжелой артиллерии в поднебесье. Со страшным ревом и грохотом природы сменялись крики раненых и умирающих животных и стоны раненых и умирающих людей. Та ночь была ужасной даже для самых закаленных солдат; для меня же, такого в ту пору неопытного и чувствительного, это было неописуемо ужасно и до сих пор живет в моей памяти страшным кошмаром. Но именно в самый тяжелый момент этой ночи ко мне впервые пришла мысль о будущем деле всей моей жизни. Глаза мои напряженно всматривались в темноту, уши ловили шаги приближающегося врага, а губы как бы сами собой шептали: «Нужели человек, разумное творение, созданное по образу и подобию Господа нашего, не в силах разрешить проблемы своего существования, не прибегая к разрушению физического насилия?». И я поклялся тогда перед Богом, что если Провидение не даст мне погибнуть в горниле этой войны, я весь остаток своих дней отдаю на то, чтобы жить, руководствуясь разумом и компромиссом, не прибегая к кровопролитию и уничтожению (Burgess 1834: 28).

Выполняя данное им обещание, Берджесс получил высшее образование в Германии и, вернувшись домой, основал Школу Политологии в Колумбийском колледже Нью-Йорка в 1880 г.

Препятствия, испытанные профессором Берджессом на своем пути, являются прообразом трудностей, которые возникнут перед каждым политологом, вставшим на путь построения общества без убийства. Трудности эти могут быть и незначительными, и очень суровыми и потребуют мужества и международного сотрудничества для их преодоления. Относясь к немцам как своим братьям, Берджесс был противником вступления США в первую мировую войну. Он так вспоминал о том дне, 6 августа 1917 г., когда это случилось: «...от одного жестокого удара весь труд моей жизни рассыпался в прах». В разгар войны против Германии он жаловался, что «на мирного и разумного человека сейчас смотрят как на предателя и труса» (29). Профессор Берджесс испытал тяготы, приходившиеся на долю многих

и многих миротворцев, преследуемых своими антагонистами и отставивших свое дело иногда ценою собственной жизни.

Политология неприятия убийства должна соблюдать призыв Ганди быть «правдивой, спокойной и бесстрашной»; призыв этот вдохновлен глубоким гуманистическим уважением к жизни. Для следования ему необходимо мужество. В наше время, когда вокруг льется кровь, политологи должны быть преданными принципам уважения к жизни не меньше, чем крестьяне Гражданского Общества Пчел (*Sociedad Civil Las Abejas*), созданного в 1992 г. в мексиканском районе Чиapas. Члены этого общества борются за справедливость мирными средствами, в то время как воинственные повстанцы Запатисты сражаются против жестокого правящего режима с оружием в руках. Они разделяют негодование Запатисты, но идут другим путем: «Мы верим в Слово Господа. Мы знаем, как нужно читать Библию. Мы должны любить врагов наших; мы не можем убивать. Все мы такие же бедные крестьяне, братья и сестры. . . Мы не боимся умереть. Мы готовы умереть, но не убивать» (*Peace News*, July 1998: 13, 14).

Почему принципиальная убежденность в необходимости ненасилия всегда идет «снизу вверх» — от индийцев, томящихся под гнетом британской колонизации, от афроамериканцев, находящихся под расовым гнетом, или от бедных мексиканских крестьян?

Почему не «сверху вниз» — от местных, национальных, международных и глобальных элит, включая ученых-политологов?

Как свидетельствуют исследования о способности человека делать выбор в пользу ненасилия, есть основания верить, что человечество может встать на путь глобальной трансформации к отказу от убийства. Практически все компоненты общества ненасилия уже существовали на том или ином этапе истории; их просто необходимо выделить, откорректировать и адаптировать к местным и глобальным нуждам и условиям. Мы не должны повторить кровавые ошибки человечества; следовательно, мы должны действовать, чтобы остановить кровопролитие и сделать возврат к нему невозможным.

Как отмечают антропологи Клейтон и Кэрол Робарчек (1998), поразительное сокращение количества убийств у народности ваорани в Эквадоре всего лишь за 30 лет после 1958 г. показывает, что люди могут очень быстро перейти к отказу от убийства. Ваорани были известны антропологам как «общество с самым высоким уровнем насилия», так как за прошлое столетие 60% смертей в этой народности было насильственных. Показатель убийств был 1000 на 100 тыс. населения при уровне 10 убийств на 100 тыс. населения в США.

Однако за три десятилетия показатель убийств у ваорани упал до 60 на 100 тыс. населения. Основная заслуга в этом принадлежит двум мужественным женщинам — христианским миссионерам — вдове и сестре убитых мужчин, пытавшихся контактировать с племенем в 1956 г. Им помогли несколько женщин племени, а также принятие новой системы ценностей, не основанных на насилии. Женщины ваорани отважились выйти во «внешний» мир, и принесли оттуда информацию, что чужаки — не каннибалы. Кроме того, сами члены племени уже давно устали от бесконечных vendett, в которых погибали целые семейные кланы. Были основаны церкви, в которых люди приносили клятвы не убивать больше. Снижение количества убийств произошло без вмешательства полиции и без предшествующих социально-экономических перемен. Напротив, структурные изменения стали происходить после духовного обращения к ненасилию и получения новой информации. Чета Робарчеков сделала очень важные выводы о человеческом поведении на основе этого сдвига ценностей, хотя еще и незаконченного:

Люди — не пассивные машины, приводимые в действие экологическими, биологическими или даже социокультурными факторами; они сами принимают решения, выбирая из целого набора возможных вариантов и ограничений, преследуя личные и культурно-обусловленные цели в определяемой культурой реальности, которую они постоянно строят и переопределяют (Robarchek 1998: 4).

С позиций политологии неприятия убийства опыт племени ваорани свидетельствует о том, что потенциал к трансформации заложен в природе людей. То, что могут делать члены племени ваорани, может делать и политология как наука на службе обществу. Предстоит проделать грандиозную работу, так как мир, подобно племени ваорани, не свободен от убийства. Хотя существование отдельных общин без убийства возможно уже сейчас, для того, чтобы все общество на земле оказалось от убийства, дух и практика ненасилия должны стать всеобщими.

Глобальный императив

Политология неприятия убийства должна быть глобальной: глобальной по размаху открытий, разнообразию и эффективности; глобальной по духу, научности, мастерству, институтам и ресурсам; гло-

бальной по развитию творчества в руководстве и умению всех поддерживать инициативы, утверждающие жизнь; глобальной по приверженности удовлетворению основных человеческих нужд; глобальной по решимости положить конец убийствам во всем мире; глобальной по участию всех, ибо ни одно общество или дисциплина не могут обладать всеми необходимыми знаниями или ресурсами; глобальной по уважительному отношению к разнообразию и заботе о благополучии всех людей; глобальной по взаимной поддержке тех, кто изучает, преподает и действует во имя прекращения эры убийства, ведь именно убийство препятствует полному воцарению на земле свободы, равенства, благополучия и мира.

Конечная цель прекращения убийства в жизни всех людей подразумевает переход от политологии, принимающей насилие, к политологии, отвергающей его во имя любви, благополучия и свободы выражения творческого потенциала человечества.

Возможно ли общество неприятия убийства?

Возможна ли глобальная политология неприятия убийства?

ДА!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Соединенных Штатах некоторые патриоты прямо призывали к убийству в «благородных целях»: чтобы не быть голословным, ниже привожу призыв поддержать вступление Америки в Первую Мировую войну сенатора-демократа от Оклахомы Роберта Л. Оуэна, зафиксированный в Протоколах Конгресса от 16 апреля 1917 года: «Господин Президент, в одной из наших газет несколько дней назад я нашел передовую статью, написанную Тамсом Биксби, эсквайром, бывшим председателем Комиссии Доуса. Статья дышит искренним чувством патриотизма, которое, по моему мнению, очень уместно в настоящих условиях. Она очень короткая. Она называется «Вперед, солдаты Христа!»»

Соединенные Штаты Америки, основанные отцами-пилигримами, из любви и преданности Господу нашему, накануне годовщины Его распятия, объявили войну.

Это совпадение не случайно и очень знаменательно. Патриотически настроенные американцы пойдут на войну не только как защитники свободы и человечности, но и как солдаты Креста. Так же как Он умирал на кресте за все человечество почти 2 тысячи лет тому назад, американцы будут умирать на поле боя во имя лучшего мира.

Кровь молодых американцев очистит этот мир от алчущих варваров, которые забыли учение Спасителя нашего. Благородные страдания и смерть сделают их ближе Господу.

Америка, без страха в сердце, сильная своей правотой, вступает на путь войны. В наших душах нет ненависти; мы не хотим зла нашим врагам; мы не идем, чтобы завоевать или получить материальную награду. Америка, верная традициям своего основания, поведет благородную, христианскую войну. Мы готовы умереть, чтобы принести еще раз на эту землю послание мира и доброй воли. В этот священный час Америка молится за своих врагов, как молился наш Спаситель: «Отец, прости им, ибо не ведают, что творят».

Призыв к оружию прозвучал. Америка, защитница справедливости, цивилизации, и христианства, с чистым сердцем, смело идет вперед. Среди шума и криков битвы слышен гимн объединенных союзников человечества: «Вперед, солдаты Христа!»» (Congressional Record, 65th Cong., 1st sess., 1917. Vol. 55. Pt 1. P. 719).

² Севильское Обращение подписали: Дэвид Адамс, психология, США; С. А. Барнетт, этология, Австралия; Н. П. Бехтерева, нейрофизиология, СССР; В. Ф. Картер, психология, США; Х. Р. Дельгадо, нейрофизиология, Испания; Х. Л. Диас, этология, Мексика; А. Элиаш, психология индивидуальных различий, Польша; С. Дженовес, биоантропология, Мексика; В. Е. Гинзбург, генетика, США; Д. Гребел, социальная психология, ФРГ; Самир-Кумар Гош, социология, Индия; Р. Хинд, поведение животных, Великобритания; Р. Е. Лики, физическая антропология, Кения; Т. Х. Малази, психиатрия, Кувейт; А. М. Рамирез, психобиология, Испания; Ф. М. Сарагоза, биохимия, Испания; Д. Л. Мендоза, этология, Испания; А. Нэнди, политическая психология, Индия; Д. П. Скотт, поведение животных, США; Р. Велстром, Психология, Финляндия.

³ Партия Братства — The Fellowship Party, 141 Woolacombe Road, Blackheath, London, SE3 8QP, UK.

⁴ Союз 90/ Партия Зеленых — Bundeshaus, Bonn 53113, Germany.

⁵ Пацифистская партия Соединенных Штатов — 5729 S. Dorchester Ave, Chicago, Illinois 60617, USA. <http://www.geocities.com>

⁶ Партия Сародайя — Unnitham Farm, Jagatpura, Malaviya Nagar P.O., Jaipur 302017, Rajasthan, India.

⁷ Транснациональная Радикальная партия — 866 UN Plaza, Suite 408, New York, N.Y. 10017, USA. <http://www.agora.stm.it> or: www.radicalparty.org

⁸ Результаты голосования членов Палаты Представителей были следующими: 373 — за, 50 — против, 9 воздержались. Поименно все 50 проголосовавших против: Эдвард Элмон, демократ, Алабама; Марк Вэйкон, республиканец, Мичиган; Фредерик Бриттен, республиканец, Иллинойс; Эдвард Браун, республиканец, Висконсин; Джон Бернетт, демократ, Алабама; Уильям Керри, республиканец, Висконсин; Денвер Черч, демократ, Калифорния; Джон Коннелли, демократ, Канзас; Генри Купер, республиканец, Висконсин; Джеймс Дэвидсон, республиканец, Висконсин; Чарльз Дэвис, республиканец, Миннесота; Перл Декер, демократ, Миссури; Кларенс Дин, демократ, Вашингтон; Чарльз Дилон, республиканец, Южная Дакота; Фредерик Доминик, демократ, Южная Каролина; Джон Эч, республиканец, Висконсин; Чарльз Феллер, республиканец, Иллинойс; Гилберт Хейг, республиканец, Айова; Эверис Хэйес, республиканец, Калифорния; Уолтер Хенсли, демократ, Миссури; Бенджамин Хиллиард, демократ, Колорадо; Гарри Халл, республиканец, Айова; Уильям Айгу, демократ, Миссури; Ройял Джонсон, республиканец, Южная Дакота; Эдвард Китинг, демократ, Колорадо; Эдвард Кинг, республиканец, Иллинойс; Мозес Кинкейд, республиканец, Небраска; Клод Китчин, Демократ, Северная Каролина; Харольд Кнатсон, республиканец, Миннесота; Уильям ЛаФолетт, республиканец, Вашингтон; Эдвард Литтл, республиканец, Канзас; Мейер Лондон, социалист, Нью-Йорк; Эрнест Ландин, республиканец, Миннесота; Аткинс МакЛемор, демократ, Техас; Уильям Мейсон, республиканец, Иллинойс; Адольфус Нельсон, республиканец, Висконсин; Чарльз Рэндалл, прогиби-

ционист, Калифорния; Джанет Равкин, республиканка, Монтана; Чарльз Ривиз, республиканец, Небраска; Эдвард Робертс, республиканец, Невада; Уильям Роденберг, республиканец, Иллинойс; Дорси Шаклфорд, демократ, Миссури; Айзак Шервуд, республиканец, Огайо; Чарльз Слоан, республиканец, Небраска; Уильям Стэффорд, республиканец, Висконсин; Карл Ван Дайк, демократ, Миннесота; Эдвард Вуат, республиканец, Висконсин; Лорен Уиллер, республиканец, Иллинойс; Фрэнк Вудс, республиканец, Айова (Congressional Record, 65th Cong., 1st sess., 1917, Vol. 55, Pt 1, P. 413).

⁹ Сенат проголосовал следующим образом: 82 — за, 6 — против и 8 воздержались. Сенаторы, проголосовавшие против войны: Аль Гронна, республиканец, Северная Дакота; Роберт ЛаФолетт, республиканец, Висконсин; Гарри Лейн, демократ, Орегон; Джордж Норрис, республиканец, Небраска; Уильям Стоун, демократ, Миссури; Джеймс Вардаманн, демократ, Миссисипи (Ibid.).

¹⁰ Лауреаты Нобелевской премии, подписавшие Манифест об экономическом «холокосте»: Винсент Александр, литература, 1977; Ганс Альфвен, физика, 1970; Филиш Андерсон, физика, 1977; Кристнаан Аффинсен, химия, 1972; Кеннет Эрроу, экономика, 1972; Джулиус Аксельрод, медицина, 1970; Сэмюэль Бекетт, литература, 1969; Барух Бенацераф, медицина, 1980; Генрих Белль, литература, 1972; Норманн Эрнест Борлауг, премия мира, 1970; Оуэн Шамберлен, физика, 1959; Мэйрид Корриган, премия мира, 1976; Андре Курнан, медицина, 1956; Жан Доссе, медицина, 1980; Джон Экклес, медицина, 1963; Одиссей Элитис, литература, 1979; Эрнест Отто Фишер, химия, 1973; Роже Гуильмон, медицина, 1977; Одд Хассел, химия, 1969; Жерар Херцберг, химия, 1971; Роберт Хофстадтер, физика, 1961; Франсуа Жаккоб, медицина, 1965; Брайан Джоузефсон, физика, 1973; Альфред Кастлер, физика, 1966; Лоренс Клейн, экономика, 1980; Поликарп Куц, физика, 1955; Сальвадор Луриа, медицина, 1969; Андре Львофф, медицина, 1965; Шон МакБрайд, премия мира, 1974; Свеслав Милош, литература, 1980; Егенио Монтале, литература, 1975; Невилл Мотт, физика, 1970; Гунар Мирдал, Экономика, 1974; Даниэль Натанс, медицина, 1978; Филипп Ноэль-Бейкер, премия мира, 1959; Адольфо Переш Эсквисел, премия мира, 1980; Родни Портер, медицина, 1972; Илья Пригожин, химия, 1977; Исидор Айзак Раби, физика, 1944; Мартин Райл, физика, 1974; Абдус Салам, физика, 1979; Фредерик Санжер, химия, 1958 и 1980; Альберт Сзент-Георгиу, медицина, 1937; Хьюго Теорелль, медицина, 1955; Ян Тиньберген, экономика, 1969; Николас Тиньберген, медицина, 1963; Чарльз Таунс, физика, 1964; Ульф фон Эйлер, медицина, 1970; Джордж Уолд, медицина, 1967; Джеймс Дьюи Уотсон, медицина, 1962; Патрик Уайт, литература, 1973; Морис Уилкинс, медицина, 1962; Бетти Уильямс, премия мира, 1976.

ЛИТЕРАТУРА

Эпиграфы

Альфред Норт Уайтхед — *Alan L. Mackay*, comp. A Dictionary of Scientific Quotations. Bristol, UK: Institute of Physics Publishing, 1991, P. 262.

Глава 1. Бертран Рассел — *Russell B.* Wisdom of the West. New York, 1977. P. 10; Джавахарлал Неру — *Nehru J.* An Autobiography. New Delhi, 1982. P. 409.

Глава 2. Daniels and Gilula, 1970: 27.

Глава 3. Рамачандран, Выступление на конференции «Молодость за Мир» в университете Керала, Индия, 23 февраля 1986 г.

Глава 4. Nobel Prize Winners, 1981: 61.

Глава 5. Алексис де Токвиль цит по: Wilson, 1951: 244; *Kelly P.* Thinking Green! Berkeley (Calif.) 1994. P. 38.

Глава 6. Генерал Дуглас МакАртур цит по: Cousins 1987: 69; Мартин Лютер Кинг «Будущее интеграции» — речь на встрече в Манчестер Колледж, Индиана, 1 февраля 1968 г.; Макс Вебер цит по: Weber 1958: 128; Ганди цит. по: Gandhi 1958–1994, Vol. XXVI: 1928, 68.

Ackerknecht Erwin H. A Short History of Medicine. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982.

Ackerman Peter and Duvall Jack. A Force More Powerful: A Century of Non-violent Conflict. New York: St. Martin's Press, 2000.

Ackerman Peter and Kruegler C. Strategic Nonviolent Conflict. Westport (Conn.): Praeger, 1994.

Adams David et al. Statement on violence // Journal of Peace Research. 1989. N 26. P. 120–121.

Adams David et al. War is not in our biology: a decade of the Seville statement on violence // Grisolia et al. 1997: 251–256.

Almond Gabriel A. Political science: the history of the discipline // Goodin and Klingemann 1996: 50–96.

Alperovitz Gar. The Decision to Use the Atomic Bomb. New York: Alfred A. Knopf, 1995.

- Amato Joseph A.* Danilo Dolci: a nonviolent reformer in Sicily // Bruyn and Rayman 1979: 135–160.
- Amnesty international.* The Death Penalty, ACT 50/05/00, April 2000.
- Anderson Richard C.* Peace Was In Their Hearts: Conscientious Objectors in World War II. Watsonville (Calif.): Correlan Publications, 1994.
- Aquino Corazon C.* Seeds of nonviolence, harvest of peace: The Philippine revolution of 1986 // Grisolia et al. 1997: 227–234.
- Arendt Hannah.* On Violence. New York: Harcourt, Brace & World, 1970.
- Arendt Hannah.* Lectures on Kant's Political Philosophy. Chicago: University of Chicago Press, 1982.
- Aristotle.* The Politics / Trans. T. A. Sinclair. Harmondsworth: Penguin, 1962.
- Ashé Geoffrey.* Gandhi. New York: Stein and Day, 1969.
- Aung san Suu Kyi.* The Voice of Hope. New York: Seven Stories Press, 1998.
- Bahá' u' lláh.* Gleanings from the Writings of Bahá'u'lláh. Wilmette (Ill.): Bahá'í Publishing Trust, 1983.
- Banerjee Mukulika.* The Pathan Unarmed. Karachi; New Delhi: Oxford University Press, 2000.
- Barbey Christophe.* La non-militarisation et les pays sans armée: une réalité! Flendruz, Switzerland: APRED, 2001.
- Baxter Archibald.* We Will Not Cease. Baker (Ore.): The Eddie Tern Press, 2000.
- Bebber Charles C.* Increases in U.S. violent crime during the 1980s following four American military actions // Journal of Interpersonal Violence. 1994. N 9(1). P. 109–116.
- Beer Michael.* Annotated bibliography of nonviolent action training // International Journal of Nonviolence. 1994. N 2. P. 72–99.
- Beisner Robert L.* Twelve Against Empire: The Anti-Imperialists, 1898–1900. New York: McGraw-Hill, 1968.
- Bendaña Alejandro.* From Guevara to Gandhi. Managua, Nicaragua: Centro de Estudios Internacionales, 1998.
- Bennett Lerone, Jr.* Before the Mayflower: A History of Black America. New York: Penguin Books, 1993.
- Bhave Vinoba.* Shanti Sena. 2nd ed. / Trans. Marjorie Sykes. Rajbhat, Varanasi (India): Sarva Seva Sang Prakashan, 1963.
- Bhave Vinoba.* Moved by Love: The Memoirs of Vinoba Bhave / Trans. Marjorie Sykes. Flyderabad: Sat Sahitya Sahayogi Sangh, 1994.
- Bing Anthony G.* Israeli Pacifist: The Life of Joseph Abileah. Syracuse (N. Y.): Syracuse University Press, 1990.
- Biswas S. C., ed.* Gandhi: Theory and Practice. Social Impact and Contemporary Relevance. Shimla: Indian Institute of Advanced Study, 1990 (1969).
- Bondurant Joan V.* Conquest of Violence: The Gandhian Philosophy of Conflict. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Bonta Bruce D.* Peaceful Peoples: An Annotated Bibliography. Metuchen (N.J.): London: Scarecrow Press, 1993.

- Bonta Bruce D.* Conflict resolution among peaceful societies: the culture of peacefulness // *Journal of Peace Research*. 1996. N 33. P. 403–420.
- Boorstin Daniel J.* *The Discoverers*. New York: Random House, 1983.
- Boorstin Daniel J.* *The Creators*. New York: Random House, 1992.
- Boorstin Daniel J.* *The Seekers*. New York: Random House, 1998.
- Boserup Anders and Mack Andrew.* *War Without Weapons: Non-Violence in National Defence*. New York: Schocken Books, 1974.
- Boubalt Guy, Gauchard Benoit and Muller Jean-Marie.* *Jacques de Bollardiére: Compagnon de toutes les libérations*. Paris: Non-Violence Actualité, 1986.
- Boulding Elise.* *Women, the Fifth World*. New York: Foreign Policy Association, 1980.
- Boulding Elise.* *New Agendas for Peace Research: Conflict and Security Reexamined*. Boulder (Colo.): Lynne Rienner Publishers, 1992.
- Bourne Randolph S.* *War and the Intellectuals*. New York: Harper & Row, 1964.
- Brock Peter.* *Pacifism in the United States: From the Colonial Era to the First World War*. Princeton: Princeton University Press, 1968.
- Brock Peter.* *Twentieth Century Pacifism*. New York: D. Van Nostrand, 1970.
- Brock Peter.* *Pacifism in Europe to 1914*. Princeton: Princeton University Press, 1972.
- Brock Peter.* *The Quaker Peace Testimony 1660 to 1914*. York (England): Sessions Book Trust, 1990.
- Brock Peter.* *Studies in Peace History*. York (England): William Sessions Limited, 1991a.
- Brock Peter.* *Conscientious objectors in Lenin's Russia: A report, 1924*. P. 81–93 // *Studies in Peace History*. 1991b.
- Brock Peter.* *A Brief History of Pacifism: From Jesus to Tolstoy*. Syracuse (N.Y.): Syracuse University Press, 1992.
- Brown Lester et al.* *State of the World 1997*. New York: W. W. Norton & Company, 1997.
- Gardner Gary and Halweil Brian.* *Beyond Malthus: Nineteen Dimensions of the Population Challenge*. New York: W. W. Norton, 1999.
- Bruyn Severyn T. and Rayman Paula M., eds.* *Nonviolent Action and Social Change*. New York: Irvington Publishers, 1979.
- Bureau of justice.* *Capital Punishment 1999*. Washington: U.S. Department of Justice, 2000a.
- Bureau of justice.* *Prison and Jail Inmates at Midyear 1999*. Washington (D.C.): U.S. Department of Justice, 2000b.
- Burgess John W.* *Reminiscences of an American Scholar*. New York: Columbia University Press, 1934.
- Burns James MacGregor.* *Leadership*. New York: Harper & Row, 1978.
- Burrowes Robert J.* *The Strategy of Nonviolent Defense: A Gandhian Approach*. Albany: State University of New York Press, 1996.
- Burton John.* *Deviance, Terrorism & War: The Process of Solving Unsolved Social and Political Problems*. New York: St. Martin's Press, 1979.

- Burton John.* Global Conflict: The Domestic Sources of International Crisis. Brighton: Wheatsleaf Books, 1984.
- Burton John.* Conflict Resolution: Its Language and Processes. Lanham (Md.): Scarecrow Press, 1996.
- Burton John.* Violence Explained: The Sources of Conflict, Violence and Crime and their Prevention. Manchester: Manchester University Press, 1997.
- Campbell Donald T. and Fiske Donald W.* Convergent and discriminant validation by the multitrait-multimethod matrix // Psychological Bulletin. 1959. N 56 (2). P. 81–105.
- Canada Geoffrey.* Fist Stick Knife Gun: A Personal History of Violence in America. Boston: Beacon Press, 1995.
- Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict. Preventing Deadly Conflict: Final Report. Washington (D.C.): Carnegie Commission on Preventing Deadly Conflict, 1997.
- Carroll Berenice A.* Looking where the key was lost: feminist theory and non-violence theory // Satha-Anand and True. 1998. P. 19–33.
- Case Clarence M.* Non-Violent Coercion: A Study in Methods of Social Pressure. London: Allen and Unwin, 1923.
- Chapple Christopher K.* Nonviolence to Animals, Earth, and Self in Asian Traditions. Albany: State University of New York Press, 1993.
- Charny Israel W.* How Can We Commit the Unthinkable? Genocide the Human Cancer. Boulder (Colo.): Westview Press, 1982.
- Chaudhuri Eliana R.* Planning with the Poor: Nonviolent Experiment of Danilo Dolci in Sicily. New Delhi: Gandhi Peace Foundation, 1998.
- Chowdhury H. B.,* ed. Asoka 2300. Calcutta: Bengal Buddhist Association, 1997.
- Christian R. F.* Tolstoy's Letters: Vol. II: 1880–1910. New York: Charles Scribner's Sons, 1978.
- Clausewitz Carl von.* On War / Ed. and trans. Michael Howard and Peter Paret. Princeton: Princeton University Press, 1976 (1832).
- Commager Henry S.* The history of American violence: an interpretation // Violence: The Crisis of American Confidence / Ed. Hugh D. Graham. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1991. P. 3–28.
- Commoner Barry.* Making Peace With the Planet. New York: Pantheon Books, 1990.
- Comstock Craig.* Avoiding pathologies of defense // Sanctions for Evil / Ed. Nevitt Sanford and Craig Comstock. Boston: Beacon Press, 1971. P. 290–301.
- Conser Walter H., Jr., McCarthy Ronald M., Toscano David J. and Sharp Gene.,* eds. Resistance, Politics and the Struggle for-Independence. Boulder (Colo.): Lynne Rienner Publishers, 1986.
- Cook Philip J. and Ludwig Jens.* Guns in America: national survey on private ownership and use of firearms // Research in Brief. N 1026. Washington: National Institute of Justice, 1997.

- Cooney Robert and Michalowski Helen*, eds. *Power of the People: Active Nonviolence in the United States*. Philadelphia (Penn.): New Society Publishers, 1987. (Chief Seattle's message pp. 6-7 has been shown to be a screenwriter's fiction.)
- Coppieters Bruno and Zverev Alexei*. V.C. Bonch-Bruевич and the Doukhobors: on the conscientious objection policies of the Bolsheviks // *Canadian Ethnic Studies / Etudes Ethniques au Canada*. 1995. N27(3). P. 72-90.
- Cousins Norman*. *The Pathology of Power*. New York: W. W. Norton, 1987.
- Craig Leon H.* *The War Lover: A Study of Plato's Republic*. Toronto: University of Toronto Press, 1994.
- Crow Ralph E., Grant Philip and Ibrahim Saad E.*, eds. *Arab Nonviolent Political Struggle in the Middle East*. Boulder (Colo.): Lynne Rienner Publishers, 1990.
- Crozier Frank P. (Brig. Gen.)*. *The Men I Killed*. New York: Doubleday, 1938.
- Dalton Dennis*. *Mahatma Gandhi: Nonviolent Power in Action*. New York: Columbia University Press, 1993.
- Dange S. A., Mukerjee H., Sardesai S. G. and Sen M.* *The Mahatma: Marxist Evaluation*. New Delhi: People's Publishing House, 1977.
- Daniels David N. and Gilula Marshall F.* *Violence and the struggle for existence* // *Daniels, Gilula and Ochberg 1970*: 405-443.
- Daniels David N., Gilula Marshall F. and Ochberg Frank M.*, eds. *Violence and the Struggle for Existence*. Boston: Little, Brown, 1970.
- Davidson Osha G.* *Under Fire: The NRA and the Battle for Gun Control*. New York: Henry Holt, 1993.
- The Defense Monitor*. Washington (D.C.): Center for Defense Information, 1972-.
- Dellinger Dave*. *Revolutionary Nonviolence*. Indianapolis (Ind.): Bobbs-Merrill, 1970.
- Dennen J. M. G. van der*. *Primitive war and the ethnological inventory project* // *Sociobiology and Conflict*, Eds. J. van der Dennen and V. Falger. London: Chapman and Hall, 1990. P. 247-269.
- Dennen J. M. G. van der*. *The Origin of War*: 2 vols. Groningen: Origin Press, 1995.
- Denson John V.*, ed. *The Costs of War: America's Pyrrhic Victories*. New Brunswick (N.J.): Transaction Books, 1997.
- Dhawan Gopinath*. *The Political Philosophy of Mahatma Gandhi*. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1957.
- Dissertationabstracts International, 1963-1999.
- Dogan Mattei and Pahre Robert*. *Creative Marginality: Innovation at the Intersection of the Social Sciences*. Boulder (Colo.): Westview, 1990.
- Drago Antonino*. *When the history of science suggests nonviolence*. *The International Journal of Nonviolence*. 1996. N3. P. 15-19.

- Easwaran Eknath*. Nonviolent Soldier of Islam. Tomales (Calif.): Nilgiri Press, 1999.
- Edgerton William*, ed. Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia. Bloomington: Indiana University Press, 1993.
- Eibl-Eibesfeldt Irenaus*. The Biology of Peace and War: Men, Animals, and Aggression. New York: Viking Press, 1979.
- Eisendrath Maurice*. Thou shalt not kill-period // Polner and Goodman 1994: 139-145.
- Eisenhower Dwight D*. Speech to the American Society of Newspaper Editors, April 16, 1953 // The Wall Street Journal. May 30. 1985. P. 29.
- Eisenhower Dwight D*. BBC TV interview. August 31. 1959 // Peter Dennis and Adrian Preston, eds. Soldiers as Statesmen. New York: Barnes & Noble, 1976. P. 132.
- Eisenhower Dwight D*. Farewell broadcast, January 17, 1961 // The Spoken Word. SW-9403.
- Evans Gwynfor*. Nonviolent Nationalism. New Malden, Surrey: Fellowship of Reconciliation. The Alex Wood Memorial Lecture, 1973.
- Everett Melissa*. Breaking Ranks. Philadelphia (Penn.): New Society Publishers, 1989.
- Fabbro David*. Peaceful societies: an introduction // Journal of Peace Research. 1978. N 15. P. 67-84.
- Federal Bureau of Investigation, U.S. Department of Justice*. Crime in the United States 1999. Washington (D.C.): Federal Bureau of Investigation, 2000.
- Finer Samuel E*. The History of Government From the Earliest Times. Vol. I: Ancient Monarchies and Empires. Vol. II: The Intermediate Ages. Vol. III: Empires, Monarchies, and the Modern State. New York: Oxford University Press, 1997.
- Fisher Roger and Ury William*. Getting to Yes. Boston (Mass.): Houghton Mifflin Company, 1981.
- Fogelman Eva*. Conscience & Courage: Rescuers of Jews During the Holocaust. New York: Doubleday, 1994.
- Foster Catherine*. Women for All Seasons: The Story of the Women's International League for Peace and Freedom. Athens: University of Georgia Press, 1989.
- Frank Jerome D*. Breaking the thought barrier: psychological challenges of the nuclear age // Psychiatry. 1960. N 23. P. 245-266.
- Frank Jerome D*. Psychotherapy and the Human Predicament / Ed. P. E. Dietz. Northvale (N. J.): Jason Aronson, 1993.
- Friedrich Carl J*. Inevitable Peace. New York: Greenwood Press, 1969 (1948).
- Fromm Erich*. The Anatomy of Human Destructiveness. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
- Fry A. Ruth*. Victories Without Violence. Santa Fe (N. Mex.): Ocean Tree Books, 1986 (1952).

- Fry Douglas E.* Maintaining social tranquility: internal and external loci of aggression control // Sponsel and Gregor 1994: 135-154.
- Fry Douglas E. and Bjorkvist Kaj*, eds. Cultural Variation in Conflict Resolution: Alternatives to Violence. Mahwah (N.J.): Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1997.
- Fuller John G.* The Day We Bombed Utah. New York: Signet Books, 1985.
- Fung Yu-Lan.* History of Chinese Philosophy / Trans. Derke. Bodde. Vol. I. Princeton: Princeton University Press, 1952.
- Fussell Paul.* 1997. The culture of war // Denson. 1997. P. 351-358.
- Galtung Johan.* Violence, peace and peace research // Journal of Peace Research. 1969. N6. P. 167-191.
- Galtung Johan.* There are Alternatives! Nottingham: Spokesman, 1984.
- Galtung Johan.* The Truc Worlds: A Transnational Perspective. New York: The Free Press, 1990.
- Galtung Johan.* The Way is the Goal: Gandhi Today. Ahmedabad: Gujarat Vidyapith, Peace Research Centre, 1992.
- Galtung Johan.* Peace by Peaceful Means. London: SAGE Publications, 1996.
- Galtung Johan.* Conflict Transformation by Peaceful Means: The Transcend Method. Geneva; Torino: Crisis Environments Training Initiative and Disaster Management Training Programme, United Nations, 1998.
- Gandhi Mohandas K.* An Autobiography: The Story of My Experiments with Truth. Boston (Mass.): Beacon Press, 1957(1927-1929).
- Gandhi Mohandas K.* The Collected Works of Mahatma Gandhi. Vols. 1-100. New Delhi: Publications Division, Ministry of Information and Broadcasting, Government of India, 1958-1994.
- Gandhi Mohandas K.* Towards Non-Violent Politics. Thanjavur, Tamilnad (India): Sarvodaya Prachuralaya, 1969 (1936-1940).
- Gandhi Mohandas K.* The Science of Satyagra / Ed. A. T. Hingorani. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1970.
- Gandhi Mohandas K.* The Teaching of the Gita / Ed. A. T. Hingorani. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavau, 1971.
- Gara Larry and Gara Lenna Mae.* A Few Small Candles: War Resisters of World War II Tell Their Stories. Kent (Ohio): Kent State University Press, 1999.
- Garrison Fielding H.* An Introduction to the History of Medicine. Philadelphia (Penn.): W B. Saunders, 1929.
- Gioglio Gerald R.* Days of Decision: An Oral History of Conscientious Objectors in the Military in the Vietnam War. Trenton (N.J.): Broken Rifle Press, 1989.
- Giorgi Piero.* The Origins of Violence By Cultural Revolution. Brisbane, Australia: Minerva E&S, 1999.
- Giovannitti Len and Freed Fred.* The Decision to Drop the Bomb. New York: Coward-McCann, 1965.
- Goldman Ralph M.* From Warfare to Party Politics: The Critical Transition to Civilian Control. Syracuse: Syracuse University Press, 1990.

- Goodin, Robert E. and Klingemann Hans-Dieter*, eds. *A New Handbook of Political Science*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Greenleaf Robert K.* *Servant Leadership: An Inquiry into the Nature of Legitimate Power and Greatness*. New York: Paulist Press, 1977.
- Gregg Richard B.* *The Power of Nonviolence*. New York: Schocken Books, 1966 (1935).
- Grisolia James S. et al.*, eds. *Violence: From Biology to Society*. Amsterdam: Elsevier, 1997.
- Grossman Dave* (Lt. Col.). *On Killing: The Psychological Cost of Learning to Kill in War and Society*. Boston (Mass.): Little Brown, 1995.
- Grossman Dave and DeGaetano Gloria.* *Stop Teaching Our Kids to Kill*. New York: Crown Publishers, 1999.
- Guetzkow Harold.* *Multiple Loyalties: Theoretical Approach to a Problem in International Organization*. Princeton (N.J.): Center for Research on World Political Institutions, Princeton University, 1955.
- Guseinov A. A.*, ed. *Nyenasiliye: Filosofiya, Etika, Politika* (Nonviolence: Philosophy, Ethics, Politics). Moscow: Nauka, 1993.
- Halberstam David.* *The Children*. New York: Random House, 1998.
- Hallie Philip.* *Lest Innocent Blood Be Shed*. New York: Harper & Row, 1979.
- Harriss-Jenkins Gwyn.* *Britain: from individual conscience to social movement // Moskos and Chambers.* 1993. P. 67-79.
- Hawkey Louise and Juhnke James C.* *Nonviolent America: History through the Eyes of Peace*. North Newton (Kans.): Bethel College, 1993.
- Herman A. L.* *Community, Violence, and Peace*. Albany: State University of New York Press, 1999.
- Hess G. D.* *An introduction to Lewis Fry Richardson and his mathematical theory of war and peace.* *Conflict Management and Peace Science.* 1995. N 14 (1). P. 77-113.
- Hobbes.* *Leviathan // Ed. C. B. Macpherson.* Harmondsworth: Penguin, 1968 (1651).
- Hofstadter Richard.* *Reflections on violence in the United States // American Violence: A Documentary History / Ed. Richard Hofstadter and Michael Wallace.* New York: Vintage, 1971. P. 3-43.
- Holmes Robert L.*, ed. *Nonviolence in Theory and Practice*. Belmont (Calif.): Wadsworth, 1990.
- Horigan Damien E.* *On compassion and capital punishment: a Buddhist perspective on the death penalty // The American Journal of Jurisprudence.* 1996. N 41. P. 271-288.
- Horeman Bart and Stolwijk Marc.* *Refusing to Bear Arms: A World Survey of Conscription and Conscientious Objection to Military Service*. London: War Resisters International, 1998.
- Husain Tariq.* «The Leadership Challenges of Human Development»: Paper presented at the United Nations University: International Leadership Academy, Amman, Jordan, June 1, 1997.

- Ishida Takeshi*. Heiwa no seijigaku (Political Science of Peace). 7th ed. Tokyo: Iwanami Shoten, 1974(1968).
- Iyer Raghavan N.* The Political and Moral Thoughts of Mahatma Gandhi. New York: Oxford University Press, 1973.
- Jain Sagarmal*, ed.; *Varni Jinendra*, comp. Saman Suttam. Rajghat, Varanasi: Sarva Seva Sang Prakashan, 1993.
- Josephson Hannah G.* Jeannette Rankin: First Lady in Congress. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1974.
- Josephson Harold*, ed. Biographical Dictionary of Modern Peace Leaders. Westport (Conn.): Greenwood Press, 1985.
- Kano Takayoshi*. The bonobos' peaceable kingdom // *Natural History*. 1990. N 11. P. 62-70.
- Kant Immanuel*. Perpetual Peace. New York: Columbia University Press, 1939(1795).
- Kapur Sudarshan*. Raising Up a Prophet: The African-American Encounter with Gandhi. Boston (Mass.): Beacon Press, 1992.
- Keeley Lawrence H.* War Before Civilizations: The Myth of the Peaceful Savage. Oxford: Oxford University Press, 1996.
- Kelly Petra K.* Fighting for Hope. London: Chatto and Windus, 1984.
- Kelly Petra K.* Gandhi and the Green Party // *Gandhi Marg*. 1989. N 11. P. 192-202.
- Kelly Petra K.* «For feminization of power!» Speech to the Congress of the National Organization for Women, San Francisco. June 30. 1990.
- Kelly Petra K.* Nonviolence Speaks to Power. Honolulu: Center for Nonviolence Planning Project, Matsunaga Institute for Peace, University of Hawai'i, 1992. Available at www.globalnonviolence.org.
- Kelly Petra K.* Thinking Green! Essays on Environmentalism, Feminism, and Nonviolence. Berkeley (Calif.): Parallax Press, 1994.
- Keyes Gene*. Force without firepower // *CoEvolution Quarterly*. 1982. N 34. P. 4-25.
- Keyfitz Nathan*. How many people have lived on earth // *Demography*. 1966. N 3(2). P. 581-582.
- Khan Abdul K.* The Khudai Khidmatgar (Servants of God) / Red Shirt Movement in the North-West Frontier Province of British India, 1927-1947: Ph. D. diss., History, University of Hawai'i, 1997.
- King Martin Luther, Jr.* The Autobiography of Martin Luther King, Jr. / Ed. Clayborne Carson. New York: Warner Books, 1998.
- Kishtainy Khalid*. Violent and nonviolent struggle in Arab history // *Crow, Grant, and Ibrahim* 1990: 41-57.
- Kohn Stephen M.* Jailed for Peace: The History of American Draft Law Violators, 1658-1985. New York: Praeger, 1987.
- Konrad A. Richard*. Violence and the philosopher // *Journal of Value Inquiry*. 1974. N 8. P. 37-45.

- Kool V. K.*, ed. *Perspectives on Nonviolence: Recent Research in Psychology*. New York: Springer-Verlag, 1990.
- Kool V. K.*, ed. *Nonviolence: Social and Psychological Issues*. Lanham (Md.): University Press of America, 1993.
- Kropotkin Peter*. *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. New York: New York University Press, 1972 (1914).
- Kuhlmann Jurgen and Lippert Ekkehard*. *The Federal Republic of Germany: conscientious objection as social welfare // Moskos and Chambers 1993: 98-105.*
- Lafayette Jr. Bernard and Jehnsen David C*. *The Briefing Booklet: An Introduction to The Kingian Nonviolence Reconciliation Program*. Galena, Ohio: Institute for Human Rights and Responsibilities, 1995.
- Lafayette Jr. Bernard and Jehnsen David C*. *The Leader's Manual, A Structured Guide and Introduction to Kingian Nonviolence: The Philosophy and Methodology*. Ohio: Institute for Human Rights and Responsibilities, 1996.
- Lewer Nick and Schofield Steven*, eds. *Non-Lethal Weapons: A Fatal Attraction!* London: Zed Books, 1997.
- Lewis John*. *The Case Against Pacifism*. Introd. Car Marzani. New York: Garland, 1973(1940).
- Ligt Barthelemy de*. *The Conquest of Violence: an Essay on War and Revolution*, introd. George Lakey and Aldous Huxley. New York: Garland, 1972(1938).
- Locke Hubert G*. *The Detroit Riot of 1967*. Detroit (Mich.): Wayne State University Press, 1969.
- Locke John*. *Two Treatises of Government / Ed. P. Laskett*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970 (1689).
- Lopez-Reyes Ramon*. *The fight/flight response and nonviolence // Satha-Anand and Truc 1998: 34-82.*
- Lynd Staughton and Lynd Alice*, eds. *Nonviolence in America: A Documentary History*. Maryknoll (N.Y.): Orbis Books, 1995.
- lyttle Bradford*. *The apocalypse equation // Harvard Magazine (1982. March-April): 19-20.*
- McAllister Pam*. *Revealing the Web of Life: Feminism and Nonviolence*. Philadelphia (Pa.): New Society Publishers, 1982.
- McAllister Pam*. *You Can't Kill the Spirit*. Philadelphia (Pa.): New Society Publishers. Barbara Deming Memorial Series: Stories of Women and Non-violent Action, 1988.
- McCarthy Colman*. *All of One Peace*. New Brunswick (N.J.): Rutgers University Press, 1994.
- McCarthy Ronald M*. *Methods of nonviolent action // Vogele and Powers 1997*. New York: Garland Publishing, 1997. P. 319-328.
- McCarthy Ronald M. and Sharp G*. *Nonviolent Action: A Research Guide*. New York: London: Garland Publishing, 1997.

- McGuinness Kate.* Gene Sharp's theory of power: a feminist critique of consent // *Journal of Peace Research.* 1993. N 30. P. 101–15.
- McSorley Richard.* *New Testament Basis of Peacemaking.* Scottdale (Penn.): Herald Press, 1985.
- Macgregor G. H. C.* *The Relevance of an Impossible Ideal.* London: Fellowship of Reconciliation, 1960.
- Machiavelli Niccolo.* *The Prince* / Trans. G. Bau. Harmondsworth: Penguin, 1961 (1513).
- Maguire Mairead Corrigan.* *The Vision of Peace* / Ed. John Dear. Maryknoll (N.Y.): Orbis Books, 1999.
- Mahaprajna Yuvacharya.* *Preksha Dhyana: Theory and Practice.* Ladnun, Rajasthan: Jain Vishva Bharati, 1987.
- Mahaprajna Yuvacharya.* *Democracy: Social Revolution Through Individual Transformation.* Ladnun, Rajasthan: Jain Vishva Bharati, 1994.
- Mahony Liam and Eguren Luis E.* *Unarmed Bodyguards.* West Hartford (Conn.): Kumarian Press, 1997.
- Mann Coramae Richey.* *When Women Kill.* Albany: State University of New York Press, 1996.
- Martin Brian.* Gene Sharp's theory of power // *Journal of Peace Research.* 1989. N 26. P. 213–222.
- Martin Brian et al.* *Nonviolent Struggle and Social Defense* / Ed. S. Anderson and J. Larmore. London: War Resisters International and the Myrtle Solomon Memorial Fund, 1991.
- Martin Brian.* Science for non-violent struggle // *Science and Public Policy.* 1992. N 19. P. 55–58.
- Martin Brian.* *Technology for nonviolent struggle.* London: War Resisters International, 2001.
- Marx Karl and Engels Friedrich.* *The Communist Manifesto* / Introd. A. J. E. Taylor. Harmondsworth: Penguin, 1976.
- Mayor Federico.* *The New Page.* Paris: UNESCO Publishing, 1995.
- Mercy James A. and Saltzman Linda E.* Fatal violence among spouses in the United States 1976–1985 // *American Journal of Public Health.* 1989. N 79(5). P. 595–599.
- Mogil Christopher and Slepian Ann; with Woodrow Peter.* *We Gave a Fortune Away.* Gabriola Island, B.C.: New Society Publishers, 1993.
- Morgan Robin,* ed. *Sisterhood is Global.* Garden City (N.Y.): Anchor Press/Doubleday, 1984.
- Morrisey Will.* *A Politica / Approach to Pacifism: 2 vols.* Lewiston (N.Y.): Edwin Mellen Press, 1996.
- Morton Bruce E.* *The Dual Quadbrain Model of Behavioral Laterality.* Department of Biochemistry and Biophysics, School of Medicine, University of Hawai'i, 2000.
- Moser-Puangsuwan Yeshua and Weber Thomas.* *Nonviolent Intervention Across Borders: A Recurrent Vision.* Honolulu: Spark M. Matsunaga Institute for

- Peace, University of Hawai'i, 2000.
- Moskos Charles and Chambers John W. II*, eds. *The New Conscientious Objectors: From Sacred to Secular Resistance*. Oxford: Oxford University Press, 1993.
- Nagler Michael N.* *America Without Violence*. Covelo (Calif.): Island Press, 1982.
- Nagler Michael N.* *Is There No Other Way? The Search for a Nonviolent Future*. Berkeley (Calif): Berkeley Hills Books, 2001.
- Nahal Chaman*. A sister remembered // *The Hindustani Times*. 1997. Nov. 10.
- Nakamura Hajime*. Basic features of legal, economic, and political thought in Japan // *The Japanese Mind* / Ed. Charles A. Moore. Honolulu: East-West Center and University of Hawaii Press, 1967. P. 143-163.
- Narayan Jayaprakash*. From socialism to sarvodaya // Jayaprakash Narayan, Ajit Bhattacharya. Delhi: Vikas, 1975. P. 145-177.
- Narayan Jayaprakash*. *Towards Total Revolution: 4 vols* / Ed. Brahmanand. Bombay: Popular Prakashan, 1978.
- Nathan Otto and Norden Heinz*, eds. *Einstein on Peace*. New York: Schocken Books, 1968.
- Nautiyal Annpurna*. Chipko movement and the women of Garhwal Himalaya. Gandhian Perspectives. 1996. N9(2). P. 9-17.
- Nobel Prize Recipients*. Manifesto of Nobel prize winners. IFDA Dossier. 1981. N 25. P. 61-63.
- Norman Liane E.* *Hammer of Justice: Molly Rush and the Plowshares Eight*. Pittsburgh (Pa.): Pittsburgh Peace Institute, 1989.
- Organization of American Historians*. Peacemaking in American history // *Magazine of History*. 1994. N8(3). P. 1-96.
- Paige Glenn D.* *The Korean Decision: June 24-30, 1950*. New York: Free Press, 1968.
- Paige Glenn D.* Some implications for political science of the comparative politics of Korea // *Frontiers of Development Administration* / Ed. Fred W. Riggs. Durham (N.C.): Duke University Press, 1971. P. 139-168.
- Paige Glenn D.* *The Scientific Study of Political Leadership*. New York: Free Press, 1977.
- Paige Glenn D.* On values and science: The Korean Decision reconsidered // *American Political Science Review*. 1977. N 71(4). P. 1603-1609.
- Paige Glenn D.* Beyond the limits of violence: toward nonviolent global citizenship // *Textbook on World Citizenship* / Ed. Young Seek Choue. Seoul: Kyung Hee University Press, 1986. P. 281-305.
- Paige Glenn D. and Gilliatt Sarah*, eds. *Buddhism and Nonviolent Global Problem-Solving: Ulan Bator Explorations*. Honolulu: Center for Global Nonviolence Planning Project, Matsunaga Institute for Peace, University of Hawai'i, 1991. Available at www.globalnonviolence.org.
- Paige Glenn D., Satha-Anand Chatwat and Gilliatt Sarah*, eds. *Islam and Nonviolence*. Honolulu: Center for Global Nonviolence Planning Project,

- Matsuuaga Institute for Peace, University of Hawai'i, 1993a. Available at www.globalnonviolence.org.
- Paige Glenn D.* To Nonviolent Political Science: From Seasons of Violence. Honolulu: Center for Global Nonviolence Planning Project, Matsunaga Institute for Peace, University of Hawai'i, 1993b. Available at www.globalnonviolence.org.
- Paige Glenn D. and Robinson James A.* // Memoriam: Richard Carlton Stryder. PS: Political Science and Politics. 1998. N 31. P. 241-242.
- Paige Glenn D.* Gandhi as leader: a Plutarchan perspective. *Biography // An Interdisciplinary Quarterly*. 1999. 22 (1). P. 57-74.
- Paige Glenn D.* A question for the systems sciences: is a nonkilling society possible? // Yong Pil Rhee, ed. *Toward New Paradigm of Systems Sciences*. Seoul: Seoul National University Press, 1999. P. 409-416.
- Palmer Stuart H.* A Study of Murder. New York: Thomas Y. Crowell, 1960.
- Parekh Bhikhu.* Colonialism, Tradition and Reform: An Analysis of Gandhi's Political Discourse. Newbury Park: Sage, 1989a.
- Parekh Bhikhu.* Gandhi's Political Philosophy: A Critical Examination. London: Macmillan, 1989b.
- Parkin Sara.* The Life and Death of Petra Kelly. London: Pandora, Harper-Collins Publishers, 1994.
- PBS. 1993. «Fame in the 20th Century». Part V.
- Peace News. 1998. Las Abejas: the Bees continue to fly. July: 12-14.
- Pelton Leroy H.* The Psychology of Nonviolence. New York: Pergamon Press, 1974.
- Perrin Noel.* Giving up the Gun. Boston: David R. Godine Publisher, 1979.
- Plato.* The Republic / Trans. D. Lee. Harmondsworth: Penguin, 1974.
- Plimak E. G. and Karyakin Yu. F.* Lenin o mirnoi i nyemirnoi formakh revolyutsionnogo perekhoda k sotsializmu (Lenin on peaceful and nonpeaceful forms of revolutionary transition to socialism). Paper presented to the XIth World Congress of the International Political Science Association, Moscow University, 12-18 August, 1979.
- Plutarch.* Plutarch's Lives. 11 vols / Trans. B. Perrin. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1967-1975.
- Polner Murray and Goodman Naomi,* eds. The Challenge of Shalom. Philadelphia (Penn.): New Society Publishers, 1994.
- Polner Murray and O'Grady J.* Disarmed and Dangerous: The Radical Lives and Times of Daniel and Philip Berrigan. New York: Basic Books, 1997.
- Powers Roger S. and Vogeles William B.,* eds. Protest, Power and Change: An Encyclopedia of Nonviolent Action from ACT-UP to Women's Suffrage. New York; London: Garland Publishing, 1997.
- Radhakrishnan N.* Gandhi, Youth & Nonviolence: Experiments in Conflict Resolution. Mithrapuram, Paranthal Post, Kerala, India: Centre for Development & Peace, 1992.

- Radhakrishnan N.* Gandhian Nonviolence: A Trainer's Manual. New Delhi: Gandhi Smriti and Darshan Samiti, 1997a.
- Radhakrishnan N.* The Message of Gandhi through Universities. New Delhi: Gandhi Smriti and Darshan Samiti, 1997b.
- Ramachandran G.* Adventuring With Life: An Autobiography. Trivandrum (India): S.B. Press, 1984.
- Ramachandran G. and Mahadevan T.K.,* eds. Quest for Gandhi. New Delhi: Gandhi Peace Foundation, 1970.
- Ramsey L. Thomas.* 1999. How many people have ever lived, Keyfitz's calculation updated. <http://www.math.hawaii.edu/~ramsey/People.html>.
- Randle Michael.* Civil Resistance. London: Fontana Press, 1993.
- Restak Richard M.* The Brain: The Last Frontier. Garden City (N.Y.): Doubleday, 1979.
- Robarchek Clayton and Robarchek Carole.* Waorani: The Contexts of Violence and War. Fort Worth, Tex.: Harcourt Brace College Publishers, 1998.
- Roberts Adam.* The Strategy of Civilian Defense: Non-Violent Resistance to Aggression. London: Faber & Faber, 1967.
- Roberts Adam.* Civilian resistance to military coups // *Journal of Peace Research.* 1975. N 12(1). P. 19-36.
- Rolland Romain.* Tolstoy / Trans. Benard Miall. New York: E. P. Dutton, 1911.
- Roodkowsky Mary.* Feminism, peace, and power // *Bruyn and Rayman* 1979: 244-266.
- Rosenberg Mark L. and Mercy James A.* Homicide: epidemiologic analysis at the national level // *Bulletin of the New York Academy of Medicine.* 1986. N 62. P. 376-399.
- Rousseau Jean-Jacques.* Du contrat social / Introd. Pierre Burgelin. Paris: Garnier-Flammarion, 1966.
- Rousseau Jean-Jacques.* The Social Contract / Trans. C. Betts. Oxford: Oxford University Press, 1994.
- Roussel Vincent.* Jacques de Bollardiére: De l'armée a la non-violence. Paris: Desclée de Brouwer.
- Royal Swedish Academy of Sciences.* Ambio 12. Special issue on environmental research and management priorities for the 1980s. 1983.
- Royce Joseph.* Play in violent and non-violent cultures // *Anthropos.* 1980. N 75. P. 799-822.
- Rummel Rudolph J.* Death by Governments. New Brunswick (N.J.): Transaction Publishers, 1994.
- Sagan Eli.* The Lust to Annihilate: A Psychoanalytic Study of Violence in Greek Culture. New York: Psychohistory Press, 1979.
- Salla Michael E.* Third Party Intervention in Interstate Conflict: The International Implications of Groups Committed to Principled Nonviolence in the Thought of M.K. Gandhi, Martin Luther King, Helder Camara & Danilo Dolci: Ph. D. diss., Government, University of Queensland, 1992.

- Santiago Angela S.* Chronology of a Revolution 1986. Manila: Foundation for Worldwide People Power, 1995.
- Satha-Anand Chaiwat.* The Nonviolent Prince: Ph.D. diss., Political Science, University of Hawai'i, 1981.
- Satha-Anand Chaiwat.* (Qader Muheideen). The nonviolent crescent: eight theses on Muslim nonviolent action // Crow, Grant and Ibrahim 1990. P. 25-40.
- Satha-Anand Chaiwat and True Michael,* eds. The Frontiers of Nonviolence. Bangkok and Honolulu: Peace Information Center and Center for Global Nonviolence // cooperation with the Nonviolence Commission, International Peace Research Association (IPRA), 1998.
- Satha-Anand Chaiwat.* Teaching nonviolence to the states // Asian Peace: Regional Security and Governance in the Asia-Pacific / Ed. Majid Tehranian. London: LB. Taurus Publishers, 1999. P. 186-195.
- Schlissel Louise.* Conscience in America: A Documentary History of Conscientious Objection in America 1757-1967. New York: E. P. Dutton, 1968.
- Schmid Alex P.* Social Defense and Soviet Military Power: An Inquiry Into the Relevance of an Alternative Defence Concept. Leiden: Center for the Study of Social Conflict, State University of Leiden, 1985.
- Schwartz Stephen L.* ed. Atomic Audit: The Costs and Consequences of U.S. Nuclear Weapons Since 1940. Washington (D.C.): Brookings Institution Press, 1998.
- Schwarzschild Steven et al.* Roots of Jewish Nonviolence. Nyack (N.Y.): Jewish Peace Fellowship, n.d.
- Sebek Viktor.* Bridging the gap between environmental science and policy-making: why public policy often fails to reflect current scientific knowledge // *Ambio.* 1983. N 12. P. 118-120.
- Selective Service System. Conscientious Objection. Special monograph. N 11. Vol. I. 1950.
- Semelin Jacques.* Unarmed Against Hitler: Civilian Resistance in Europe, 1939-1943. Westport (Conn.): Praeger, 1994.
- Sethi V. K.* Kabir: The Weaver of God's Name. Punjab (India): Radha Soami Satsang Beas, 1984.
- Sharp Gene.* Gandhi Wields the Weapon of Moral Power. Ahmedabad: Navajivan Publishing House, 1960.
- Sharp Gene.* The Politics of Nonviolent Action. Boston (Mass.): Porter Sargent, 1973.
- Sharp Gene.* Gandhi As a Political Strategist. Boston (Mass.): Porter Sargent, 1979.
- Sharp Gene.* Social Power and Individual Freedom. Boston (Mass.): Porter Sargent, 1980.
- Sharp Gene.* The Historical Significance of the Growth of Nonviolent Struggle in the Late Twentieth Century. Paper presented at the Institute of World

- History of the Academy of Sciences of the USSR, Moscow, Nov. 21-23, 1989.
- Sharp Gene.* Civilian-Based Defense: A Post-Military Weapons System. Princeton (N.J.): Princeton University Press, 1990.
- Sharp Gene.* From Dictatorship to Democracy. Cambridge (Mass.): The Albert Einstein Institution, 1993.
- Sharp Gene.* Nonviolent Struggle: A Means toward Justice, Freedom and Peace. A presentation during the mass on Public Education Day, January 18, 1994, sponsored by the Justice and Peace Commission of the Union of Superiors General of the Catholic Church, Rome.
- Shridharani Krishnalal.* War without Violence. Bombay: Bharatiya Vidya Bhavan, 1962.
- Shub David.* Lenin. Harmondsworth: Penguin Books, 1976.
- Sibley Mulford Q.,* ed. The Quiet Battle: Writings on the Theory and Practice of Non-violent Resistance. Boston (Mass.): Beacon Press, 1963.
- Simon David.* Homicide: A Year on the Killing Streets. Boston (Mass.): Houghton Mifflin, 1991.
- Sivard Ruth Leger.* World Military and Social Expenditures 1996. 16th edition. Washington, D.C.: World Priorities, 1996.
- Snyder Richard C., Bruck Henry W. and Sapin Burton,* eds. Foreign Policy Decision-Making: An Approach to the Study of International Politics. New York: The Free Press of Glencoe, Macmillan, 1962.
- Snyder Richard C. and Wilson H. H.* Roots of Political Behavior. New York: American Book Company, 1949.
- Solomon George E.* Psychodynamic aspects of aggression, hostility, and violence // Daniels, Gilula and Ochberg. 1970. P. 53-78.
- Sorokin Pitirim A.* The Reconstruction of Humanity. Boston: Beacon Press, 1948.
- Sorokin Pitirim A.* The Ways and Power of Love. Boston: Beacon Press. 1954.
- Soros George.* The capitalist threat // The Atlantic Monthly. 1997. Febr. P. 45-58.
- Sponsel Leslie E.* The mutual relevance of anthropology and peace studies // Sponsel and Gregor 1997: 11-19. 1994a.
- Sponsel Leslie E. and Gregor Thomas,* eds. The Anthropology of Peace and Nonviolence. Boulder (Colo.): Lynne Rienner, 1994b.
- Sponsel Leslie E.* Peace and nonviolence // The Encyclopedia of Cultural Anthropology / Eds. David Levinson and Melvin Ember. New York: Henry Holt, 1996. P. 908-912.
- Stanfield John H., II.* The dilemma of conscientious objection for African Americans // Moskos and Chambers 1993: 47-56.
- Stannard David E.* American Holocaust: Columbus and the Conquest of the New World. Oxford: Oxford University Press, 1992.
- Steger Manfred B.* Gandhi's Dilemma. New York: St. Martin's Press, 2000.
- Steger Manfred B. and Lind Nancy S.,* eds. Violence and Its Alternatives. New York: St. Martin's Press, 1999.

- Stein Michael B.* Recent approaches to the concept of creativity and innovation in political and social science: a summary assessment. Paper presented to the XVIIth World Congress of the International Political Science Association, Seoul, Korea, 1997.
- Steinson Barbara J.* The mother half of humanity: American women in the peace and preparedness movements of World War I // *Women, War, and Revolution* / Eds. Carol R. Berkin and Clara M. Lovett. New York; London: Holmes & Meier, 1980.
- Stephenson Carolyn M.* Greenpeace // *Vogele and Powers* 1997: 220-222.
- Stevens John.* Abundant Peace: The Biography of Morihei Ueshiba Founder of Aikido. Boston: Shambala, 1987.
- Stone I. F.* The Trial of Socrates. New York: Anchor Books, 1989.
- Summy Ralph.* Towards a nonviolent political science // *Professions in the Nuclear Age* / Eds. S. Sewell, A. Kelly and L. Daws. Brisbane: Boolarong Publications, 1988. P. 161-172.
- Summy Ralph.* Vision of a nonviolent society: what should be society's aims // *Balance*. 1991. N 3(4). P. 3-8.
- Summy Ralph.* Nonviolence and the case of the extremely ruthless opponent // *Pacifica Review*. 1994. N 6(1). P. 1-29.
- Summy Ralph. and Saunders Malcolm.* Why peace history? // *Peace & Change*. 1995. N. 20. P. 7-38.
- Summy Ralph.* Australia, a history of nonviolent action // *Powers and Vogele*. 1997. P. 25-32.
- Summy Ralph.* Nonviolent speech // *Peace Review*. 1998. N 10(4). P. 573-578.
- Sutherland Bill and Meyer Matt.* Guns and Gandhi in Africa. Trenton (N.J.); Asmara (Eritrea): Africa World Press, 2000.
- Tarasoff Koozma J.* Doukhobor survival through the centuries // *Canadian Ethnic Studies/Etudes Ethniques au Canada*. 1995. N 27(3). P. 4-23. Special Issue: From Russia with Love: The Doukhobors.
- Tayyebulla M.* Islam and Non-Violence. Allahabad: Kitabistan, 1959.
- Tendulkar D. G.* Abdul Ghaffar Khan: Faith is a Battle. Bombay: Popular Prakashan, 1967.
- Thompson Henry O.* World Religions in War and Peace. Jefferson (N.C.); London: McFarland & Company, 1988.
- Tobias Michael.* Life Force: The World of Jainism. Berkeley (Calif.): Asian Humanities Press, 1991.
- Tolstoy Leo.* The Kingdom of God and Peace Essays / Trans. Aylmer Maude. London: Oxford University Press, 1974.
- Trocme André.* Jesus and the Nonviolent Revolution. Scottdale (Penn.): Herald Press, 1974.
- True Michael.* An Energy Field More Intense Than War: The Nonviolent Tradition and American Literature. Syracuse (N.Y.): Syracuse University Press, 1995.

- Tsai Loh Seng*. Peace and cooperation among natural enemies: educating a rat-killing cat to cooperate with a hooded rat // *Acta Psychologica Taiwanica*. 1963. N 3. P. 1-5.
- Twain Mark*. *The War Prayer*. New York: Harper & Row, 1970.
- United Nations. Final Document of Assembly Session on Disarmament 23 May — 1 July 1978. 5-10/2. New York: Office of Public information, 1978.
- United Nations. Agenda 21: The United Nations Programme of Action from Rio. New York: United Nations, 1993.
- United Nations. Report of the Fourth World Conference on Women, Beijing, 4-15 September 1995. New York: United Nations, 1996.
- Unnithan N. Prabha, Huff-Corzine Lin, Corzine Jay and Whitt Hugh P.* The Currents of Lethal Violence: An Integrated Model of Suicide and Homicide. Albany: State University of New York Press, 1994.
- Unnithan T. K. N. and Singh Yogendra*. *Sociology of Non-Violence and Peace*. New Delhi: Research Council for Cultural Studies, India International Centre, 1969.
- Unnithan T. K. N. and Singh Yogendra*. *Traditions of Nonviolence*. New Delhi: Arnold-Heinemann India, 1973.
- Unrepresented Nations and Peoples Organization (UNPO). *Nonviolence and Conflict: Conditions for Effective Peaceful Change*. The Hague: Office of the Secretary General, UNPO. 1998a. <http://www.unpo.org>.
- UNPO. *Yearbook 1997* / Ed. J. Atticus Ryan. The Hague: Kluwer Law International, 1998b.
- Villavincencio-Paurom Ruby*. *Nature/gunless society: utopia within reach* // Emelina S. Almarino and Asuncion D. Maramba, eds. *Alay sa Kalinaw: Filipino Leaders for Peace*. Makat: City: Aurora Aragon Quezon Peace Foundation and UNESCO National Commission of the Philippines, 1995. P. 146-151.
- Waal Frans de*. *Peacemaking Among Primates*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1989.
- Waal Frans de*. *Good-Natured: The Origins of Right and Wrong in Humans and Other Animals*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1996.
- Waal Frans de*. *Bonobo: The Forgotten Ape*. Berkeley: University of California Press, 1997.
- Walker Charles C.* *Nonviolence in Africa* // Bruyn and Rayman. 1979. P. 186-212.
- War Resisters League. *Handbook for Nonviolent Action*. New York: War Resisters League, 1989.
- Washington James M.*, ed. *A Testament of Hope: the Essential Writings and Speeches of Martin Luther King, Jr.* New York: HarperCollins Publishers, 1986.
- Wasserman Harvey*. *Killing Our Own: The Disaster of America's Experience With Atomic Radiation*. New York: Delacorte Press, 1982.

- Watson Peter.* War on the Mind: The Military Uses and Abuses of Psychology. New York: Basic Books, 1978.
- Weber Max.* Politics as a vocation // From Max Weber. Essays in Sociology / Ed. H. H. Gerth and C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 1958. P. 77–128.
- Weber Thomas.* Hugging the Trees: The Story of the Chipko Movement. New Delhi: Penguin, 1989.
- Weber Thomas.* Gandhi's Peace Army: The Shanti Sena and Unarmed Peacekeeping. Syracuse (N.Y.): Syracuse University Press, 1996.
- Weber Thomas.* On the Salt March: The Historiography of Gandhi's March to Dandi. New Delhi: HarperCollins Publishers India, 1997.
- Weeks John R.* Population. 6th edition. Belmont (Calif.): Wadsworth Publishing, 1996.
- Weinberg Arthur and Weinberg Lila.* Instead of Violence: Writings of the Great Advocates of Peace and Nonviolence throughout History. Boston (Mass.): Beacon Press, 1963.
- Whipple Charles K.* Evils of the Revolutionary War. Boston (Mass.): New England Non-Resistance Society, 1839.
- Whipple Charles K.* Non-Resistance Applied to the Internal Defense of a Community. Boston (Mass.): R. F. Wallcut, 1860a.
- Whipple Charles K.* The Non-Resistance Principle: With Particular Attention to the Help of Slaves by Abolitionists. Boston (Mass.): R. F. Wallcut, 1860b.
- Whitman Walt.* Song of myself // Leaves of Grass. 42: 33–42. Norwalk (Conn.): The Easton Press, 1855.
- Wilcock Evelyn.* Pacifism and the Jews. Landsdown, Gloucestershire: Hawthorn Press, 1994.
- Wilson H. Hubert.* Congress: Corruption and Compromise. New York: Rinehart, 1951.
- Wittner Lawrence S.* One World or None: A History of the World Nuclear Disarmament Movement Through 1953. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1993.
- Wittner Lawrence S.* Resisting the Bomb: A History of the World Nuclear Disarmament Movement, 1954–1970. Stanford (Calif.): Stanford University Press, 1997.
- World Bank. World Development Report 1997: The State in a Changing World. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- World Bank. Press briefing, «Poverty Update». Washington (D.C.), June 2, 1999.
- World Wildlife Fund. The Assisi Declarations: Messages on Man and Nature From Buddhism, Christianity, Hinduism, Jainism & Judaism. Gland, Switzerland: WWF International, 1986.
- Wrangham Richard and Peterson Dale.* Demonic Mules: Apes and Origins of Human Violence. New York: Houghton Mifflin, 1996.

- Yoder John H.* What Would You Do? A Serious Answer to a Standard Question. Scottsdale (Penn.): Herald Press, 1983.
- Yolting Andrew.* An Easy Burden: The Civil Rights Movement and the Transformation of America. New York: HarperCollins Publishers, 1996.
- Young Art.* Shelley and Nonviolence. The Hague: Mouton, 1975.
- Youth Division of Soka Gakkai.* Cries for Peace: Experiences of Japanese Victims of World War II. Tokyo: The Japan Times, 1978.
- Zahn Gordon.* Solitary Witness: The Life and Death of Franz Jagerstatter. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964
- Zaveri Zetha Lal S. and Kumar Mahendra.* Neuroscience & Karma: The Jain Doctrine of Psycho-Physical Force. Ladnun, Rajasthan: Jain Vishva Bharati, 1992.
- Zhang Yi-Ping.* Dui feibaoli zhuyi ying jiben kending (We should positively affirm nonviolence) // Shijie lishi (World History). 1981. N 16(3). P. 78–80.
- Zimring Franklin E. and Hawkins Gordon E.* Capital Punishment and the American Agenda. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Zinn Howard.* A People's History of the United States. New York: Harper & Row, 1980.
- Zunes Stephen, Kurtz Lester R. and Asher Sarah Beth,* eds. Nonviolent Social Movements: A Geographical Perspective. Oxford: Blackwell Publishers, 1999.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

НАЦИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ ПОЛИТОЛОГОВ, ВХОДЯЩИЕ В МЕЖДУНАРОДНУЮ АССОЦИАЦИЮ ПОЛИТОЛОГИИ (ДАННЫЕ 1999 г.)

Название	Год основания (Год основания предшествующей организации)	Кол-во членов
Ассоциация политологии Австралии	1966(1952)	425
Американская ассоциация политологии	1903	13300
Аргентинская ассоциация политического анализа	1981(1957)	180
Ассоциация политологии Великобритании	1964	1200
Ассоциация политологии Таиланда	*	*
Ассоциация политологии Узбекистана	*	*
Африканская ассоциация политологии	1974(1973)	1360
Бельгийская ассоциация политологии	1979(1951)	50
Бразильская ассоциация политологии	1952	*
Болгарская ассоциация политологии	1973(1968)	72
Венгерская ассоциация политологии	1982(1968)	468
Венесуэльская ассоциация политологии	1974	*
Датская ассоциация политологии	1960	350
Греческая ассоциация политологии	1957(1951)	265
Голландская ассоциация политологии	1966(1950)	350
Израильская ассоциация политологии	1950	250
Индийская ассоциация политологии	1935	1600
Ирландская ассоциация политологии	1982	247
Испанская ассоциация политологии и управления	1993(1958)	253
Итальянская ассоциация политологии		220
Канадская ассоциация политологии	1968(1913)	1200
Китайская ассоциация политологии	1980	1025
Китайская ассоциация политологии (Тайбэй)	1932	350
Корейская ассоциация политологии	1953	2000
Корейская ассоциация социологов	1979	1465
Литовская ассоциация политологии	1991	86
Мексиканская ассоциация политологии	*	*

Немецкая ассоциация политологии	1951	1300
Нигерийская ассоциация политологии	*	*
Новозеландская ассоциация политологии	1974	*
Норвежская ассоциация политологии	1956	500
Пакистанская ассоциация политологии	1950	300
Польская ассоциация политологии	1950	200
Румынская ассоциация политологии	1968	188
Русская ассоциация политологии	1991(1960)	300
Словацкая ассоциация политологии	1990	150
Словенская ассоциация политологии	1968	220
Турецкая ассоциация политологии	1964	120
Филиппинская ассоциация политологии	*	*
Финская ассоциация политологии	1935	550
Фламандская ассоциация политологии	1979(1951)	450
Французская ассоциация политологии	1949	1030
Хорватская ассоциация политологии	1966	100
Чешская ассоциация политологии	1964	200
Чилийская ассоциация политологии	*	*
Шведская ассоциация политологии	1970	264
Швейцарская ассоциация политологии	1950	1000
Югославская ассоциация политологии	1954	*
Южноафриканская ассоциация политологии	1973	186
Всего		35689

* Данных нет.

Источник: Participation (2000) 24/3: 24-32. Бюллетень Международной Ассоциации политологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ (1997 г.)

Основные направления

Центральное правительство	Государственная политика
Региональные исследования	Выборы и поведение электората
Законодательства	Политика местных и городских властей
Международные отношения	Женщины и политика
Исполнительная администрация	Политическая теория и философия
Международное законодательство	Политика развития
Юридические системы и поведение	Компаративная политика
Государственное управление	Методы политологии
Политические партии	

Исследовательские комитеты

Концептуальный и терминологический анализ	Политика и этнос
Политические элиты	Политическая география
Объединение Европы	Социо-политический плюрализм
Бюрократия в развивающихся странах	Возникающий международный экономический порядок
Компаративные исследования политики местных властей	Изучения стран азиатско-тихоокеанского бассейна
Политическая социология	Роли полов и политика
Женщины, политика и развивающиеся нации	Финансирование политики и политическая коррупция
Специалисты по законодательству	Политическая социализация и образование
Компаративные исследования законодательства	Политическая коммуникация
Изучение глобальной политики	Политическая поддержка и разобщение
Наука и политика	Вооруженные силы и общество
Биология и политика	Компаративная политика здравоохранения
Демократизация в перспективе компаративистики	Права человека

Структура и организация правительства	Компаративные исследования политологии как дисциплины
Федерация и федерализм	Представительные органы и системы выборов
Психология политики	Технология и развитие
Компаративный анализ общественного мнения	Политическая власть
Политическая философия	Пересмотр политического развития
Анализ государственной политики	Политика и бизнес

Исследовательские группы

Государство всеобщего благосостояния и развивающиеся общества	Религия и политика
Государственные предприятия и приватизация	Военное правление и демократизация в странах третьего мира
Новые мировые порядки	Развитие международной базы данных
Геополитика	Политика глобальных перемен в отношении окружающей среды
Системная интеграция разъединенных наций	Административная культура
	Социализм, капитализм и демократия

Источник: Participation (1997) 21 (3): 53.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

АМЕРИКАНСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ПОЛИТОЛОГИИ ОБЛАСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ (1998 г.)

Общие направления (Кол-во членов по рассылке)

Американское правительство и политика (4265)	Политическая философия и теория (2119)
Компаративная политика (4340)	Государственное управление (1240)
Международная политика (3450)	Общественное право и суды (1032)
Методология (1062)	Государственная политика (2391)

Частные направления

Развитые промышленные общества	Системы выборов
Африка	Энергетическая политика
Американская политика в Африке	Политика по окружающей среде
Американская политика в Азии	Этническая и расовая политика
Австралия	Оценочные исследования
Балканы	Политика исполнительных органов
Балтийский регион	Федерализм и межправительственные отношения
Бюрократия и организационное поведение	Теория феминизма
Канада	Внешняя политика
Страны Карибского бассейна	Франция
Центральная Америка	Гендерная политика
Центральная Азия	Германия
Китай	Великобритания
Гражданские права и свободы	Здравоохранение
Конфликты	История и политика
Конгресс	Жилищная политика
Конституция и теория	Иммиграционная политика
Уголовное право	Международное законодательство и организации
Оборона	Международная политическая экономика
Развивающиеся страны	Международная безопасность
Восточная Азия	Япония
Экономическая политика	Судебная политика
Образовательная политика	
Поведение электората	

Профсоюзная политика	Постсоветский регион
Латинская Америка	Президентство
Политика в странах Латинской Америки	Государственные финансы и бюджет
Исследования руководства	Общественное мнение
Исследования законодательства	Политика регулирования
Политика в отношении геев и лесбиянок	Религия и политика
Науки о жизни и политика	Методы исследования
Литература и политика	Россия
Мексика	Скандинавия
Ближний восток	Наука и технология
Политика по отношению к североамериканским индейцам	Социальные движения
Нормативная политология	Социальное обеспечение
Северная Америка	Южная Африка
Политическое поведение	Южная Америка
Политическая коммуникация	Южная Азия
Политическое развитие	Испания
Политическая экономия	Государственная политика
Политические партии и организации	Торговля
Политическая психология	Украина
История политологии	Соседственные Штаты
Позитивная политическая теория	Городская политика
Посткоммунистическая Европа	Западная Европа
	Женщины и политика

Секции (кол-во членов по рассылке)

Федерализм и межправительственные отношения (386)	Международная безопасность и контроль за вооружениями (441)
Законодательство и суды (757)	Компаративная политика (1372)
Изучение законодательных органов (589)	Политика и общество в Западной Европе (390)
Государственная политика (791)	Государственная политика (362)
Политические организации и партии (540)	Политическая коммуникация (381)
Государственная администрация (612)	Политика и история (585)
Конфликты (281)	Политическая экономия (612)
Представительство и системы выборов (326)	Экологическая и трансформационная политика (248)
Исследования президентства (394)	Новая политология (248)
Политическая методология (585)	Политическая психология (299)
Религия и политика (415)	Незаконченное высшее образование (329)
Городская политика (394)	Политика и литература (275)
Наука, технология и окружающая среда (327)	Местные источники международной политики (310)
Женщины и политика (560)	Выборы, общественное мнение и поведение электората (632)
Основы политической теории (531)	Раса, этнос и политика (442)
Компьютеры и мультимедиа (238)	

Источник: Американская ассоциация политологии, Почтовые рассылки ученым-политологам, 1998.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ АМЕРИКАНЦЕВ, ОТКАЗАВШИХСЯ ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ, ПРОХОДИВШИХ СЛУЖБУ В СОЦИАЛЬНЫХ ЛАГЕРЯХ (КОЛ-ВО ЧЕЛОВЕК)

Адвентисты	3
Адвентисты Седьмого дня	17
Английская церковь	1
Антинская церковь	1
Апостольская Христианская церковь	2
Апостольская Христианская церковь, Инк.	1
Апостольская церковь	1
Армия Спасения	1
Ассамблеи Господа	2
Ассамблеи Иисуса Христа Пятидесятницы	1
Ассамблеи христиан	32
Ассамблея братьев	1
Ассамблея Грейслон	1
Ассамблея Иисуса Христа	1
Ассамблея мира Пятидесятницы	3
Ассамблея Писания	1
Ассамблея Правды Писания	1
Ассамблея Пятидесятницы	2
Ассамблея Учеников Христа	1
Ассоциация изучающих Библию	1
Африканские епископальные методисты	1
Баптистская Святости	1
Баптисты Добровольные	2
Баптисты Седьмого дня	3
Баптисты, северные	36
Баптисты, южные	178
Береанская церковь	45
Благодать пилигримов	1
Братья Плимута	12
Братья Данкард	30

Бродвейский молитвенный дом	1
Буддисты	1
Век Писания	1
Вера Хенсба	6
Веслеанские методисты	8
Всемирная Конференция Полного Писания	4
Всемирная Федерация Студентов	2
Всеобщее Братство	1
Генеральная Ассамблея Святости	1
Греческая Апостольская	1
Греческая Католическая	1
Греческая Православная	1
Гуманистическое Общество Друзей	2
Даосисты	1
Движение апостольской веры	3
Дом Давида	2
Дом Молитвы	1
Духоборы	3
Духовная Миссия	1
Евангелистическая Миссия	3
Евангелическая и Реформированная	101
Евангелическая-конгрегационалистская	2
Евангелическая церковь	50
Евангелическая церковь Пятидесятницы	1
Евреи-христиане	1
Еврейская церковь	60
Единство	3
Ессеи (иудейская секта)	5
Защитники	1
Зороастрийцы	2
Институт Библии Муди	2
Институт Религиозного Общества и Философии	1
Испанская церковь Иисуса Христа	1
Истинная церковь Христа	1
Истинные Последователи Христа	1
Квакеры Роджерин (Друзья Пятидесятницы)	3
Конвент Евангелической Миссии (шведская)	11
Конгрегационалистская христианская церковь	209
Латиноамериканский Совет Христианских церквей	1
Лемурианское Братство	9
Лига Противников войны	46
Лютеранская (девять синодов)	108
Лютеранские братья	2
Маадазнам	1
Международное Миссионерское общество	2
Межконфессиональная церковь	16
Меннониты	4665
Методисты	673
Мирный Совет Латиноамериканских церквей	1
Миссионерская Ассоциация Иммануэля	13

Миссионерская церковная ассоциация	8
Миссионеры Царства Божия	1
Миссия Галилейская	1
Миссия Круга (Святого Отца)	10
Миссия Мегиддо	1
Миссия Писания	2
Миссия Полного Писания	3
Моравская церковь	2
Мормоны	10
Мусульмане	1
Назорейская церковь	23
Народная Христианская церковь	1
Народная церковь	3
Национальная Баптистская конвенция, США, Инк.	5
Национальная церковь Позитивного Христианства	5
Независимая Ассамблея Господа	2
Независимая церковь	2
Немецкое Братство Баптистов	157
Немецкое Собрание Баптистов Северной Америки	4
Норвежская Евангелическая церковь	2
Общество Друзей (Квакеры)	951
Общество Этической культуры	3
Объединенная молодежная международная ассамблея	2
Объединенная Святая церковь Америки	2
Объединенная Христианская церковь	2
Объединенная церковь Благодати, Инк.	1
Объединенные баптисты	1
Объединенные Братья	27
Объединенные пресвитерианцы	12
Объединенный Дом Теософистов	2
Объединенный Пятидесятный Совет Ассамблей Господень Америки	1
Оксфордское Движение	1
Ортодоксальный Парс	2
Освященная церковь Христова	2
Первая Апостольская церковь	1
Первая Божественная Ассоциация в Америке	16
Первая Миссионерская церковь	2
Посланники Христа	1
Последователи Иисуса Христа	4
Последователи Христа	1
Пресвитерианцы, США (US)	5
Пресвитерианцы, США (USA)	192
Примитивные Адвентисты	2
Прогрессивные братья	1
Реформированная Миссия Спасителя	1
Реформированная церковь Америки (Голландская)	15
Реформированные Адвентисты Седьмого дня	1
Римские католики	149
Розенкрейцеровское братство	1
Русская Старообрядческая церковь	1

Русские молокане	76
Сведенборг	1
Свидетели Иеговы	409
Свободная Методистская	6
Свободная церковь Пятидесятницы	4
Святая Миссия	1
Святая церковь Христова	1
Сербская Православная	1
Скандинавская Евангелическая	1
Союз Спасения	1
Спиритуалисты	1
Стандартная открытая Библия	1
Старая Немецкая баптистская церковь	7
Тело Христово	1
Теософисты	1
Триумф церкви и царства Божия во Христе	1
Триумф церкви нового века	1
Универсалисты	2
Универсальная Хинди	1
Унионская Миссия	1
Унионская церковь (Беря, Кентукки)	4
Унитарии	44
Учение «Христианская наука»	14
Ученики Христа	78
Федеративная церковь	1
Филиппинская полного Евангелия	1
Холл Писания	1
Храм Благодати	1
Храм Божественной Славы	2
Храм Веры	18
Храм всепобеждающей веры	1
Храм Дженингс	9
Храм Евангелия Голгофы	1
Храм Писания	2
Храм Писания	2
Храм Ридинг Роуд	1
Храм Троицы	1
Храм Шило	1
Христиане Плимута	1
Христианская католическая Апостольская церковь	1
Христианская конвенция	1
Христианская молодежная ассоциация	2
Христианские братья	1
Христианское миссионерское общество	1
Христианско-миссионерский союз	5
Христовая церковь золотого правила	3
Христово Братство	127
Церковь	1
Церковь Святого Писания	1
Церковь Спящей Жизни	1

Церковь Авраамской веры	13
Церковь апостольской веры	4
Церковь Бога во Христе	12
Церковь Бога Живого	2
Церковь божьей ассамблеи	1
Церковь братства	1353
Церковь Господа	33
Церковь Господа и всех святых	12
Церковь Господа и Духа святого	6
Церковь Господа Иисуса Христа	1
Церковь господя нашего Праведного	1
Церковь Господа, Гатри, Оклахома	5
Церковь Господа, Индиана	43
Церковь Господа, Сардис	1
Церковь Господа, Теннеси	7
Церковь Духа Святого, Крещенного Огнем	3
Церковь Завета Элима	1
Церковь Иисуса Христа	1
Церковь Иисуса Христа, Салливан, Индиана	15
Церковь Истины	1
Церковь Квакертаун	1
Церковь Народная	1
Церковь Нового века	3
Церковь Общины	12
Церковь Огненного столба	1
Церковь Открытой Двери	1
Церковь первородства	11
Церковь Писания	1
Церковь Писания Первого Века	28
Церковь полного писания	1
Церковь Правды	1
Церковь Пятидесятницы Благодати	6
Церковь Пятидесятницы, Инк.	2
Церковь Света	1
Церковь Свободной Благодати	3
Церковь Седьмого дня	21
Церковь Христа	199
Церковь Христианского братства	1
Церковь Христова	1
Церковь Христовой Святости	1
Церковь Царства Божия	1
Церковь Четырех Правил	2
Церковь четырехлистного клевера	1
Школа Библии	1
Школа Библии двадцатого века	5
Школа Библии Малтнома	2
Школа Божественной Библии	1
Школа изучающих Библию	1
Эмиссары Божественного света	1
Епископальная церковь	88

Всего присоединившихся к конфессиям	10838
Не присоединившихся	449
Конфессия неизвестна	709
Всего	11996

Источник: Anderson 1994: 280–286. Selective Service System 1950: 318–320.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Айкидо 59
Академия Международного Лидерства 72
Американское правительство 19, 88
Американская политология 19, 88–89, 139
Американская ассоциация политологов 88–89
Ассоциация американских историков 65

Б

Багхават Гита 90
Бахаизм 39
Бедность 108–111
Безопасность 97–116, 123–124, 126, 127, 136, 143
Биография 70–73, 118
Буддизм 39, 63, 71
Будущее 75, 76, 84, 106–107, 117–118, 120–121

В

Ваорани 141–142
Власть 21, 50, 75, 122–123, 138
Война 19–21, 30–32, 102, 113, 137–140
Всемирный Банк 109
Всеобщая Декларация Прав Человека 111

Г

Гандиграм Сельский Институт 58
Гендерный 72–73, 84, 120, 136
Геноцид 30–31, 99–100, 113
Глобальная Ненасильственная Организация Мира 105
Глобализация 24, 52–55, 63, 95–96, 103–107, 128–129, 142–143
Государство 19–21, 75, 80–81

Гринизм Общий Женский лагерь Мира 72

Гринпис Интернешнл 60, 125

Гуманизм 40, 63, 78, 130-132

Д

Даосизм 40

Демоцид 30-31

Демократия (см. также Свобода) 64, 79-80, 84, 92-95, 99-100, 111-113, 115-116, 118, 136-137, 139

Джайнизм 39, 56, 64

Духоборы 56, 63

Е

Еврейское Мирное Братство 56

Ж

Женщины 19, 25, 26, 36, 37, 72-73, 106, 111, 113-114, 142

Женщины в Черном 72

З

Закон, законодательство 55, 57, 82, 93, 105, 113

И

Индуизм 39, 90, 106

Изнасилование 19, 35, 42

Иновации 73, 74, 95-96

— их повторение 53, 62-63, 71

— их распространение 53, 62-63, 71

Институты 56-62, 92-96, 117-129, 136-137

Ислам 39, 120

Исследования 60, 89-96, 97-99, 118-120, 123, 126, 128-129, 134

История 82, 92

насилия 22-24, 137-138

ненасилия 65-70, 82, 92-93

Институт Альберта Эйнштейна 60

Институт Уолдогча 110

Искусство 28, 61, 70, 125-126, 133

Иудаизм 41, 63

К

Квакеры 56, 65-66, 67, 125

Класс 21, 35, 38, 84, 94, 98, 108-111, 122, 141

- Комиссия Карнеги по предотвращению смертельных конфликтов 105
Коран 39
Компаративная политика 19, 93–94
Конфликт 19, 42–43, 48–49, 114–116
Конфуцианство 40
Культура насилия 24–32, 48–49, 77, 94–95, 115, 137–138
 ненасилия 48–49, 60–61, 65–70, 76–81, 94–95, 97–99, 111–112, 124–129,
 141–142

Л

- Лидерство 19–21, 71–72, 99–100, 116, 118–123, 134–136, 137
Любовь 59, 83, 90, 91, 143

М

- Матери Плаза де Майо 72
Международная Амнистия 60, 111–112, 125
Международная Ассоциация политологии 87–89
Международная Исследовательская Ассоциация Мира, Комиссия по Ненасилию
 60
Международная Организация Противников Войны 60
Международная политика 18–19, 95–96
Международное Братство Примирения 56, 125
Меннониты 64
Методы 86–87, 96
Мечи на плуги 69, 139
Мир 30, 31–32, 43, 44, 50, 138
Мужчины 25–26, 37–38, 136

Н

- Нагорная проповедь 63
Население 38–39, 110
Науки 33, 41–51, 60, 76–78, 86–87, 108–110, 112, 121, 136–137, 142–143
 антропология 43–44, 48–50, 141–142
 био-неврология 45
 медицина 131–132
 психиатрия 47–48
 психология 42–43
 физика 43
 философия 41–42
 экология 110, 113–114
 экономика 108–111
 этология 42–44
Национализм, ненасильственный 70
Ненасильственная борьба 61–63
Неприятие убийства
 биографические основы 70–73

биологические основы 42-51
 всер альтернатив 79
 духовные основы 39-41
 институты 56-63
 исторические основы 63-70, 82
 как свойство общества 17-18
 коэгент 17-18
 критика 11, 19, 32, 91, 106
 логика анализа 76-77
 научные основы 41-51
 основные тезисы 11-12, 73-74, 132-133
 политика 51-55
 принципы действия 79-80
 сдвиг парадигмы 81-89

О

Образование (см. также Пантис Сена) 34-36, 57-58, 75, 85-87, 118-121, 134-136
 Окружающая среда 80, 106-107, 113-114, 142
 Организация Непредставленных Народов (ОИИ) 17, 32-33, 125
 Отказники от выполнения воинской повинности 54-55, 63, 69, 71

П

Партия Пацифистов США 56-57
 Партия Братства 56
 Подготовка 57, 59, 76, 97-98, 118-121, 123-125, 134-136
 Политология
 вопросы 17-19, 32-36, 37, 41-42, 47-48, 75-77, 89, 92-93, 96, 97, 117, 132,
 139-140
 глобальное определение 142-143
 задачи 118-119
 области 19, 87-89
 тезис о принятии насилия 118-22
 Политическая теория 18-22, 75, 80, 83-84, 130-132
 Природа человека 18, 22, 32, 34-35, 37-39, 41-52, 70-74, 103
 Права человека 20, 60, 106, 111-112

Р

Равенство 35, 79, 91-92, 106, 108-111, 131, 136, 138-139
 Разоружение 107-108
 Раса 67, 69-70, 84, 96
 Революция 100-103
 в политологии 81-89
 и неравенство 109-110
 Религия 22, 39-41, 45-46, 55, 62-64, 65-70, 75, 78, 83-84, 90, 96, 106, 120, 124-125,
 133, 137-138, 141-142
 Решение проблем 77, 79, 80, 97-99, 136

С

- Сарводайя, партия 57
Свобода 20, 22, 27, 32, 65–70, 79–80, 92–93, 103, 111–113, 132, 137, 139
Севильское Обращение о Насилии 50
Смертная казнь 21, 27, 52–53, 64, 82
Соединенные Штаты
 военные традиции 22–24
 культура насилия 27–30
 оружие 26–27
 традиция ненасилия 65–70
 убийства 25–26, 38–39
Сотрудничество 42–43, 114–116, 117, 142–143
Справедливость 136

Т

- Творчество 50, 79–80, 86, 89–93, 95–96, 105–106, 111–112, 116, 124, 128–129, 136–137
Толстовцы 64
Транснациональная радикальная партия 57

У

- Убийство
 воронка 78
 неизбежность 18–19, 32
 отношение к 76, 80, 81–82
 циклы 99–100
Университеты 57–58, 121

Ф

- Феминизм 68, 96

Х

- Холокост 19, 24
Христианство 39, 62–63, 141–142

Ц

- Ценности 30, 32, 43–44, 79–80, 114–116, 117–118, 136–142
Центр «За ненасилие через искусство» 61
Центры глобального ненасилия 128

Ш

- Шанти Сена 57–58, 120, 123

Э

Экономика 32, 84

и насилие 18, 23-24, 32-35, 49, 67, 77, 108-111, 131, 139

и ненасилие 35, 49, 56, 67, 78, 108-111, 127-128, 142

Этническая принадлежность 84, 96

Я

Ядерное оружие 29, 50 51, 62, 108, 111, 131, 138-139

Язык 28 29, 96

Оглавление

Введение	7
Предисловие	11
Признательность автора	14
Глава 1	
Возможно ли общество неприятия убийства?	17
Глава 2	
Предпосылки создания общества неприятия убийства	37
Глава 3	
Значение нашей теории для политологии	75
Глава 4	
Значение политологии неприятия убийства для решения проблем	97
Глава 5	
Значение политологии неприятия убийства для общественных и государственных институтов	117
Глава 6	
Глобальная политология неприятия убийства	131
Примечания	144
Литература	147
Приложение А	167
Приложение Б	169
Приложение В	171
Приложение Г	173
Предметный указатель	179

Гленн Д. Пейдж

**ОБЩЕСТВО БЕЗ УБИЙСТВА:
ВОЗМОЖНО ЛИ ЭТО?**

Редактор *Е. Е. Жирнова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Компьютерная верстка *Ю. Ю. Тауриной*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 14.02.2005. Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,75. Заказ 22.

Издательство СПбГУ, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41.